

3 РУССКАЯ РЕЧЬ 1980

МАЙ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ИЮНЬ

В номере:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 35-летию Победы

- А. Н. Кожин. Слово о Великой Победе (по роману Ю. Бондарева «Горячий снег») 3
- Н. Г. Михайловская. Эхо минувшей войны (о стиле романа «Судный день» В. Козько) 7

К 75-летию М. А. Шолохова

- Ф. Г. Бирюков. Шолоховское узнается сразу 14
- А. А. Брагина. Мысль, чувство, образ 22
- Л. В. Уманцева. Прямая речь в романе «Тихий Дон» 27
- В. В. Громова. Прозвища в романе «Тихий Дон» 31

К 75-летию Л. Н. Мартынова

- З. А. Петрова. «Уступка художественному мышлению» 38
- А. И. Горшков. Искренность и точность выражения 44
- В. В. Одинцов. Вечер в Кишиневе. Пушкин и Раевский (к уроку литературы) 49
- В. В. Лопатин. Коричневый в черноту; синий в лиловость (о языке прозы Ю. Нагибина) 55

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

- Песни о войне и Победе 62

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Н. И. Формановская. Речевой этикет. Обращение к незнакомому 67
- С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (60 лет советскому кино — 60 лет советского кино) 72

ЛЕКСИКА

- Е. П. Ходакова. Народная лексика у Пушкина 77
- Н. И. Сергеева. Правдолюб и правдолюбец 83

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. П. Филин. Слово и его значения	88
В. В. Иванов. О происхождении русского языка	95

СРЕДИ КНИГ

Слово в языке произведений В. И. Ленина	100
Две книги о языке газеты	74
Энциклопедия «Русский язык»	85
А. Н. Тихопов. Школьный словообразовательный словарь русского языка	101
Э. М. Мурзаев. География в названиях	140

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. А. Пауткин. Воинские описания в «Повести временных лет»	104
В. Г. Демьянов. Лексика «Вестей-кураптов» XVII в.	109

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

М. К. Хамраев. Язык нашего единства	116
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Александр Иванович Томсон (1860—1935)	120
Иван Григорьевич Голанов (1890—1967)	123
В Институте русского языка АН СССР	126

ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНЫ МОСКВЫ

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Олимпийская деревня	130
--	-----

ОЛИМПИЙСКИЕ ВИДЫ СПОРТА

А. С. Авакова. Велоспорт	132
------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. К. Юношева. «...Во лжи прелестной обличу»	135
В. Е. Райкова. Почему шаман занимается камланием?	140

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Е. А. Левашов. Валаам — остров загадок	145
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Выдать (с) головой	114
Волнительный, волнительно; Знакомый кот глазами художников	154
Кроссворд	158

На обложке: Рисунок Б. Захарова

К 35-летию
Победы

СЛОВО
О
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЕ

По роману Ю. Бондарева
«Горячий снег»

Прошло 35 лет со дня исторической победы над германским фашизмом.

Усилиями советских писателей создана летопись Великой Отечественной войны — замечательная галерея художественных, реалистически колоритных образов тех, кто в бою и в труде вносил свою лепту в героическую борьбу с фашистским нашествием.

«Мы писали о человеке, очутившемся в самой нечеловеческой обстановке. Мы искали в нем, — подчеркивал Ю. Бондарев, — силы преодоления самого себя и в жестокие дни искали добро и пытались увидеть будущее. Мы изображали войну такой, какой видели ее сами, какой она была».

И действительно, в произведениях Ю. Бондарева война предстает такой, какой ее видел писатель, прошедший фронт от солдата до офицера.

Так, в романе «Горячий снег» самым участником жесточайших сражений рассказано о событиях лютой зимы 1942 года, когда танковые армады Манштейна, рвавшиеся на выручку к окруженным под Сталинградом войскам Паулюса, были остановлены, и рассказано так убедительно, точно, достоверно, что мы воочию видим один из самых драматических переломных моментов минувшей войны.

Батальные сцены, демонстрирующие стойкость и беззаветное мужество советских воинов, представлены в динамике коллизий, возникающих в боевых ситуациях разворачивающегося сражения; изображаемое подано так, как оно воспринимается непосредственным участником боя. Например, так описано яростное сопротивление противника, вынужденного под стремительным натиском оставить захваченные позиции: «Немецкие танки, как разбуженные, поднятые облавой звери, злобно огрызаясь, в одиночку и сбитые в отдельные стаи группами отползали от берега под натиском наших „тридцатьчетверок“, уже захвативших две переправы... Из этого скопища машин, железно и страшно ревящих затравленной стаей, приостановленной перед балкой, откуда наступали они утром, поминутно стрелявших назад по северному и южному берегу, стали отрываться, не выдержав остановки, одиночные танки, расползаясь в разные стороны». Здесь бессильная злоба вражеских войск в проигранном сражении нарисована ярко, правдиво словами, сравнивающими танки противника с дикими зверями, почуявшими гибель (звери, стаи, разбуженные, поднятые, злобно огрызаясь, сбитые в стаи, страшно ревящих затравленной стаей, отползали, стали отрываться).

А как метко схвачена глазом очевидца смертельная агония вражеского танка! Автор находит для изображения слова, обозначающие конкретно представляемые действия (увеличивая скорость; тараном вонзился; стал разворачиваться, как бы уминая, уравнивая что-то; замер, косо встав): «А танк, все увеличивая скорость, все сильнее охватываемый широко мотающимся по броне огнем, тараном вонзился, вошел в эту тьму, сомкнувшую орудие, стал разворачиваться вправо и влево на одном месте, как бы уминая, уравнивая что-то своей многотонной тяжестью. Затем взрыв сдвинул воздух. Черный гриб дыма вместе с огнем вырвался из башни, танк замер, косо встав одна⁺ гусеницей на раздавленном орудии. Во вспыхнувший костер сбоку вонзились одна за другой трассы, мелькая вдоль

фронта батареи,— это вело огонь по танку орудие Уханова».

Точность в описании фронтového быта, в изображении перипетий боевой обстановки достигается умением найти нужное слово или словосочетание для зримого представления предмета, поступка, явления. Так, большие группы вражеских бомбардировщиков называются *косяками* — словом, обозначающим гурты животных или стаи, скопления рыб, птиц: «Первый косяк самолетов стал заметно менять конфигурацию, растягиваться, стал перестраиваться в круг...», а их боевой порядок, связанный с заходом на поочередное бомбометание,— образно емким словом *карусель*: «Огромная карусель „Юнкерсов“ вращалась над берегом, и опять, сваливаясь из круга, подставляя засверкавшие плоскости невидимому солнцу, скользнул в пике над дальними пехотными траншеями головной „Юнкерс“, круто пошел к земле».

Ход изображаемой битвы воссоздается описательно, при помощи словосочетаний, передающих приметы зрительного образа, запечатлевающегося в сознании солдата в то или иное мгновение ожесточенной борьбы. Удары бронбойных снарядов напоминают *фосфорические росчерки*, полет реактивных мин — *огненные струи*, разрывы немецких реактивных мин — *раскаленные спирали*, изуродованный бомбами и снарядами ледяной покров реки — *оспинную черноту*.

Смертоносный гул орудий войны узнается на слух: залпы немецких минометов — *как животное, задыхающееся мычание*, разрывы мин этих минометов — *как землетрясение*.

Писатель, воспроизводя картины боя, часто использует сравнения с предметами и явлениями из мирной жизни. Подбитые и подожженные немецкие танки горят, как *мокрые стога*; немецкие танки с белыми крестами на желтом боку воспринимаются как *огромные пауки, пришедшие с другой планеты*; блиндаж, осыпaeмый градом снарядов и ливнем пуль, кажется плывущим, как *плот в темноте*.

Изобразительной емкостью обладают, например, построения с наречиями образа или способа действия *по-волчьи, по-звериному* при описании танковой атаки: «...скрежеща траками, зашевелились, по-звериному блеснули глазами фар»; «Над этой катящейся с гулом массой машин неожиданно вырвалась в небо красная ракета, сигналя, и треугольник начал распадаться на танковые зиг-

ваги. Пронизывая пелену мглы, по-волчьи стали вспыхивать и гаснуть фары».

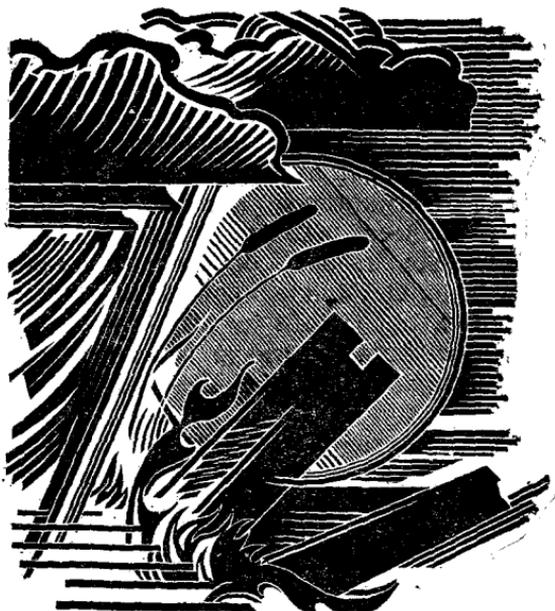
Хотя роман Бондарева о войне, нередко военные термины заменяются словами общелитературной и даже обиходно-разговорной речи, чем достигается особая естественность, выпуклость изображения, возникают бытовые ассоциации. Боевой порядок танков в виде ломаной линии воспринимается как *зигзаг танков*: «Гигантский зигзаг танков выходил, выкатывался по всему фронту к переднему краю обороны». Боевые действия войск по преодолению вражеской обороны характеризуются «мирными» словами: *вгрызаться*, *прогрызать* и т. п. Обиходно-разговорные слова передают действия боевой техники, подразделений войск и военнослужащих в ситуациях на поле боя: *утожить* — уничтожать позиции и живую силу противника гусеницами танка; *просочиться* — проникнуть в расположение противника; *играть*, *заиграть*, *сыграть* — вести огонь реактивными снарядами, о действиях «катюш»; *прошивать* — простреливать; *самоходка* — самоходная артиллерийская установка и другие.

Роман Ю. Бондарева «Горячий снег», с потрясающей достоверностью рисующий жестокий бой, отдельные напряженные схватки, когда даже снег становится горячим, обладает лирическим обаянием. Это прямо связано с замечательным женским образом санинструктора Зои Елагиной. Образом девушки на передовой, выполняющей тяжелую и опасную работу, писатель показал ту удивительную душевность, которая смягчала суровый быт войны. «Вблизи вагона среди улыбающихся солдат стояла санинструктор батареи Зоя Елагина, в кокетливом белом полушубке, в аккуратных белых валенках, в белых вышитых рукавичках, невоенная совсем, вся от этого празднично чистая, зимняя, будто из другого, спокойного, далекого мира». Автор настойчиво повторяет определение *белый* (цвет солдатского обмундирования Зои), подчеркивая этим свойственную девушкам, пришедшим на войну, нежность, хрупкость, женственность, душевную щедрость наряду с мужеством и стойкостью.

Итак, Ю. Бондарев, используя богатейшие выразительные возможности русского языка, убедительно показал всю правду героической борьбы советских воинов, которые исполняют свой долг до конца. «Горячий снег» — книга о трудной победе. Но именно о победе.

А. Н. КОЖИН

Белорусский писатель Виктор Козько, лауреат премии Ленинского комсомола, в своем творчестве обращается к теме войны. Его произведения «Судный день» и «Повесть о беспризорной любви» объединены одной темой — оборванное войной детство, незаживающая душевная рана. Оттого так пронзителен тон этих книг. Виктор Козько принадлежит к числу писателей, пишущих и на своем родном, белорусском, языке, и на русском.

ЭХО минувшей ВОЙНЫ

О стиле романа «Судный день» В. Козько

«Небо плавилось. Небо горело и пылало. Рушилось солнце. Ломалось пластами и текуче подминало под себя уже ломкие от жара просини, белесую дорожку от промчавшегося над городом еще затемно самолета. Огонь и жар плыли на землю. И вот огонь и жар коснулись земли, солнце алой лавой обрушилось на дальнюю кромку леса и помчалось по земле, затопляя все на своем пути нестерпимой яркостью.

— Что же это такое? Что это? — не слыша своего голоса закричал Колька, закрыв глаза и выбросив перед собой руки.

Так начинается повесть Виктора Козько «Судный день». Место действия — небольшой белорусский городок; время действия — десять лет спустя после войны. То мирное время, когда восстанавливалось разрушенное хозяйство,

строились заново дома и заводы, налаживалась жизнь. Но можно ли восстановить искалеченные судьбы? Можно ли вернуть в жизнь детей, прошедших через самые страшные испытания войны?

Основное, что характеризует произведение Козько,— это напряженный тон повествования, который зависит не столько от сюжетного развития событий, сколько от внутреннего пафоса, психологического накала. Этот высокий трагедийный пафос определяет весь стиль повести. Но прежде, чем анализировать языковые особенности произведения, надо, хотя бы вкратце, изложить его главную сюжетную линию,— иначе все лингвистические наблюдения потеряют свою тематическую опору, повиснут в воздухе.

Колька Летечка (это имя дано ему в детдоме, а своего он не помнит) маленьким ребенком попал в концлагерь, где содержались дети-доноры, у которых брали кровь для немецких солдат. Ни матери, ни отца он не помнит. А те нечеловеческие душевные и физические страдания, которые он испытал, вообще отнимают у него память о прошлом. После освобождения из концлагеря Колька Летечка живет в детдоме среди таких же ребят-сирот. Но однажды эта жизнь, со своими радостями, волнениями и трудностями, нарушена событием: в городе должен состояться суд над бывшими полицейскими-карателями. И вот на судебном заседании, слушая показания подсудимых, мальчик вспоминает все, что с ним произошло. Страшное прошлое оживает — и убивает Колю Летечку. Но его смерть предопределена теми событиями, которым уже более десяти лет. Он обречен: у него больное сердце, надорванное прошлыми испытаниями, и никакие силы не способны восстановить того, что у него было отнято в детстве.

Стиль повести характеризуется обостренным столкновением действующих лиц и событий, ассоциативными связями между прошлым и настоящим, сопоставлением образов и понятий в их сходстве и противоположности. Антитеза понятий содержится уже в сюжетной ситуации: семнадцатилетний мальчик должен умереть, он это знает и всеми силами противится: «он почти уговорил себя умереть. Но уговор и согласие были притворными. В глубине души он надеялся, что все это понарошке, что все это игра, Жуткая, затягивающая, но игра». Противопоставленность углубляется в образах товарищей Кольки, Стася Дзыбатого и горбатого Васьки Козела,— ребятах, перенесших

самые страшные ужасы войны, «недоделках», как их называли в детдоме; «Гном Козел был в детдоме первым математиком и чемпионом по шашкам. Но никто не знал, как ненавидел он эти шашки, как, таясь, ночами выдирали из рамы стекло и, обдирая горб, забирался через окно в ленинскую комнату, собирал шашки, шахматы и жег их в печке <...> Так мстил он в первую очередь, видимо, самому себе, своему горбу за свою обделенность детством».

В приведенных примерах противопоставление осуществляется на уровне синтаксических связей: противительный союз *но* формально не соединяет два предложения, а разобщает их, подчеркивая смысловую несовместимость, даже парадоксальность их содержания.

По-другому строится контекст, относящийся к Кольке, в котором противопоставленность по содержанию выражается с поддержкой слов-антонимов: «До прихода солдат в темную курную избу память его — белый лист бумаги, потому она так и обширна, как явствует из выданной ему в школе характеристики. Нет в ней прошлого. <...> И какой насмешкой звучат из той же школьной характеристики слова о *богатой* памяти. С чем можно тогда сравнить память *бедную*?».

Автор намеренно сталкивает в своей повести разнородные понятия, противоположные признаки, отдельные образы. Рядом с Колькой Летечкой — дед Захарья Сучок, детдомовский сторож. Захарья, как и Летечка, ждет своего конца, — старый и малый. А объединяет их одно — бремя пережитого. Когда Захарья говорит Кольке «после Ивана Купальника срок твой», в его памяти живет та страшная ночь, в которую погибли его дети: «То же на Ивана Купальника ночь была. Погорели *Сучки*. Деревня наша *Сучки* сгорела, и люди в ней тоже все *Сучками* прозывались и все сгорели. Выполз из того огня один я да соседка. Я *сучок*, она *сучок*, у меня дети сгорели, у нее дети сгорели, у меня баба сгорела, у нее мужик сгорел. А жить надо. Вот и живем с нею с той поры». Иван Купальник (Купала) в речи деда Захарьи приобретает символический смысл: сожжение деревни карателями ассоциируется с обрядом, уходящим в древность, когда в ночь с 23 на 24 июня (по старому стилю) сжигали соломенное чучело. Само название *Сучки* трансформируется в метафору («я *сучок*, она *сучок*»), в которой это существительное — уже как нарицательное слово — употребляется с двойным содержанием: для обозначения одиночества и для обозначения

пия сухого дерева, которое уже никогда не даст побегов.

Одновременная разноплановость образа получает развитие и в дальнейшем повествовании. Когда в Летечке пробуждаются воспоминания, он видит себя как бы со стороны: «А бревна попадались уже непрерывно, гребля-гать. Мальчишка запутался в них и упал. И тут же из-за леса выскользнула луна <...> И при этом свете мальчишка увидел, что никакие не бревна свалили его, а люди. Люди густо выстелили своими телами дорогу. И мальчишка лежал на человеке, на старике <...> На мальчишку смотрели остекленевшие глаза. И эти глаза больше всего испугали мальчишку. Он прынул от них, рванулся встать. Но *сучки* — руки старика — будто ожили вдруг и не пустили его».

Люди — бревна, руки — сучки. Как страшен, как мучителен переход от живого к неживому. Традиционная поэтическая формула сравнения-метафоры (уподобление человека яблоне, березе) превращается у Козько в такое средство экспрессии, которое ложится в основу отдельных воспоминаний Кольки Летечки: «— Мама, спаси меня! — пяти-шести-семи лет пацан, подпоясанный веревочкой, в зеленой материнской кофте, в зеленом материнском платке *недозрелым зеленым плодом* висел на материнской шее. <...> А трое в черном с молниеобразными буквами на погонах, с костями и черепом на пилотках — не подходит, смертельно — трясли его мать, *как грушу*. Двое клонили ее книзу, выламывали ей руки, а третий рвал на себя мальчишку, рвал, откручивал, как откручивают *с ветки, взяв за бока, яблоко*».

Время пережитого стирает возраст, равняет детей и стариков. Те же понятия, которые приложимы к Летечке, становятся признаками, свойственными старикам. «*Сироты* мы с тобой, Захарья, *сироты*», — говорит дед Ничипор деду Захарье при встрече. Баба Зося, старуха-нянька в детдомовском изоляторе, «то же *недобелок* или недожиток». Это она, баба Зося, сопровождавшая мальчика из госпиталя в детдом, дала ему фамилию — Летечка: «— *Летечком* этим он на ноги встал. Пусть уж и будет *Летечка*». В тексте повести эта фамилия приобретает свой особый смысл, свою обусловленность. Сходство собственного имени *Летечка* и нарицательного *лето* имеет ассоциативную связь. Семнадцатое Колькино лето стало для него роковым и Козько пишет: «То было *лето* забывания, *лето* прощания, *лето* расставания с прошлым»,

Летечка, унучак (внучек), *ускараскался* (вскарabкался), *гинут* (гибнут) и другие свойственные белорусскому языку элементы встречаются главным образом в прямой речи персонажей старшего поколения. Они воспринимаются как органически единые со всем стилем произведения, усиливают и углубляют достоверность художественного изображения. Знаменательно, что автор не дает ни одной сноски к белорусизмам, при использовании элементов национальной речи соблюдается та необходимая мера, которая сообщает повести характер произведения именно национальной литературы.

Но дело, конечно, не только в отдельных словах. Национальным видением проникнуто обращение к родной природе: «где еще есть, кроме Белоруссии, такие укромные реки с нависшим над водой орешником и лозняком, с подступившими к берегу дубками, с таким белым и желтым песком?». Национальная культура определяет сочиненную Летечкой сказку для самого себя о бабе Зосе: «Баба Зося была для Летечки не просто бабой Зосей, сухонькой румянькой старушкой с проворными глазками и семящей походкой. Она была *колосовской* шляхетной пани Ядвисей из его трилогии „На росстанях“». В последнем случае наблюдается тот же прием сопоставления (баба Зося — пани Ядвися), характерный для всей повести, при котором слиты воедино «голос автора» и «голос персонажа». Когда Козько пишет: «Привычная, милая сердцу Слобода с кривыми пыльными улочками, деревянными домами, покосившимися заборами», он видит окраину белорусского городка глазами детдомовских ребят.

Но автор не описывает единичное — он, так сказать, «исключает исключительность». Страдания его героев — это страдания всех, перенесших проклятие свастики. И потому собственные имена самим автором превращаются в имена нарицательные: «И *Марусевичи, Козелы, Летечки* умирали в то лето и в другие лета в других детдомах. В других детдомах по всей Белоруссии были свои *Летечки*, свои *Стаси*, свои *Козелы*, повязанные единой судьбой, единым страшным детством, которого многие из них, подобно Летечке, и не помнили...». Но только ли белорусские дети пали жертвами фашизма? Нет. Крик Кольки Летечки, прозвучавший в зале судебного заседания десять лет спустя после войны, — это эхо зова о помощи всех детей, насильно отторгнутых от матерей: «Мама, спаси меня! — закричал он на весь зал, как кричал на всю землю в том

далеком сорок третьем, как кричали тысячи и тысячи его сверстников».

Сцены суда, пожалуй, самые кульминационные в повести. Ассоциативные связи в сопоставлении и противопоставлении образов еще более обостряются. Контраст подчеркивается уже в начале описания судебного дня: «А людское море на площади *продолжало бушевать*. Правда, отдельных голосов не было слышно, но время от времени словно волна там набегала и ворочала гальку. Утро же было *спокойное и тихое*, ни тучки на небе, ни залетного приبلудного ветерка в деревьях. *Тишь да гладь*».

Противопоставление содержится и в прямой речи. Так, реплика деда Захарьи основана на противопоставлении слов-антонимов: «*Живые мертвых* судить будут». В авторской же речи используется сочетание определения и определяемого, выраженного взаимоисключающими по своему смыслу словами: «Полицейских словно только что вытащили из какой-то ямы, сырого погреба, так несло от них гнилью и плесенью. Мертвецы, *живые мертвецы* сидели перед ним».

Авторская речь как бы суммирует то, что говорят, думают, чувствуют персонажи повести. В сценах суда автор-рассказчик порой целиком переключается на видение Кольки Летечки. Реакция на показания подсудимых передается через чувства мальчика. Бывший каратель Калягин рассказывает, как производились «акции»; он всячески избегает говорить о своих действиях, избегает местоимений, предпочитая употреблять неопределенно-личные предложения: «Женщины, старики, дети, по тридцать-сорок человек в машине. *Везли километров десять по Могилевскому шоссе, поворачивали влево, к Тростянцу. Становились задним бортом к яме... Размеры? Как вам сказать...*

Летечку передернуло от этого «как вам сказать», от хозяйского прищуря глаз Калягина (...) Калягин говорил буднично и спокойно, по-хозяйски, все прикидывал, расчетливо выбирал каждое словцо, и эта его неторопливость и обстоятельность пробуждали к жизни *полицейских, а люди затаились, притихли*». Авторская оценка происходящего выражается противопоставлением, основанным не на антонимическом, противоположном значении слов, а на их ситуативно «заостренном» содержании, продиктованном данными обстоятельствами: «пробуждали к жизни *полицейских, а люди затаились, притихли*».

«Будничность» показаний контрастирует с трагизмом Летечкиных воспоминаний, когда он «недозрелым зеленым плодом висел на материнской шее». В показаниях карателя это выглядит так: «Матери царапались и плакали. Их загоняли за колючую проволоку, расстреливали, отправляли в Германию. Детей грузили на машины и увозили».

Противопоставление Летечки карателю осуществляется не только через разные формы повествования. Внешнее совпадение фактов углубляет, усиливает диаметрально противоположность образов. Идя от сопоставления, Козько ведет к антитезе, выраженной содержанием: «Летечке сейчас было *семнадцать*. И Калягину в октябре сорок третьего было тоже почти *семнадцать*. Путь Калягина, как и его собственный путь на земле, только начинался. Только начинался, но сколько тому, чтобы выжить, пришлось уже убит». И еще одно сопоставление-противопоставление, имеющее глубокий внутренний смысл в повести. Это — взаимоисключающая параллель — каратель Калягин и судья: «Летечка не знал и никогда уже не узнает, что перед судьей в ту минуту стоял его земляк, что этот Калягин жил когда-то в соседней с ним деревне, что судья *семнадцати* лет ушел в партизаны».

Семнадцать лет — тот возраст, в котором по-разному определяется судьба персонажей повести. Семнадцатилетний Калягин становится предателем; семнадцатилетний деревенский парень, будущий судья, уходит в партизаны; семнадцатилетний Коля Летечка умирает.

В описании смерти Летечки автор возвращается к картине, которая преследовала Летечку при пробуждении. Используя те же слова и словосочетания, Козько дает контексту иную синтаксическую организацию: отдельные простые предложения заменяются одним, в котором называемые явления как бы устремляются одно за другим и обгоняют друг друга: «У него еще хватило сил отворить дверь и выйти на крыльцо и там, на крыльце, увидеть, как плавится, горит, пылает небо, рушится солнце, ломается пластами и текуче подминает уже парящие от жара про-
сини».

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Рисунок В. Толстоногова

*24 мая исполняется 75 лет со дня рождения
выдающегося советского писателя
Героя Социалистического Труда, лауреата
Государственной, Ленинской и Нобелевской премий,
академика Михаила Александровича Шолохова*

Шолоховское узнается сразу

Исключительный интерес исследователей, критиков, писателей к творчеству Шолохова — мастера эпического повествования, стилиста — объясняется тем, что новаторски разработанная им система изобразительных приемов отражает глубокое постижение духа народности языка, его стиль сохраняет преемственность животворной традиции реалистического письма.

А. А. Потебня так определял свой критерий стилистической колоритности: «Если художник не рассыпается в подробностях, если впечатления слуха и других чувств прикреплены к впечатлениям знания, если определена точка зрения и вполне выдержана, а при перемене ее читатель подготовлен к ней, если изображаемое словом легко слагается в одно целое, тогда картина хоро-

па, тогда получается эстетическое удовольствие в силу экономии энергии, в силу легкости воспроизведения и прочности впечатлений, тогда чувствуется своеобразный ритм образов, представлений, и мы не скажем: „Тяжелое описание, скучное!..“ Общее правило, вытекающее из основного положения об отношении изобразительных искусств к слову, состоит в требовании умеренности в описаниях и имеет очень глубокие психологические основания» («Вопросы теории и психологии творчества». СПб., 1910).

Шолоховское узнается сразу — по лексическому отбору, интонации, изобразительным оттенкам. Редкая способность заимствовать краски, детали, штрихи непосредственно от солнца, трав, зари, звезд, речных волн и ракушек, нависших над берегом Дона, — от всей природной среды и многоликого человеческого окружения, с чем связаны, говоря словами Потебни, «впечатления знания», умение найти для отражения этой данности мира свои неповторимые слова и способы их расположения, «своеобразный ритм образов, представлений», определились в Шолохове очень рано.

«Зарею брызнуло на разлапистые листья кувшинок...», «Заря в тумане, в мокрети мгlistой» (Родинка), — пишет он в свои девятнадцать лет. Все здесь — от земли, от родной природы. И это стало доминантой его стиля на всем творческом пути.

Вот из «Тихого Дона»:

«Горловой полнозвучный крик уронил, пролетая над двором, ворон. Отчетливо в морозной стыни слышен шелест медленных во взмахах крыльев. Петро проследил за полетом, сказал:

— К теплу, на юг правится.

За розовеющим, веселым, как девичья улыбка, облачком маячил в небе тоненький-тоненький краешек месяца».

А. П. Чехов готов был по отдельным фразам разбирать повесть М. Лермонтова «Тамань»: настолько совершенной казалась она ему — по живописи, музыке, эмоциональному напряжению, точности описаний. Шолоховские тексты — на таком же уровне художественной техники, их тоже полезно анализировать слово за словом.

В приведенном примере эпитеты *горловой*, *полнозвучный* крик — несомненно, очень далеки от примелькавшихся стертых слов, они индивидуальны, выбраны точно, создают, как выразился Потебня, «впечатления слуха и других чувств», окрашены лирикой, свойственной Шолохову, всегда восторженно повествующему о красивейшем феномене природы — мире птиц, их голосах, то застенчиво тихих, то величественно трубных.

«Крик уронил» — здесь найден глагол, его невозможно заменить такими, скажем: крик *раздался*, *послышался*, *прозвучал*.

Осязаемость звука передает раскатистое *p* — *горловой*, *крик*, *уронил*, *над двором*, *ворон*, о взмахе крыльев сказано: *слышен шелест* — аллитерация на *с*, *ш*.

Показательно интонационное различие между первым и вторым предложениями. Вначале — резко подчеркнутая динамика, сжатость, отсюда — дееспричастный оборот вместо придаточного. Во второй фразе темп заторможенный. «Медленных во взмахах крыльев» — слова требуют неторопливости произношения, чтоб ощутить, так сказать, замедленную съемку.

В возгласе Петра на первом месте стоит «К теплу». Писатель ничего не говорит о том, как произносит его герой эту фразу, но и без его комментария видно: Петр говорит с нежностью, завистью. Вольные птицы улетают в теплые места, когда на Дону наступает осень, заморозки, холода. Интонация определена первым словом.

«На юг правится» — тоже никак несравнимо с таким, например, выражением, как *на юг полетел, отправляется*. У Шолохова диалектная форма, которая становится приметой быта, истории края. В «Словаре русских донских говоров» (1976) находим разъяснение: «*Правится (правица), вюсь, ишься*, несов. Направляться. Вот ф-хутар правюсь, некада разгаваривать (Казанская станица). Вешенская. Мужской род. Должно, в Черкасск правится. (М. Шолохов)».

Слово *правится* настолько прозрачно по своей этимологии, что почти не воспринимается как диалектное. Это вообще свойственно Шолохову — отбирать из местных слов главным образом те, которые в значительной мере приближены к общенародной речи: баз, брунжать, ветряк, гутарить, дурастный, ендова, испматовать, курень, побег (побежал), предбудущий, раина, расквелить, рог к рогу (о большой скученности), сигнуть, сиделец, сколизь, смыкнуть, совесть зазревает, солнце в дуб, сродствие, сухмень, ухач, фуражирка, хата, хитнуться, хлюстанка, хучь, цоб-цобе, чакан, чапельник (сковородник), чеботарь, чувал, шелужина, ягнок, яр.

У Шолохова есть и такие слова, которые не выходят за пределы ограниченной территории: болезный (милый, дорогой), верхи (верхом), вовзят (совсем), лотоха (суетливый человек), рахунок (порядок), сем-ка (дай-ка), старец (нищий), стегно (бедро), чапига (ручка сохи, плуга), чикилять (хромать).

Но в любом случае шолоховская лексика соответствует реальности речевого употребления, она не придумана, что нередко наблюдалось в поэзии и прозе 20—30-х годов, когда некоторые авторы занимались словотворчеством ради оригинальничания, конструировали, прежде всего, разговорную речь по своим представлениям. Так появлялись всевозможные — *базынить*, *вычигурдывать*,

скоулязило. В «Словаре русских донских говоров» многочисленны поэтому ссылки на шолоховский текст как авторитетное подтверждение речевого факта.

Обращение Шолохова к диалектизмам вполне закономерно и не вызвало особых замечаний даже в пору большой дискуссии о языке, когда А. М. Горький критиковал многих за неразборчивое увлечение местными словами, жаргонизмами, грубым просторечием. Правда, в письме к А. Фадееву от 3 июня 1931 года М. Горький привел как пример «злоупотребления речениями» такие слова из «Тихого Дона»: *коловерть* (водоворот), *теклина* (ручей в овраге), *трюнком* (мелкой рысью, рысцой).

Читая «Тихий Дон», Горький отметил сомнительные для него слова: «*пластая* над головой мерцающий визг шашки», «*пластаясь* по откосу меловой горы» (о тумане), «леса, пронзительно *брунжа*, зачертила воду», «и конь его *запохаживался* больше на вьючное животное», «Остановившись против Дуняшки, *оранул*» на нее Пантелей Прокофьевич; «Краснов перецеловался со всеми *полчанинами*», «С гористой *отножины* обдонского хребта», «*голызинами* бугра».

Но любопытно, что в своих многочисленных публичных выступлениях о языке, а их, как известно, было много и они насыщены отрицательными примерами из разных книг, Горький не упоминал Шолохова.

Михаил Александрович в последующих изданиях внес поправку лишь в первом случае, стало: «Кружа над головой мерцающую, взвизгивающую шашку, Прокофий сбежал с крыльца», опустил фразу со словом *запохаживался*. Все же другие слова, подчеркнутые Горьким, у Шолохова не вызывают никаких сомнений, он сохраняет их в текстах. И поступает, несомненно, правильно.

Вернемся к анализируемому тексту.

«За розовеющим веселым, как девичья улыбка, облачком», — читаем мы дальше. Вроде бы нет особого различия между «розовым» и «розовеющим», а Шолохов его подмечает и берет то слово, которое содержит больше экспрессии, обозначает признак и его оттенок, связанный с этим признаком процесс, движение. За цветовым обозначением следует эмоциональный эпитет *веселым*, народно-поэтическое сравнение *облачка* — а не *облака* — с *девичьей улыбкой*.

«Маячил в небе маленький-маленький краешек месяца», — слова образ из мира народных устно-поэтических представлений. Широко бытующий в народном словаре глагол *маячил* легко вписывается в лирический текст. Повтор *тоненький-тоненький*, умень-

питательно-ласкательный оттенок в слове *краешек* и — тоже далеко не случайно — *месяц* вместо *луны* — все это отражает определенный склад художественного мышления, основанного на поэтизации всего того, что окружает человека.

Шолохову есть что сказать народу. Его представления о мире и жизни способны воздействовать на сознание и чувство человека, воспитать в нем благородство души. Писательская техника не есть нечто обособленное, независимое от духовного содержания личности творца. И художественные достижения Михаила Шолохова подтверждают это в полной мере.

Он — один из тех мастеров слова, кто связал современное с вековой культурой — устно-поэтическим творчеством. Отсюда — мощная эпическая образность, лиризм, символическая окрашенность, такая особенность ритмического строя, когда фраза летит, она естественна, волнообразна, в лирических местах особенно близка к песне.

Шолохов, как известно, очень любит народные песни, как любили их Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Горький, Есенин. И если приглядеться к стилистике Шолохова, то нетрудно увидеть, что привлекает в них писателя: одухотворенное единство человека и природы, непосредственность эмоционального выражения, образно-сюжетные ситуации, связанные с судьбами людей, историей, бытом, родниковая чистота слова, поэтическая образность, гибкие ритмические приемы.

Как и в песнях, излюбленный прием у Шолохова — параллель между состоянием души и природой. Радостное, нежное, сердечное ассоциируется с блеском, радужным сиянием, березами с их льющейся листвой, цветущими деревьями и травами. Мощное и крепкое олицетворяется в образе дуба. Народное горе, превратности судеб, кручина связаны обычно с другим предметным рядом — суковей, бури, грозы, тучи, обуглившаяся после весеннего пала степь, вытоптаный посев на земле, туманы, горькая полынь, кричащий во мгле сыч.

Это традиционные параллели. Но Шолохов обогатил их исключительной тонкостью наблюдений, усложнил психологически, наполнил новым философским смыслом.

Вот в какой нераздельности с миром природы и через образы этой природы передаст он жизнерадостное настроение юной Ду-вляшки:

«Лицо ее, веселое, тронутое загаром и у переносицы веснушками, словно говорило: „Мне весело и хорошо оттого, что день, подсиненный безоблачным небом, тоже весел и хорош; оттого, что

на душе вот такой же синий покой и чистота. Мне радостно, и больше я ничего не хочу».

Отцветающий сад, засохшая сосенка, поникшая ивушка, погубленные морозом цветы, горьким осинничком заросшее непаханное поле, угасающая лучинушка, обломавшиеся крылья у селезня, крик горькой кукушки — постоянные символы старости, одиночества.

И как близко к этой символической картине изображение чувств Аксины, к которой преждевременно подходит старость. Цветущая поляна в лесу: «стебельки безыменных голубеньких, скромных цветков», «зеленые с белым подбоем листья ясеней и литые, в узорной резьбе, дубовые листья», «невнятно и грустно считала кому-то непрожитые годы кукушка», ландыш, которого «коснулся смертный флен». Эти и другие картины природы передают душевную глубину, обаятельность Аксины и трагизм ее судьбы.

Вспомним скорбные старинные солдатские песни о рекрутчине, расставании с родными, оплаканных солдатами дороженьках, уводящих от родных мест, о тоске по дому, по родителям, женушкам с малыми детками.

И вот совсем близкое — в «Тихом Доне»:

«Кто зайдет смерти наперед? Кто разгадает конец человеческого пути?.. Трудно шли кони от хутора. Трудно рвали от спекшихся сердец казаки жалость к близким... Много тяжелых думок было передумано по этой дороге... Может, и соленая, как кровь, слеза, скользя по крылу седла, падала на стынущее стремя, на искусанную шипами подков дорогу. Да ведь на том месте по весне желтый лазоревый цветок расставания не вырастет?».

Традиционные образы писатель поднимает до уровня широких символических картин, сохраняя их конкретно-историческую определенность. «И стало так, словно покрыла Обдолье туча густым, непросветно-черным крылом, распростерлось немо и страшно и вот-вот пригнет к земле тополя вихрем, полыхнет сухим, трескучим раскатом грома и пойдет крушить и корезить белый лес за Доном, осыпать с меловых отрогов дикий камень, реветь погибельными голосами грозы».

Вечерами из-за копий голого леса почь поднимала календарный огромный щит месяца. Он мглисто сиял над притихшими хуторами кровавыми отсветами войны и пожаров».

Таким был Дон во время гражданской войны.

Эта параллель — люди и природа — определила зачины его исторических полотен. Картина грозы в начале «Тихого Дона», застигнувшей на ранней заре около реки, во время рыбной ловли,

Григория, Аксиныю, Пантелея Прокофьевича, предваряет их трагические судьбы. Величественна символика зачина «Поднятой целины» (первой и второй книги), рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека». В художественном очерке «Свет и мрак» повествование о возрождении нашей страны после фашистского нашествия предварено картиной:

«Дуют майские теплые ветры над сказочными просторами нашей великой матери-Родины, плывут в нашем ласковом вешнем небе белые, с дымчатой окаемкой облака, и, омытые первыми животворными дождями, осиянные солнцем, дивно зеленеют на бескрайних колхозных полях кустистые озими, и уже проклюнулись, упрямо тянутся к свету и жадно набирают сил дружные, густые всходы яровых хлебов».

Так Шолохов, наряду с другими «словолюбями», нашел опору своей стилистике в устно-поэтической традиции. Но дело здесь не только в этом. Он открыл пути освоения материала прошлой культуры: не буквальное копирование образов, словесных оборотов (а такие случаи встречались в 20—30-х годах), не искусственная стилизация под «древность» (и это бывало), не «опрошение» стиля, а поиск новых средств изобразительности, соответственных времени.

Художественный язык, в представлении Шолохова, отвергает всякую вторичность, стертые краски, пустые слова, трафаретные или рассчитанные на внешний эффект синтаксические построения. С лучшими мастерами слова, и в особенности с Шолоховым, связано иное качество — «мускулатура стиля»: наполненность фразы смыслом, ее чеканность, лаконизм, живая красочность.

«Густая тоска полонила Григория. Весь день он покачивался в седле, несвязно думая о будущем; как горошины стеклянного мониста, перебирал в уме Петровы слова, горько нудился. Терпкий бражный привкус полыни жег губы, дорога дымилась зноем. Навзничь под солнцем лежала золотисто-бурая степь. По ней шарили сухие ветры, мяли шершавую траву, сучили пески и пыль».

До Шолохова такого сочетания традиционного и новизны — не было. «Дорога дымилась зноем», «навзничь... лежала... степь», «шарили... ветры, ...сучили пески и пыль» — эта экспрессия на основе «сцепления далековатых понятий» (Ломоносов), «сцепления» не абстрактного, как было у ряда символистов, а возникшего на почве исторической реальности, — заметно обогащает образность.

Или вот пример из «Поднятой целины»:

«Февраль...

Жмут, корежат землю холода. В белом морозном накале встает

солнце. Там, где ветры слизали снег, земля по ночам гулко лопается.

...Полночь так тиха, так выморочно студёное небо в зыбкой россыпи многозвездья, что кажется — мир покинут живым. В голубой степи снежной целиной пройдет волк. На снегу не лягут отпечатки лапных подушек, а там, где когти вырвут обледеневший комочек наста, останется искрящаяся царапина — жемчужный след.

Февраль...

Предраассветная сивья тишина.

Меркнет пустынный Млечный Путь.

В темных окнах хат багрово колыхающие зарева огней: отсвет топящихся печек.

На речке под пешней хрупко позванивает лед.

Февраль...».

Здесь, если использовать слова Горького, действительно «прозорливая способность видеть и отмечать невидимое другими и какая-то необыкновенно плотная крепкая кладка слов». Взять хотя бы подбор цветовых определений.

Но интересно и другое — синтаксис. Шолохов принципиально не отвергает ни рубленой фразы, ни инверсированного стиля, ни такого расположения текста, когда отдельно взятое предложение составляет абзац. Он использует разные способы подчеркивания эмоциональной силы слов, повышения стиля. Но у Шолохова нет абсолютизации этих приемов, их обязательного и повсеместного «внедрения» в художественное повествование, в чем видели некоторые литераторы вершинное достижение «современного стиля».

Шолохов — мастер диалога, монолога. Он не подменяет речь героев ее приблизительным подобием. Она отражает особенности жизненного уклада, среды, характеров людей, времени в богатейшем обилии примет. «Меня интересует задача добиться максимальной выразительности и четкости через чужой голос, жест, через действие, при обязательном требовании большой скупости и сочности слова», — говорил он («Комсомольская правда», 17 августа 1934). И этого писатель добился. Он вслед за Л. Толстым изящно использовал несобственно-прямую речь, придав ей стилистическую гибкость.

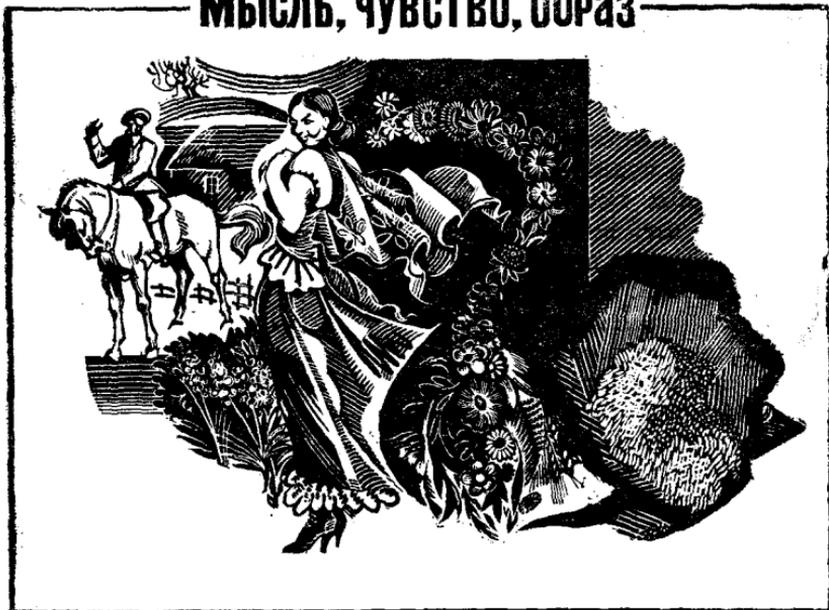
Художественное слово Шолохова, где бы оно ни встретилось: в эпосе, публицистике, письмах — явление оригинальное, яркое, непреходящее по своему значению. Оно приносит радость.

Ф. Г. БИРЮКОВ

Рисунок Ю. Космынина

У нас есть книга удивительно правдивая, книга потрясающей художественной силы, языком литературы рассказавшая о донцах в великую пору гражданской войны — это „Тихий Дон“ (Алпатов. «Истоки „Тихого Дона“». — «Огонек», 1976, № 8).

Мысль, чувство, образ

«Язык — не телеграфный код, где каждый знак абсолютно однозначен и не имеет вариантов», — так начал свою беседу о языковой норме Р. И. Аванесов, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР («Литературная газета», 5 сентября 1979). Действительно, для общения, выражения наших мыслей и чувств, восприятия разнообразного мира явлений и вещей недостаточно противопоставлений типа *да — нет, белое — черное, день — ночь...* Чтобы передать наши мысли и чувства с наибольшей достоверностью, нужны еще и «промежуточные» языковые средства, составляющие градацию, переход, разную степень того или иного значения, разные оттенки значения в зависимости от ситуации, воли, настроения, размышления говорящего или пишущего.

Раскроем книгу М. А. Шолохова «Тихий Дон» и посмотрим, как может быть разнообразно осмысление слова, и как вместе с этим разнообразием передается беспредельный мир человеческих чувств

и отношений. Конкретные слова обычно воспринимаются как однозначные, лишенные эмоциональной оценки: *дом, стол, лицо, глаза, губы*. И все же однотипные предметы не одинаковы: в разных ситуациях они различны сами по себе или по-разному воспринимаются. Значение каждого слова в естественном человеческом языке не застывший знак, строго очерченный нормой, а напротив, опираясь на норму, слово в каждой ситуации наполняется теми оттенками значения, которые передают воззрение, отношение, настроение говорящего. Эти оттенки особенно заметны, особенно ярки, когда слово соединяется с образом в художественной, поэтической речи.

В портретах, характерах двух героинь «Тихого Дона» — Аксиньи и Натальи — нет резких противопоставлений, чувствуется авторская симпатия к ним обеим. Но это два противоположных образа. На одной детали М. Шолохов строит антитезу: внешнюю, портретную для Аксиньи и Натальи и внутреннюю, душевную для Григория.

Вместе с Аксиньей Григорий распутывает бредень. Еще «поговаривает гром», «лоснится земля невпитанной влагой», и Григорий как бы впервые увидел Аксинью: «Лицо ее мелово-бледно, по красные, чуть вывернутые губы уже смеются...».

Но вот иная ситуация, иное женское лицо — на собственной свадьбе Григорий так же, как когда-то Аксинью, разглядел Наталью: «И тут первый раз заметил, что верхняя губа у нее пухловата, свисает над нижней козырьком...». Григорий «три раза целовал влажные, безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом...». Как бы заново происшедшее узнавание Аксиньи было на берегу Дона, свежем, холодном, суровом и прекрасном после грозы. Наталью по-новому Григорий увидел в угарном чаду, в мутном от хмеля, краснолицем застолье.

Так одна конкретная деталь *губы* становится выразителем «настроения души» Григория. В одном слове обнаруживается возможность антонимических (противоположных) употреблений: *губы* Аксиньи — *губы* Натальи. Конкретное существительное *губы* как бы раздваивается и попадает в антонимическую оппозицию противоположных эпитетов, определений: *красные, чуть вывернутые, смеющиеся* (у Аксиньи) — *пухловатые, безвкусные, пресные* (у Натальи).

Возможность поляризации значений может обнаружиться и в словообразовательных рядах: *губы — губастый — тонкогубый — толстогубый; губы — губки*. Корень конкретного имени в соединении с суффиксами и в сложении с другими именами сам проявляет

отрицательный оттенок значения и перенимает его от соседних компонентов. Одно конкретное, казалось бы, однозначное слово передало неоднозначное чувство, позволило создать разные лица двух женщин. И тем ярче, тем обостреннее различие, потому что заключено оно в одной черте, в одном слове. В этом особая выразительность слова: единство противоположностей («то и не то»). Закрепленное нормой значение слова ситуативно подвижно, его границы скрыты в оттенках то резких, то едва заметных.

Слова, не противостоящие одно другому в своем обычном значении — *завитки* и *волоски* — в портретах Аксины и Натальи противопостоят друг другу. У Аксины «ветер... перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки». Эти «курчавые пушистые завитки» вспомнит Григорий, когда заметит «на лице у Натальи коричневую родинку, а на родинке два золотистых волоска, и от этого почему-то» ему станет «муторно».

Автор пигде не выдает своей симпатии к одной из героинь. Наталья — красивая, сероглазая, упруги щеки *с розовеющей ямкой сдержанной улыбки, сбитень тела, высокие красивые ноги*, а «руки большие, раздавленные работой». И окружена Наталья домом, трудом, повседневной заботой, Аксины овсяна любовью. И в радостные, и в горькие минуты рядом с Аксиной цветы. Для Григория, еще грубоватого парня, волосы Аксины пахнут *дурнопьяном*: «—... Знаешь, этаким цветком белым...».

И если Наталья «лазоревый свет» (так называют певест свахи, так принято), то любовь Аксины «не лазоревый алый цвет», «а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветет поздняя бабья любовь».

С возрастом к Аксины приходит новое ощущение жизни и это выльется в новом словесном символе — позднем *ландыше*. И рассматривая цветок, «за этот короткий миг», «вспомнилась Аксины молодость и вся ее долгая и бедная радостями жизнь. Что ж, стара, видно, стала Аксины...». Лейтмотив уходящей молодости ведут простые слова: *безымянные голубенькие, скромные цветы*, среди которых рос ландыш, *низкорослый горбатенький стебелек* (ландыша), *некогда зеленые листья, пониклые чашечки цветов, смертный глеч, умирали, почернели, сморщились слезинки...* «Лишь верхушка — вся в искрящихся слезинках росы — вдруг вспыхнула под солнцем слепящей пленительной белизной». И уснет Аксины, «осыпанная призывавшими лепестками шиповника».

Но свой последний в жизни веночек плетет Аксины, светлая, ликующая, вновь нашедшая радость, из *душистых и пестрых* цветов. «Аксины нарвала их большую охапку». Веночек «получился

парядный и красивый. Акси́нья долго любовалась им, потом воткнула в него несколько розовых цветков шиповника». Не безымянные, голубенькие, скромные цветы, не прижавшие лепестки шиповника, а цветы *душистые и пестрые, и розовые цветы шиповника* утверждают недолгое счастье Акси́ньи.

В жизни Григория и Акси́ньи выделяются две «цветовые липы»: *голубая и черная. Голубая* — это радостная, счастливая.

«Стала над широкой донской степью голубая весна»; охватил Акси́нью «голубой утренний мир»; «Уплывали перед закрытыми глазами Григория степные гребни... А за валами гребней, за серой дорогой — сказкой голубая приветливая страна и акси́ньина в позднем мятежном цвету любовь на придачу».

Черный цвет затопит и небо, и солнце над головой Григория, когда он навсегда потеряет Акси́нью. В горе он сидит над свежей могилкой. Какие слова нашел писатель, чтобы передать состояние своего героя? «Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца». *Черное солнце на черном небе* — это словесный образ. *Черное* — это не только цвет, а все, что связано со смертью Акси́ньи: горе, одиночество, рухнувшие надежды.

Еще один пример с особым осмыслением слова. Словарное значение местоимения *мой* — очень простое: притяжательное. Но в жизненных ситуациях оно теряет обобщенную «притяжательность» и наполняется индивидуальной — разделяющей — притяжательностью: Наталья, «вырывая из рук Ильиничны сына, протягивала его Григорию. — Сын-то какой — погляди! — звенела горделивой радостью. — Дай мне моего сына поглядеть! — Ильинична ~~з~~волюванно отстранила ее». *Мой* — *моего* — это и сын Мишатка у Натальи и сын Григорий у Ильиничны.

Единое слово, как общий стержень, связывает, скрепляет разное. Все Мелеховы при всем их различии — один род, и одна яркая метафора — *глаза-миндалины* — метит их знаком кровного родства: у Григория «в чуть косых прорезях подписенные миндалины горячих глаз»; у Дуняшки — сестры Григория «в длинных, чуть косых разрезах глаз все те же застенчивые и озорные искрились черные, в агатовой синеве белков, миндалины».

Весь роман проникнут единым колоритом, единым духом Дона. И дело не в том, что текст изобилует диалектизмами. Это были бы чисто внешние приметы, вкрапления, которые не смогли бы представить истинную жизнь сотен людей, связанных единой донской ~~жизнью~~ *жизнью*. Посмотрим, как входит в текст народное слово.

«Где-то на бугре мерцала кумачная крапинка разложенного

пахарями костра»; «в шелесте юбок поплыли красномаковая Ильинична и Василиса...»; у свахи «малиновая улыбка»; «до старости не слиняли на нем [Пантелее Прокофьевиче] вороной масти борода и волосы».

Цветовой ряд *кумачная, красномаковая, малиновая* сообщает разнообразие оттенков *красного* цвета, но, одновременно, передает краски привычных в донском быту цветных «вещей»: цветов — красный мак, кумач рубах, ягода — малина. Черные волосы и борода Пантелея Прокофьевича соотносятся также с привычными для казака «конскими» приметами — *вороной, гнедой, каурой* масти.

Из потока донской речи пришли не только слова, но и сам способ (и это главное!) определять впечатления, представления, выражать их словесно:

«Всходит остролистая зеленая пшеница, растет: через полтора месяца грач хоронится в ней с головой, и не видно». Слово *хоронится* местное, но важно то, что ростом грача землепашец измеряет величину пшеничного стебля. А вот казак встретился с новым явлением — поездом, но как по-своему, по-казачьи определяется движение поезда: «Поезд мечет назад пространство. За поездом рудым шлейфом дым...». Цветовое определение *рудой*, конечно, местное, но местный колорит заключен во всем описании: на поезде седок, как на коне, отмеряет путь, и вьется за ним пыль.

* * *

Так, старое известное слово неистоично для новых образов, выражения чувств, настроений, воззрений, мыслей. В этом примечательная сила естественного языка. Открытая связь индивидуального и общепринятого в слове раскрывает и замысел писателя, приближает читателя к языковому творчеству, делит радость словесных находок, позволяет ощутить «тайну слова», силу его эмоционального воздействия. И то, что противопоставлено искусственному коду — подвижность и ситуативная неоднозначность оттенков и их вариантов — составляет живую силу естественного языка.

А. А. БРАГИНА

Рисунок Ю. Космынина

Прямая речь в романе «Тихий Дон»

Не найдется, пожалуй, человека, которого не волновала бы трагическая судьба Григория, Аксины и других героев «Тихого Дона». Роман написан живо и динамично. Большое место занимает в нем диалог. В данной заметке мы попытаемся дать семантический анализ глаголов, вводящих или сопровождающих прямую речь; определить шолоховское своеобразие в их отборе.

Особенность стиля М. А. Шолохова — употребление глаголов речи с деепричастиями, обозначающими движения, жесты, мимику, чувства. В ремарке они или определяют высказывание, или только указывают на сопровождение высказывания движением, мимикой. К первому типу относятся: *говорил, хохоча и подмигивая; смеиваясь, отвечал; задыхаясь, говорила; улыбаясь, кричал; смеясь и плача, выкрикивал; плача навзрыд, причитала; смущенно улыбаясь, сказала; сдерживая слезы, заявил* и т. д.

«— Натальюшка! Родимая моя! Наши едут!... — плача навзрыд, причитала выскочившая из кухни Ильинична». Ко второму типу относятся: *подсев к Григорию, рассказывала; переступив порог, сказала; поворачиваясь в седле, приказал; кивнув головой, сказал; сдерживая коня, обратился* и др.

«Офицер постоял молча, поглядел на чудовищно оголенные конские кострецы и, кивнув головой, сказал:

— Что же ты горячему-то даешь зерно?»

У М. А. Шолохова большинство глаголов, вводящих прямую речь, метафорично. Их образность строится на основе предметно-логической общности (*резать, кинуть, бросить...*); сходства со звучанием голосов животного мира (*рычать, таякать, кукарекать, кричать, гоготать, звенеть по-комариному*); со звучанием различных предметов (*звенеть, как бубенчик...*).

Глаголы с переносным значением речи синонимичны глаголу *говорить*. Например, глаголы *кидать* — *кинуть*; *бросить* означают сказать коротко, отрывисто, порой зло.

«— Ну, это мы ишо поглядим! — вызывающе кинул Фомиш. — Оружие я не сложу».

М. А. Шолохов использует разнообразные по значению и стилистической окраске глаголы речи, которыми вводит в повествование высказывания героев. Чаще всего они употребляются в сочетании с пояснительными словами, квалифицирующими говорение, в роли которых Шолохов широко применяет наречия, существительные одиночные или в сочетании с прилагательными.

Пояснительные слова раскрывают настроение, состояние говорящего и определяют тон, темп и степень силы звучания его речи.

Наиболее употребительны глагольные сочетания, обозначающие настроение говорящего: *сердито* (сказал, бурчал); *взволнованно* (проговорила, выкрикнула); *испуганно* (спрашивал, согласился); *с досадой* (воскликнула, отвечала, упрекнула); *в сердцах* (сказал, ответил) и т. д. Например:

«Мирон Григорьевич поворачивался спиной к жениной костлявой холодной груди, сердито бурчал:

— Отвяжись, репей! Выдавай хучь за Пашку-дурачка, мнѣ го что? То-то умом бог обнес!...»;

«— Прогони ты его от себя! — с досадой воскликнула Ильинична! Истый арестанюга!...».

К глагольным сочетаниям, определяющим тон, темп и степень силы звучания, относятся: *сипло крикнул, хрипло спросил; тихо воскликнул, вполголоса сказал; баском отозвался, баском ответил; кричал тенорком; выкрикнул фальцетом; протяжно говорила* и т. д.

Например:

«— Как знаете, маманя, а я посмешищем в хуторе не хочу быть, — тихо проговорила Дуняшка, продолжая выкидывать из сундука девичью справу»;

«Одна из старух — высокая и черноглазая, со следами строгой иконописной красоты — протяжно говорила, когда Григорий подошел к крыльцу:

— Милые вы мои! До чего же вы хорошо да жалостно поете!...».

Часто прямая речь у Шолохова вводится образными сочетаниями, например *падали слова, выметывались слова, ронял слова, вязал слова, выжимал слова, кидал фразы, шли разговоры...*

«Бунчук строил красногвардейцев, ронял чугунно-глухие слова:

— По врагам революции — и взмахивал наганом, — пли!...».

У М. А. Шолохова глаголы речи часто заменяются образными оборотами типа: *перевел* или *свернул разговор; порвал молчание*. Они вносят в содержание высказывания особые стилистические оттенки. Прямая речь относится ко всему обороту в целом. Например, сочетания *перевел разговор, свернул разговор* указывают на переход к новой теме, которая больше всего волнует говорящего. Вот как описан разговор приехавшего в Ягодное Петра с Григорием.

«Петро посидел на крылечке, расспросил о работе, харчах, жалованье; на все придакивая, жевал обгрызенный окомелок усины и, выведав, сказал Григорию на прощанье:

— Шел бы ты домой жить, хвост-то ломать нечего. Думаешь, угоняешься за длинным рублем?

— Я за ним не гоняюсь.

— Думаешь с своей жить? — свернул Петро разговор.

— С какой своей?

— С этой.

— Покуда думаю, а что?

— Так с интересу попытал».

Писатель широко использует экспрессивно-эмоциональные средства языка, в частности диалектные и просторечные глаголы. Так, глаголы *зыкнуть, горланить, гаркнуть, вопить* и другие со значением *громко, изо всех сил кричать* употребляются Шолоховым при описании бытовых сцен. Например:

«На бочонок выпрыгнул Чикамасов. Будто раскалывая полено, махнул руками, гаркнул: — Не пойдем. Не будем сгружаться!...».

Глаголы со сниженной стилистической окраской у Шолохова дают репликам качественную оценку. Глаголами *орать — заорать; рвать; рычать* часто вводятся реплики Пантелея Прокофьевича, когда он бывает чем-то недоволен, ворчит, сердится на домашних.

«Пантелей Прокофьевич обезумевшими глазами глянул на жещу, заорал:

— Молчи-и-и, такая-сякая!!! — и, ухватив обломок хомута, запустил им в старуху».

М. А. Шолохов чаще, чем другие писатели, опускает глагол говорения в ремарке.

«— Потому... — Изварин крутил носом, округляя его, смеялся: — Потому, что большевики стоят за мир, за немедленный мир, а казакам война вот где сейчас сидит!».

* * *

Язык романа «Тихий Дон» отличается красочностью и выразительностью. Во многом способствуют этому и рассмотренные нами глаголы речи, которые своеобразно использует автор. Недаром, исследователи творчества М. А. Шолохова, называют язык его «языком мастера, в совершенстве владеющего искусством слова как средством художественного изображения, образной характеристики» (А. Хватов. На стрежне века).

Л. В. УМАНЦЕВА

Ростов-на-Дону

Рисунок Ю. Космынина

Манера письма Шолохова неповторима: это удивительная соразмерность описательности и изобразительности; короче говоря — жизнь предстает в естественном течении, но при этом всегда разящая заостренностью, свойственной только очень страстным художникам. Пожалуй, не найдешь в «Тихом Доне» ни одной страницы, которую можно было бы прочитывать без интереса, как связку, как искусственный мостик. Каждая глава наполнена настроением, движением, мыслью; язык гибок, свеж, пахуч, пластичен до ясновидения, и излучающие энергию слова не становятся решеткой между читателем и смыслом — во фразе тайна глубокой простоты, покоряющей и музыкальностью, и мужественной эмоциональной упругостью.

Юрий Бондарев

Прозвища в романе «Тихий Дон»

«В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену — маленькую, закутанную в шаль женщину» (цитируется: М. А. Шолохов. Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1975). Пленная турчанка трагически погибает в хуторе Татарском, но остается сын — «смуглый турковатый мальчонок... Назвали по деду Пантелеем... Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые Мелеховы, а по-уличному — Турки». Так описывает Михаил Александрович Шолохов родословную семьи Мелеховых, типичную для многих казачьих семей на Дону. Донские казаки всегда отличались остроумием, смекалкой, веселым нравом. Об этой их жизнеутверждающей черте автор говорит словами Григория Мелехова: «Хорошо, что веселый народ мы, казаки. Шутка у нас гостюет чаще, чем горе...».

М. А. Шолохов в романе «Тихий Дон» довольно часто использует прозвища как средство создания колоритных реалистических

образов, потому что они по своей природе обладают большой экспрессивностью, являясь результатом наблюдательности русского народа, метко подмечающего самые характерные черты человека и закрепляющего их в этом дополнительном имени. Тип прозвищ как явление социальное связан со средой, в которой они возникают.

Прозвища интересны как в семантическом, так и в стилистическом плане. Причины возникновения каждого прозвища индивидуальны, субъективны. Они чаще всего связаны с отражением внешних и внутренних качеств персонажа, его происхождения, особенностей речи, необычной формы имени и фамилии.

Поводом для создания прозвища может послужить внешний вид человека. Например, с детства Григорий Мелехов все делал левой рукой, за что его «хуторные... ребятишки сверстники прозвали... Гришка-левша». Лагутина дед дразнил за длинную голову Клинком, а пастуха хутора Татарского именуют Кузька Курносый за форму его носа. Как правило, автор в сопутствующем контексте подчеркивает черту, на основе которой дано прозвище. Так Крючков, по прозвищу «Верблюд», чуть рябоватый, сутулый казак и далее: «...Крючков лениво подымался, шел... по-верблюжьи сутулясь».

Интересен случай, когда внешний вид героя служит лишь отправной точкой для создания прозвища, в основе которого развивается яркая экспрессия, связанная с семантикой совершенно другого слова. Таким является прозвище есаула Попова. М. А. Шолохов пишет: «Есаул в стрелку ссучил *черный ус* (отсюда и прозвище Черногуз)». Это прозвище придумали казаки. Почему же от сочетания *черные усы* образовано прозвище не *Черноус*, а *Черногуз* и почему оно так обидно есаулу Попову? Действительно, по общим правилам словообразования есаула должны были бы называть безобидно *Черноус*, но дело в том, что его подчиненные были смешливые, острые на язык, донские казаки. Они заменили безобидное *ус*, на обидное, более экспрессивное *гуз*, пользуясь их созвучием, и придали прозвищу обидное содержание, потому что в народе, как отмечают В. Даль и А. Миртов, *гуз* — зад, низ чего-то...

Часто сочетание внешней и внутренней непривлекательности кого-то отражается в его прозвище: «мелкий беззубый старичонка, по уличному Сморчок, был известен тем, что всю жизнь сутяжничал». Шолохов закрепляет, оттеняет прозвище *Сморчок* определениями *мелкий, беззубый* и уничижительной формой существительного — *старичонка*.

В начале статьи говорилось о том, что особенность родословной семьи Мелеховых лежит в основе их семейного прозвища Турки. Но оказывается, что в романе оно реализуется лишь по отношению к Пантелею Мелехову и Григорию. «Чей же паренек-то? Пантелея Мелехова.— Турка, что ли?». Им пользовались в обиходе довольно часто, заменяя даже фамилию: «Климовна! Надбеги, скажи Пантелею-турку, что ихние ребята возле Татаровского кургана вилами попоролись». Это прозвище от отца унаследовал младший сын, Григорий, который был на него похож: «...как у бати, вислый коршунячий нос, в чуть кбсых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румяняющей кожей. Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое». Это внешнее сходство закрепило именно за Григорием (в отличие от Петра Мелехова, похожего на мать, курносого, в буйной повители ишеничного цвета волос) прозвище семьи. Таким образом, можно говорить в данном случае об изменении основы для образования прозвища в разные периоды жизни семьи Мелеховых: в первом поколении в основе прозвища лежит родословная, во-втором — внешнее сходство отца и одного из сыновей.

А вот персонаж, страдающий дефектом речи (вместо звука *ч* употребляет *ц*). Он получает в хуторе Татарском прозвище «Цаца». Эта черта его речи сохраняется автором в тексте постоянно, мотивируя его прозвище: «Атепин-Цаца, ущемив нос в золотое пенсне, глядя поверх стекол на мелеховскую бороду, заявил: «Цто ты, Пантелей Прокофьиц, будешь платить, али нет?». В тексте фамилия и прозвище постоянно рядом: «У него Атепин-Цаца сидит».

Основой для прозвища может являться и трудное для произношения официальное имя, фамилия. Форма календарных христианских имен, даваемых при крещении, была часто громоздкой, и ее в обиходе переделывали. Так случилось в хуторе Татарском с греческим именем Хрисанф («златоцветный»), которое хуторяне переделали в Христан, сделав из него прозвище Христоня: «...второочередник лейб-гвардии Атаманского полка *Хрисанф* Токин, по прозвищу *Христоня*».

Федот Бодовсков приводит в хутор Татарский нового человека с непонятной фамилией Штокман, фамилией, которая не входит в систему привычных фамилий на *-ов*, *-ев*, *-ин*, распространенных на Дону, и принимает эту фамилию за прозвище. На вопросы любопытных односельчан отвечает, что привез человека «...по прозвищу Штопол, чи Штокал».

Есть среди героев романа отец и сын Синилены. Фамилия их

только упомянута в романе, но зато читатель запоминает их по колоритным прозвищам, которые даны односельчанами. Брех и Брехович от диалектного слова *брехать* — врать, лгать, говорить на ветер, с ветру, хвастать, клеветать (Словарь В. И. Даля). Это яркие юмористические образы романа, и автор уделяет им много внимания, детально описывая историю прозвища в сцене станичного схода:

«На службу пошел Синилиным, а вернулся... Брехом. Он первый из хутора попал в Атаманский полк, и диковинное поделалось с казаком: рос парнем, как все, водилась за ним с малых лет малая придурь, а со службы пришел и пошло колесо под гору. С первого же дня, как только вернулся, начал рассказывать диковинные истории про службу свою при царском дворце и про свои необыкновеннейшие приключения в Петербурге. Опалелые слушатели сначала верили, разинув рты, принимая на совесть, а потом и открылось, что враль Авдеич, каких хутор с основания своего не выдывал: над ним смеялись в открытую, но он не краснел, уличенный в своих чудовищных измышлениях... и врать не переставал»

Вот как он рассказывает о своем, якобы, посещении царя:

«Приезжаю в полночь весь в грязе, и иду прямо к самому. Меня это разные — подобные князья с графьями не пускать, а я иду. Да... Стучусь... «Дозвольте, Ваше императорское величество, взойти?» «А это кто таков?» — спрашивает. «Это я,— говорю,— Иван Авдеич Синилин». Поднялось там смятенья, слышу сам кричит: «Марья Федоровна, Марья Федоровна! Вставай скорей, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!» Громом лошнул в задних рядах смех».

Это прозвище отца легло в основу прозвища сына, которое создано по модели отчества с использованием суффикса *-ович*. «...на прихрамывающей пегой кобыленке трусит Антип Андреевич, сын Бреха, названный казаками Антипом Бреховичем». «Брешень ты, Брехович! На то и батяня был твой Брех».

Социальное положение человека также может служить основой прозвища. В хуторе Татарском живет бедняк, по прозвищу Валет. Прозвище обидное потому, что на Дону это распространенная кличка собак. Кажется, автор не мотивирует прямо этого прозвища, но настойчиво проводит мысль о тяжелой судьбе этого человека, бедности, бесправии. Вот Григорий Мелехов, ставший домовитым, семейным казаком, на настойчивое предложение Валета об «отступе» зло отвечает: «Тебе можно языком трепать. Как ты был Валет, так ты им и остался! У тебя, кроме пинжака, ничего нету». Важным для понимания прозвища является здесь устойчивое сочетание — *языком трепать*.

Но вот следующая сцена. На дорогах войны встречаются хуторяне... Иван Алексеевич с трудом опознал Валета.

«— Откуда ты, шкалик?»

— А вот... служу. Валет... засматривал Ивану Алексеевичу в глаза.

— Ить это Валет? — спросил его шагавший позади Прохор Шамиль.

— Человек это, — глухо ответил Иван Алексеевич, дрожа губами...». Именно в этом ответе и раскрывается истинное значение прозвища.

М. А. Шолохов очень кропотливо работал над каждым образом. У него нет ничего случайного. Приведенный пример показывает как важен для исследователя контекст. Для того, чтобы правильно понять содержание, мотивировку прозвища, важно каждое слово, помогающее раскрыть его значение.

Если рассмотренные ранее прозвища основываются на наличии признака, то очень выразительное и эмоциональное прозвище Чубатый, данное однополчанами казаку Урюпину, основано на отсутствии признака — чуба, гордости донского казака. Он, к сожалению, «светил... лысиной, лишь по бокам оголенного шишкато-выпуклого черепа кустились редкие русые волосы. С первого же дня дали казаки ему прозвище Чубатый».

Как правило, прозвище в романе «Тихий Дон» — это дополнительное индивидуальное именование одного лица. Однако есть примеры и групповых прозвищ; так Турки — семейное прозвище Мелеховых.

В романе есть интересный пример прозвища людей, данного на местности, в которой они жили. В этом плане характерна сцена встречи казаков — иностранчиков, находившихся на военной службе. «Бравый лупоглазый вахмистр Каргин с нашивками за сверхсрочную службу, проезжая мимо Григория, спросил:

— Какой станицы?

— Вешенской.

— Куцый?

Григорий под сдержанный смешок казаков-иностранчиков молча проглотил оскорбление».

Дело в том, что станицы имели свои прозвища: так, прозвище Вешенской было Кобели.

Сила прозвища как художественного средства полностью проявляется в тексте романа. М. А. Шолохов мастерски использует единство художественного образа, созданного семантикой прозвища и экспрессивной выразительностью текста, отражающего, ос-

новные, наиболее яркие черты героя. Так построена характеристика простоватого Христоня, выходца из «мужиков», человека добродушного, доверчивого, внешне неуклюжего:

«Правил здоровенный и диковатый, как большинство атаманцев, Христоня». Вот казаки заводят песню, «Христоня, разинув непомерно залохматевшую щетиной пасть, ревет, сотрясая брезентовую крышу будки. ...Христоня кладет на ребро аршинную босую ступню, ожидает, пока Степан начнет вновь. Тот, закрыв глаза, ...ласково ведет песню, то снижая голос до шепота, то вскидывая до металлического звона... И снова колокольню-набатным гудом давит Христоня голоса» и далее: «Христоня поднял от котла простоватую голову и, не разобрав, в чем дело, покрыл голоса остальных густым гоготом».

Вот Антип Брехович. Ироническое, с оттенком юмора, списходительное отношение к Бреховичу автор романа подчеркивает целым рядом слов, предворяющих появление Бреховича: «На прихрамывающей пегой кобыленке трусил [читатель ждет, что дальше последует имя лица в какой-нибудь уменьшительно-уничижительной форме, как подсказывает контекст, но автор с лукавинкой представляет читателю своего героя] — Антип Андреевич». Читатель видит явный подвох — картина карикатурного выезда героя и именованное его по имени и отчеству — формы редкой среди донского казачества. Но вслед за этим автор дает пояснение к имени-отчеству, «сын Бреха», и этим все ставит на свои места. Больше Антип Андреевич не появляется — дальше он Антип Брехович или просто Брехович.

Прозвище есаула Попова *Черногуз* лежит в основе полной юмора сцены между вахмистром Крючковым и Митькой Коршуновым, вынужденным на правах «молодого» терпеть издевательства вахмистра. «Крючков, недавно получивший нашивку приказного, сидел в седле, по-птичь горбятя вислые плечи. Он щурился на серое грудастое облако, спрашивая у Митьки, подражая голосом ломовитому командиру сотни есаулу Попову: «Э... скажи мне, Кэршунов, как звать нашего кэмэндира сэтни?» Митька, не раз пробовавший пряжек за свою строптивость и непокорный характер, натянул на лицо почтительное выражение.

— Есаул Попов, господин старый казак!

— Я не прэ это спрашиваю. Ты мне скажи, как его кличут пряжк нэс, кэзэков?» Но Митька увидел подъехавшего сзади есаула Попова и боялся и гнева есаула и пряжек вахмистра, метался между двух зол, выбирая меньшее. Когда же Крючков посулил: «Кор-

шунов, ты гляди... Приедем — полсотни пряжек вварю!» — Митька повел плечами, решил.

— Черногуз!

— Ну, то-то и оно».

М. А. Шолохов, большой художник, тонкий психолог, знаток быта, нравов и языка донского казачества, умело обращается к сокровищнице народного творчества.

Язык романа «Тихий Дон» отличает подлинная народность и использование метких прозвищ, бытующих на Дону, отражает реальную картину жизни — в этом и состоит их большая познавательная ценность.

В. В. ГРОМОВА

Ростов-на-Дону

Рисунок Ю. Космынина

Лучшие из новых произведений советской литературы (например, книги Шолохова) продолжают в основном великую реалистическую традицию предшествующей эпохи, составляющую душу русского искусства, которую обессмертили произведения Толстого. Те же широкие полотна, где выступают целые пласты человечества в окружении природы, тот же объективный взгляд, широкий кругозор, который отражает не искажая; то же стремление скрыть художника и раскрыть предмет его искусства.

Ромен Роллан

Прочитав перевод «Тихого Дона» (1929 г.), мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать всё? Здесь это всё!» Так оно стало нам близким до того, что можно его потрогать, можно пережить это бурлящее в гражданской войне общество.

Анна Зегеро

К 75-летию
Л. Н. Мартынова

«УСТУПКА ХУДОЖЕСТ- ВЕННОМУ МЫШЛЕНИЮ»

Лексика мартыновского стиха в целом книжная, а синтаксис идеально «обслуживает» композицию. Многие стихотворные произведения поэта построены как внутренний диалог, или монолог-умозаключение, или развернутое логическое определение понятия.

Примечательна в синтаксисе выразительная, сюжетно-композиционная функция союзов и союзных слов.

Например, редкое стихотворение обходится у Мартынова без тематического контраста, оформленного с помощью противительных союзов — чаще всего *но*, реже *а*, совсем редко *да*. Вслед за союзом возможна корректировка темы первой части стихотворения, неожиданный, зачастую шуточный финал.

Так, общий смысл стихотворения «Жаркая осень» подготовлен тремя конкретными примерами, объединенными противительно-уступительными отношениями: «Земле Давно пора бы остывать, *Но*, видно, остывать она не хочет»; паутиночка «... *наперекор* воздушному потоку Влетела в дверцу, села мне на щеку И вылетела снова из окна»; голубь «... *вырвался* уверенно и ловко, *Но* снова сел...». Вынесенное в отдельную строку *но* после этих примеров преобразует смысл, усиливает противоположение не по случайному, а по существенному признаку: зем-

Современного советского поэта Леонида Мартынова называют поэтом-философом, поэтом-историком, «сейсмографом душ». Оригинальность его стиху придает соприкосновение художественного и научного типов мышления.

Рационализм особенно ярко проявляет себя в образно-метафорической и лексико-синтаксической системах его стиха. При этом рационализм вбирает в себя и смелую ассоциативность, и резкий контраст, и патетику, и иронию.

Ведущие его поэтические образы — сердце, душа, разум, любовь, воля, корабль, прошлое, в котором предугадывается грядущее, поэт-пророк. Основные герои, помимо лирического «я», — человек вообще и человек-роль («простак непросвещенный», «человек, которого ударили», мастер и т. д.). Типичные разыгрываемые действия — борьба злого и доброго начал, с неизменной победой доброго. Само «я» Мартынова наделено правами арбитра в неутрачивающих спорах современности, силой творца: «Я строю свою державу, где заново все создаю!».

ля (природа) — город; угасание — избыток жизненных сил.

Но
Пышная волнуется листва,
Как будто бы с полями и лесами
Своими дышлами и корпусами
Весь город сросся, делу голова.

Возможна и другая неожиданность. Если в стихотворении перечисляются несколько групп однородных членов или сложносочиненных предложений с противительными отношениями, то повторяющееся в этих парах *но* участвует в постепенном заострении художественной мысли.

В стихотворении «Люди» всего пять строф и соответственно пять противительных союзов — один *а* и четыре *но*. Первая часть противоположения во всех строфах-тезисах предельно кратка, по существу анафористична: «Люди, в общем, мало просят», «Люди многое выносят», «Люди, в общем, мало знают», «Люди, в общем, мало верят», «Люди, в общем, незаметны». Зато вторая часть аптитезы утверждает потенциальную силу народа. Итоговое противоположение — восклицание:

Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!—

тяготеет к афоризму.

Организирующую композиционно-логическую функцию союза в программных стихах Мартынова, несомненно, следует считать ярким формальным признаком рационализма его поэтики.

Несовпадение логики синтаксической и логики ассоциативных сцеплений рассмотрим на примере стихотворения «Верви».

В магазине
Хозяйственных изделий
Я подумал, что выставлены какие-то произведения скульптуры,
Но на самом деле это были разных сортов
Витые веревочные фигуры
С несомненными признаками носов и ртов.

Некоторые
Напоминали
Лиц, связанных разными обстоятельствами.

Некоторые, будто бы и не вися, и ничего не боясь,
Напоминали связанных данными обязательствами.
Словом, вместе с прямой тут была обратная связь.

Некоторые верви
Крепки, как нервы,
Либо арканы на шею врагам,
А потому и дают, наверно,
Как бы сами связать себя по рукам и ногам.

Некоторые связки веревок
Напоминали плутовок,
Так закутавших все и такие кругом завязав узелки,
Что нельзя без опаски предвидеть развязки.

И поэтому
Многие веревочные мотки напоминали сжатые кулаки.

И мерцали веревочных статуй пеньковые глазки
Так, как будто от тренья дымятся в зрачках огоньки.

Ученая манера изложения явно не соответствует заурядному, случайному поводу. Стихотворение почти пародирует строгий синтаксис и книжную лексику научного стиля: «Но на самом деле это были разных сортов Витые веревочные фигуры С несомненными признаками носов и ртов». Невольный комический эффект не превращает, однако, «Верви» в «гимн веревке», ибо между обыденной ситуацией в магазине и характером размышления последовательно выдерживается дистанция.

В первой строфе союз *но* нужен для уточнения, объяснения обмана зрения. В следующих двух строфах предупреждающее «некоторые напоминали...» указывает на обычное внешнее уподобление. Перечислительная интонация настраивает на продолжение списка уподоблений. Тем неожиданнее в следующей строке причинно-следственная интонация с сильным логическим ударением и паузой. Эффект нового поворота мысли возник благодаря второму ассоциативно-социальному плану содержания.

Приглядимся к образованию ассоциативной цепи в стихотворении «Верви». Связки веревок → витые веревочные фигуры → лица, связанные разными обстоятельствами и обязательствами → люди с нервами, крепкими, как верви → арканы на шею врагам → завязанные узелки → сжатые кулаки → веревочные статуи. Традиционный перенос по слесенному сходству здесь только один: связка веревок → человеческие фигурки. Отбор слов одного словообразовательного гнезда от глагола вязать и фразеологизмов от него лепит сюжет стихотворения с его темой социальных отношений. Измененный фразеологизм «одной веревочкой связаны», канцеляризм «связаны обстоятельствами», «связаны обязательствами», обыгрываемый термин «прямая связь» рождают широкое общее поэтическое значение, то есть «пробуждаемые образом мысли» (Потебня).

Вторая строфа основана на фразеологизме «связать себя по рукам и ногам». Здесь использованы внешнее сходство: веревка — и нервная нить; звуковое подобие: *верви* — *нервы*. Невольно может сложиться представление о прощаке-богатыре, с ясными, бесхитростными правилами жизни, а потому жертве вероломства и наглой силы.

Строфа третья восходит к известному словосочетанию «завязать узелок», но, оживленное рифмой «веревки-плутовки», мгновенно создает фантастическую картину ненужной усложненности жизни. Но рано или поздно кому-то предстоит развязать жизненные узлы.

И поэтому (так начинается четвертая строфа) надо уметь постоять за себя:

И поэтому

Многие веревочные мотки напоминали сжатые кулаки.

Последняя строфа стремится совместить перенос признака по внешнему сходству и ассоциацию идейного плана в метафору:

И мерцали веревочных статуй пеньковые глазки

Так, как будто от тренья дымятся в зрачках огоньки.

Звуковая переключка слов, внутренний объединяющий тематический или эмоциональный признак расширяют значение слова. В хорошем стихотворении всегда есть ядро контекста. Уместно в этой связи вспомнить глубокое замечание Г. Винокура: «Слова *старик, рыбка, корыто, землянка* — это слова разных словообразовательных цепей, но в тексте пушкинской сказки они, несомненно, составляют отдельные звенья одной и той же словарной цепи, так как объединены своими вторыми, поэтическими значениями» (Г. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959).

Если вернуться к стихотворению «Верви», то единая словарная цепь его складывается из ключевых словосочетаний и слов, обязательных для понимания смысла. Как правило, эти же опорные слова и целые словосочетания участвуют и в рифмовке: связанных обстоятельствами — связанных обязательствами, висясь-не боясь — обратная связь, врагам — связать себя по рукам и ногам, узелки-мотки-кулаки — огоньки, без опаски-развязки — глазки. Рифмы эти, внутрискрочные и в конце строки, намеренно банальны, а в самих словах на первом плане прямое значение. Поэтическое значение они получают только благодаря подведению к общему представлению об универсальном характере и изменчивости социальных связей.

Стихотворений, подобных «Верви», когда своевольная, индивидуальная ассоциация подсказана этимологией, внутренней формой слова, лексико-семантическими связями, у Мартынова немало.

Например, если *земной* в устойчивом сочетании *земной шар* соотносить с однокоренным *земляной* (сделанный из земли) и противопоставить по признаку сделанный из чего-либо, каким-либо способом: *электросварной, бетонно-стальной, костяной*, — то возникает второе противопоставление: мягкий — твердый, непрочный — прочный. И рождается художественная идея ответственности человека за землю, дарованную ему самой природой. Остается только опозитизировать сочетание *земной шар* включением его в ряд оценочных эпитетов с общим значением богатства жизни («знойный, слегка ледяной, пышный, местами пушной, *земной шар*») — и художественная мысль воплощена, а стихотворение получило заглавие «Земной шар»:

Он
Не электросварной
И не бетонно-стальной...
Знойный, слегка ледяной,
Пышный, местами пушной —
Это не костяной,
Это не земляной:
Просту это —
Земной
Шар!

Для истолкования образно-метафорической системы стиха Мартынова применимы слова крупнейшего лингвиста Г. О. Винокура об А. А. Потебне. По мнению Г. О. Винокура, в учении Потебни о внутренней форме слова есть удивительная непоследовательность, уступка художественному мышлению. Но именно «уступка художественному мышлению», не характерная для научного труда, становится животворной силой в литературном творчестве, в частности в поэзии Л. Мартынова.

З. А. ПЕТРОВА

Рисунок В. Толстоногова

ИСКРЕННОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

«Никогда не пожертвую искренностью и точности, выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.» — писал Пушкин, отвечая критикам «Полтавы», которым слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* казались «низкими», «бурлацкими».

Речь шла о таких строках:

Мария

«...Ты безобразен.

Он прекрасен:

В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».

Сомнения, недоумения и нападки современников Пушкина на эти стихи нам теперь кажутся странными. Пушкинский язык для нас — образцовый, классический. Но Пушкин потому и стал основой ложником современного

русского литературного языка, что преодолел старые каноны, открыл новые пути употребления русского языка в литературных произведениях. И дело, конечно, не в отдельных словах, а в преобразовании всей системы словесного выражения, в создании новых приемов построения литературного текста.

Д. Д. Благой пишет: «Одним из основных художественных недочетов всей нашей литературы XVIII века была экстенсивность формы — несоответствие поэтической мысли и огромного количества художественно-словесного материала, затраченного на ее выражение» (Д. Д. Благой. Пушкин — родоначальник новой русской литературы).

Экстенсивность формы (можно сказать и проще: многословие) литературы XVIII в. была связана с традицией словоупотребления, в соответствии с которой слово в тексте выступало как некоторая замодовляющая единица. Авторы стремились воздействовать на читателя именно словами, словесными украшениями, мало заботясь о том, что избранные ими «красивые» слова могут не только туманно, неопределенно, условно изображать реальную действительность, но и вступать с нею в противоречие. Это было особенно типично для «высокого стиля» классицизма и «нового слога» сентиментализма, причем не только для стихов, но в неменьшей мере и для прозы.

Например, в повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» господствуют совершенно условные, оторванные от реальной русской действительности описываемого времени приемы изображения: «Много цветов в поле, в рощах и на лугах зеленых, но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было красавиц в Москве белокаменной, ибо царство русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравняться с Натальею — Наталья была всех прелестнее. Пусть читатель вообразит себе белизну итальянского мрамора и кавказского снега: он все еще не вообразит белизны лица ее — и, представя себе цвет зефировой любовницы, все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек натальиных». Красавица из Москвы белокаменной уподобляется розе, белизна ее лица сравнивается с итальянским мрамором и кавказским снегом, румянец (впрочем, не румянец, а «алость щек») — с «цветом зефировой любовницы». Фраза начинается стилизацией под русскую старину: «царство русское искони...», а заканчивается вычурной перифразой на французский манер «...жилищем красоты и приятностей». Все эти исторические, географические и мифологические несообразности и соответственно нелепые с точки зрения привычных для нас реалистических принципов построения литературного текста столкновения слов и выражений в предпушкинское время многим каза-

лись не только приятными и красивыми, но и обязательными для «изящной словесности».

Пушкин решительно отверг не только эстетику и поэтику, но и сословную узость, ограниченность языка дворянского сентиментализма. Обратившись к народному языку как богатейшему и главнейшему источнику языка литературного, Пушкин, наряду с требованием искренности и точности, сформулировал и претворил в жизнь также требования «соразмерности и сообразности» и «благородной простоты» литературного выражения. Эти требования были противопоставлены манерности, нарочитой изысканности, искусственной украшенности «нового слога».

В заметке «О прозе» Пушкин писал: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба* — не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. должно бы сказать *рано поутру* — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее». В пушкинском тексте слово выбирается по признаку максимально точного обозначения явлений действительности. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы, — пишет Пушкин. — Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Говоря об экстенсивности формы литературы XVIII века и подчеркивая интенсивность формы пушкинской, Д. Д. Благой обратил внимание на то, что ода Державина «Водопад» и «Послание к женщинам» Карамзина по объему почти равны «Медному всаднику» Пушкина. А вся поэтическая идея «Послания» Карамзина заключается лишь в том, что автор «галантно слагает все свое творчество к ногам «прекрасного пола».

Не менее убедительно свидетельствует об интенсивности пушкинской формы и сопоставление прозы Пушкина с некоторыми текстами второй половины XVIII века. В частности, интересно сравнить повести «Бедная Лиза» и «Станционный смотритель». То, что повесть Пушкина богаче содержанием, охватывает большее число образов и глубже раскрывает образы, показывает окружающую героев (и читателя) действительность конкретнее и многограннее, чем повесть Карамзина, к тому же рисует образы в их развитии, в то время как у Карамзина они статичны, — не подлежит никакому сомнению. Между тем «Бедная Лиза» по объему больше «Станционного смотрителя».

Рассмотрим отрывок из «Бедной Лизы»:

«...Вот сто рублий — возьми их, — он положил ей деньги в кар-

ман,— позволь мне поцеловать тебя в последний раз — и поди домой». — Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную бль!...

Лиза очутилась на улице и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот ее мысли, ее чувства!.. «Мне нельзя жить,— думала Лиза,— нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» — Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее».

В этом тексте параллельно и отдельно друг от друга существуют три плана: 1) повествование о происходящем, 2) авторские рассуждения о происходящем и эмоциональные оценки происходящего, 3) изображение чувств и мыслей персонажей (в данном случае Лизы). Экспрессия авторских оценок и переживаний Лизы совпадает, тем не менее композиционно они разделены и отделены друг от друга. Автор-повествователь находится вне описываемой действительности, происходящие события служат поводом и фоном для изображения «движений души» автора. И хотя в «Бедной Лизе» — объективно-повествовательная линия выражена сильнее, чем в других повестях Карамзина, все же в итоге она подавляется авторскими оценками и переживаниями персонажей. Объективное и субъективное начала в повести существуют раздельно, и каждое требует словесного материала для своего выражения.

Сравним с рассмотренной сценой из «Бедной Лизы» похожую сцену из «Станционного смотрителя»:

«Потом, сунув ему что-то за рукав, он [Минский] отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись па глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было».

В. В. Виноградов считает, что именно в этом отрывке «первые изобретен был Пушкиным» и реализован принцип показа вну-

тренних переживаний через внешние проявления. Но важнее принципов литературно-языкового выражения «образа автора» и «образа рассказчика», разработанные Пушкиным, важнее то, что «пушкинское слово отражает действительность через призму сознания повествователя», который сам является действующим лицом в описываемых событиях. В результате осуществляется «реалистический синтез субъективных и объективных элементов в семантике слова», представляющий собой «то новое, что вносит Пушкин в семантическую систему русского литературного языка».

Объединение объективного и субъективного начал в пушкинском повествовании обусловлено постоянными перемещениями «точки видения» — от автора к рассказчику, от рассказчика — к персонажу. Объективное описание явлений, событий окрашивается их субъективным восприятием в сознании персонажей. В приведенном отрывке из «Станционного смотрителя» это очень хорошо прослеживается. С одной стороны, вся сцена описана как бы посторонним наблюдателем. С другой стороны, она явно преломлена через сознание смотрителя. Причем использованные для этого языковые средства минимальны. Как, например, обозначаются в отрывке деньги, которые Минский дал смотрителю? Их наименования целиком связаны с восприятием смотрителя. Сначала это «что-то». Затем — «сверток бумаг». Далее деньги предстают в их материальной конкретности, они становятся зримы, осязаемы: «несколько *пяти и десятирублевых смятых ассигнаций*». Возмущение, презрение смотрителя выражены словом *бумажки*. И наконец после того, как смотритель несколько успокоился, это просто «ассигнации».

У Пушкина искренность и точность, соразмерность и сообразность, благородная простота литературного выражения заключаются не только в отборе слов, но и, главным образом, в их организации. Пушкинское слово, всегда максимально точное и единственно уместное в данном контексте, отличается кроме того необычайной смысловой емкостью и многогранностью, богатством эмоциональных оттенков. Сила его воздействия не в собственной «красивости», а в достоверности отображения действительности.

А. И. ГОРШКОВ

Рисунок С. Гавриловой

Пушкин и Раевский

ВЕЧЕР В КИШИНЕВЕ

К уроку литературы

Шел 1822 год. Пятого февраля в девять часов пополудни майор Раевский, возвратившись из казарм, лег на диван и закурил трубку. Вдруг раздался быстрый стук в дверь. Позже он вспоминал: в комнату торопливыми шагами вошел, почти вбежал Пушкин. «Здравствуй, душа моя!» — сказал он изменившимся голосом.

— Здравствуй, что нового? — удивился Раевский.

— Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу... но что такое?

— Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала. Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, я, признаюсь, согрешил — приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горюю. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

— Спасибо, — ответил, помрачнев, Раевский, — я этого почти ожидал!

Пушкин с волнением смотрел на майора, и не выдержал:

— Ах, Раевский! Позволь мне обнять тебя!..

Это было прощание близких друзей. «Первый декабрист» Владимир Федосеевич Раевский был арестован на следующий день.

Они любили друг друга. Разница в пять-шесть лет ничего не значила (Раевскому шел тогда 27-ой год). Раевский был блестящим офицером, многое повидал, поражал Пушкина своей эрудицией, резкостью и точностью оценок, суждений, зрелостью политических представлений. Раевский прекрасно разбирался в искусстве, сам писал стихи. Многие члены Кишиневского кружка Союза Благоденствия, куда входил и Раевский, часто собирались по вечерам. Один из участников тогдашних собраний вспоминал позже:

«Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским. Пушкин как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского под веселую руку обоих довольно резкие выражения — и далеко не обижался, а, напротив, казалось искал выслушивать бойкую речь Раевского».

Раевский осуждал крепостное право, горячо вступался за солдат, критиковал правительство. Но не всё говорили о политике, часто разговор переходил на литературу. Доставалось и Пушкину: Раевский любил поэта, но не разделял некоторых его романтических увлечений.

Сохранился любопытный документ, дающий представление о том, какого рода споры происходили в Кишиневе. Пушкинисты нашли в бумагах Раевского воспоминания об одном из вечеров. Речь зашла о стихотворении Пушкина «Наполеон на Эльбе».

26 февраля 1815 года Наполеон покинул остров Эльбу и 1 марта высадился во Франции. Начались его знаменитые «сто дней». Под влиянием бурных событий Пушкин и написал свое стихотворение. Он изобразил Наполеона накануне, может быть, перед самым отъездом с Эльбы. Стихотворение было написано в 1815 году, а вспомнили о нем в 1822 вечером в Кишиневе потому, что получили «Собрание образцовых сочинений и переводов в стихах», где оно было перепечатано. «Собрание» было выпущено «Обществом любителей отечественной словесности». Открыв книгу, горячий поклонник поэзии, прапорщик В. П. Горчаков воскликнул: «Это оригинальные стихи одного из наших молодых певцов!» И предложил прочесть их вслух. Майор отозвался: «Я стихов терпеть не могу». Но на всякий случай спросил: «Ну, что за стихи?»

— «Наполеон на Эльбе». В образцовых сочинениях...

— Если об Наполеоне, то я и в стихах слушать буду от нечего делать. Надеюсь доставить друзьям истинное наслаждение, прапорщик торжественно начинает чтение:

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна...

Майор с удивлением переспросил: «Не бледная ли луна сквозь тучи или туман». Майор, конечно, знал, что «туманная луна» не-пременная принадлежность романтического пейзажа, но он не хотел признавать эти новшества, странные метафоры и эпитеты, появляющиеся как бы не на месте. Восторженный поклонник Пушкина возразил: «Это новый оборот! У тебя нет вкуса», — и продолжал читать:

Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон...

— Не ослышался ли я, повтори, — с усмешкой попросил майор, а затем иронически заметил: «Ну, любезный, высоко ж взмостился Наполеон! На скале сидеть можно, но над скалою... Слишком странная фигура!»

Но такое употребление предлога *над* было тогда свойственно не одному Пушкину. *Над* употребляли как *на*, в значении «на поверхности», «наверху»; например, «домик над холмом», то есть на холме. Но послушаем следующую строфу:

Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:
«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн...».

Майор снова не выдержал: «Ночью смотреть на другой берег! Шептать свирепо! *Ложится в туман* пучина волн. Это хаос букв! А грамматики вовсе нет! В настоящем времени и настоящее действие не говорится в прошедшем. *Почило* тут весьма неудачно! «То есть он думает, что правильнее не «почило», а «почивает»: «Вокруг меня все мертвым сном почивает». Раевский усмотрел здесь противоречие: ведь герой описывает то, что происходит в момент речи. Однако с его замечанием насчет грамматики согласиться нельзя. Грамматического несоответствия нет; здесь особое значение прошедшего времени глаголов совершенного вида. Эти глаголы обозначают такое прошедшее действие, результат которого сохраняется в настоящем. В. В. Виноградов замечал: «В некоторых случаях идея результата или состояния, относящегося к настоящему

времени, решительно перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом». И приводил такие примеры: «Скалы нависли над морем». Действие в прошлом, а результат в настоящем, и все это выражается в одной форме, глаголом прошедшего времени. Или, например, говорят: «Руда залегла здесь неглубоко». Ведь вы же не будете спрашивать: «А сейчас лежит?».

Так что грамматическое замечание Раевского бьет мимо цели, но его выпады против неистового романтизма молодого Пушкина в значительной степени обоснованы. Действительно, романтические краски густо положены Пушкиным в стихотворении: «мрачная Эльба», «носила тишина», «туманная луна», «седой, одетый мглюю... небосклон», «дикая скала», «мрачны думы», «взор угрюмый», «черные пучины», «погибельная гроза». Сам Наполеон — типично романтический герой. Он восклицает:

А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч зарыт
И тускнет на тумане...

Здесь все аксессуары древнерусского богатыря (щит, шлем, меч); Это Руслан, а не Наполеон! Но будем справедливы, ведь надо учесть, что это стихотворение было написано в 1815 году, а не в 1822. И возможно, Пушкин во многом был согласен с Раевским; во всяком случае, после этого он отказывался от перепечаток и переизданий «Наполеона на Эльбе».

Ранний Пушкин увлекался неистово-романтическими образами, символами мрака, тумана, дикости, страсти. Поэт пишет «В молчаньи ужаса, в безумстве иступленья...», гремит «на лире дикой и свободной», воспеваает «любви безумной идеал», для него обычны эпитеты: *дикий, безумный, мучительный, мятежный* и др. Черные краски печали, увядания, холода, гибели, разочарования окрашивали и характеры, и пейзаж, который завершала непременная луна «во вкусе Жуковского», позже ставшая «заменой тусклых фонарей». Но это пришло позже, когда муза Пушкина, как он сам сказал в «Евгении Онегине», «позабыла речь богов»...

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, воля края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал...

Талант Пушкина развивался стремительно, поразительно легко освобождаясь от чужого влияния. Перифрастические поэтизмы,

сложные метафоры, эффектные эпитеты теряют для поэта самостоятельный интерес. И вот показательный пример.

В первой половине августа 1825 года живший в Михайловском Пушкин получил письмо из Ревеля от князя Вяземского. Письмо было интересным, но самым замечательным было то, что Вяземский прислал новые стихи. Назывались — «Нарвский водопад»:

Несись с неукротимым гневом,
Сердитой влаги властелин!
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполни!..

И так далее — сильно, громко, выразительно. Ко второй строке Петр Андреевич сделал приписку: «вла-вла!». Это повторение звуков (влаги властелин) казалось ему замечательным, да и вообще стихи ему нравились, он рассчитывал, что и Пушкин будет восхищен. Но всё же скромности ради он просил у Пушкина совета: «Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия. Не так ли? Признайся!». Вяземский ждал опровержения, и оно пришло: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты... редко говоришь на нем...» Но за опровержением следовал серьезный критический разбор, тонкий стилистический анализ:

«Благодарю очень за «Водопад»,— отвечал Пушкин другу.— Давай мутить его сейчас же.

...с гневом

Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное...

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Изралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь из лазури...*. В отношении следующей строфы:

Под грозным знаменем свободы
Таишь (Хранишь) залогом бытия
Зародыш вечной непогоды
И вечно бьющего огня!

Пушкин написал: «*Вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно бьющий огонь, тройная метафора.*» (Какой уж огонь, когда речь идет о воде). И предложил: «Не вычеркнуть ли всю строфу?» Далее:

Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как средь пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

Пушкину строфа понравилась, хотя и с оговорками: «*Ворвавшись — чудно-хорошо. Как средь пустыни...* Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно...

Как ты, внезапно разгорится...

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, то есть *блещающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня)».

Конечно, все понятно: один образ нагромождается на другой, противоречит ему, разрушает общее впечатление. Лет бы пять тому назад стихотворение друга привело бы Пушкина в восторг, но теперь Пушкин уж не тот. Он требует теперь точности, определенности выражения, соответствия слова и действительности, требует реализма.

Интересно, что, отвечая Пушкину, Вяземский указывает на *образный, символический смысл стихотворения*: «*Вбей себе в голову, что этот весь водопад не что иное, как человек, взбитый внезапною страстью. С этой точки зрения, кажется, все части соглашаются...*».

Вяземскому кажется, что Пушкин не понял его смелого *романтического символизма*, не понял скрытого смысла стихов. Но Пушкин, который уже начал отходить от романтизма, равнодушно возразил: «*Ты признаешься, что в своем водопаде ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений*».

Дело ведь не в том, употребляет поэт метафоры, сравнения или не употребляет. Важно, чтобы средства соответствовали духу языка, характеру выражаемого содержания и той цели, которую ставит перед собою автор. Споры, дружеская критика и советы помогали Пушкину определиться в своем движении к реализму, которое шло через постижение, усвоение чужого опыта — и отталкивания от него, его преодоления.

В. В. ОДИНЦОВ

Рисунок Ю. Космынина

КОРИЧНЕВЫЙ В ЧЕРНОТУ; СИНИЙ В ЛИЛОВСТЬ

О языке
прозы
Ю. Нагибина

ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Юрия Нагибина — одного из интересных и самобытных по языку современных прозаиков — обращает на себя внимание широкое использование довольно редкой и оригинальной синтаксической конструкции, служащей для передачи цветовых оттенков.

Женщина обернулась. Высокая грудь..., чистый загар на лице, по уголкам *красных*, *в коричневую*, полных губ влажные ямки (На тихом озере); Няшка велела ему побриться, надеть белую рубашку... и новый, *синий*, *в лиловость*, ватник (Браконьер); Большое *в черноту коричневое* лицо... было значительным, как у вождя (Хождение за четыре моря); Горячий пот тек по его смуглому лицу, *загорелой*, *в черноту*, шее и мускулистым рукам (Молодожен); Рядом, *бледный в черноту*, извивался в железных тисках Василия ее муж (Бабье царство); На *багровом*, *в сизость*, мясистом лице человека тяжелый склеротический гнев истаявал в добродушно-игривое возмущение (Смерть на вокзале).

С грамматической точки зрения конструкция типа *коричневый в черноту*, *синий в лиловость* — адъективное словосоче-

тание, то есть сочетание, в котором главный член — прилагательное. Конструкция состоит из качественного прилагательного и подчиненного ему существительного в винительном падеже с предлогом *в*, производного от другого качественного прилагательного. Оба члена словосочетания — слова с цветовым значением, причем прилагательное обозначает основной цветовой признак, а существительное — дополнительный, тот оттенок, к которому стремится перейти основной цвет, предел изображаемой цветовой гаммы.

Как показывают приведенные примеры, в предложении подчиненный член словосочетания нередко обособляется (на письме он в таких случаях выделяется запятыми); обособляться может и все интересующее нас словосочетание. Оно может также осложняться дополнительным подчиненным членом предложно-падежной формой существительного с причинным значением:

Летчик Козицын... был под стать своему самолету обработан пустыней: с выгоревшими волосами..., с *коричневым, в черноту, от загара* лицом (Четунов, сын Четунова); Глаза — влажные вишни, во всю щеку *малиновый, в лиловость от ветра и холодных бриз* крепкий румянец (На кордоне).

Такие словосочетания представляют собой достаточно емкую конструкцию, способную передавать очень тонкие цветовые оттенки. В частности, она может включать слова, выражающие словообразовательными средствами высокую или, напротив, слабую степень проявления цветового признака, например: не *коричневый, а темно-коричневый*; не *красный, а красноватый*; не *розовость, а розоватость*; не *рыжизна* или *рыжина, а рыжинка*:

Зерна какао обволакивает млечная сырость...; *темно-коричневое в бордовость* ядрышко защищено белым влажным чехольчиком (Из нигерийской тетради); Несколько *красноватых, в лиловость*, плодов промахивают мимо корзины и дробно обстукивают землю (Хожде-ние за четыре моря); От него [солнца] на каменные плиты дороги, на арку, на руины лег *теплый, в розоватость, желтый* свет, и все вокруг обманчиво ожило (На земле Марокко); И все-таки он [постоялец] волосом темен, а все рыбаки *белокуры в рыжинку*, лицом смугло бледен, а рыбаки красны, как медь (На тихом озере).

Прилагательное в составе словосочетания может обозначать только степень проявления признака, сам же цветовой признак выражается при этом словами, синтаксически связанными с данным словосочетанием: «И вот оно — поляна и кусты..., и белые как ки-

пень овцы, пастушка, рдеющая *густым, в лиловость, румянцем* (Лето моего детства). Здесь основной цветовой признак выражен словами: *рдеющая румянцем*.

Конструкция типа *коричневый в черноту* — новое явление в современной русской художественной речи. У писателей прошлого она не встречается; ее нет в Картотеке словарного сектора (Ленинград), фиксирующей множество примеров употребления писателями-классиками слов с цветовым значением. Мы не находим ее ни в существующих описаниях системы словосочетаний современного русского языка (в том числе в описательных грамматиках), ни в словарных разработках синтаксических функций предлога *в*. Мы далеки от мысли приписывать «изобретение» интересующей нас конструкции Ю. Нагибину. По-видимому, той языковой сферой, в которой она возникла и где писатель ее «подслушал», была разговорная речь. Здесь хоть и редко, а конструкция эта встречается. Нам удалось услышать ее однажды в речи пожилой женщины, побывавшей в магазине: «Видела два материала хороших на пальто. Один черный-черный. А другой — не такой *черный, в сероту*».

Однако Ю. Нагибину, несомненно, принадлежит заслуга широкого внедрения этой конструкции в современную художественную речь, где она до сих пор появляется очень редко. Приведем два примера — один из художественной прозы, а второй из мемуаристики: «Шахов захохотал, подмигивая. *Красные в синеву щечки...* тряслись, глаза смотрели вроде пьяно, но одновременно как-то целко, внимательно» (Трифонов. Долгое прощание); «На старинном диванчике... расположилась красивая старая женщина в белой кофте, с *седьми, в голубизну, слегка подвитыми волосами*» (Лакшин. Эссе о к трем портретам. Ольга Леонардовна).

Интересно поискать в истории русского языка предшественников этой конструкции.

В русском языке издавна существовали определенные способы передачи цветовых оттенков, причем эти способы исторически изменялись. Обратившись к материалу, приведенному в книге Н. Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» (М., 1975), мы увидим, что еще в XVI—XVII веках бытовала, например, конструкция с предлогом *в* и предложным падежом прилагательного, обозначающим дополнительный цветовой оттенок: *Кобыла в рыже пегая* (Астраханские акты); *Очи серы в каре*, то есть «глаза серые с карим» (Новгородские кабальные книги). Близка к ней конструкция с предлогами *в* и *на* и предложным падежом «цветового» существительного: *Лицом на бели румяна*; *Круглолица, в бели румяна*, буквально «в белизне румяная», *бель* — «белизна»

(примеры из Новгородских кабальных книг, начало XVII в.). Любопытно, что ближе других к интересующей нас современной конструкции оборот с предлогом *на* и винительным падежом существительного, употребленный в весьма отдаленном от нас по времени древнем переводном памятнике «Хроника Иоанна Малалы» (список XV в.): [Елена] *русовласа на желть*, буквально «русоволосая на желтизну».

Все эти конструкции в современном русском языке не сохранились. Зато широко употребительны такие восходящие к древности языковые средства, как составные прилагательные (*желто-серый*, *красновато-черный*), сочетания с предлогом *с* и творительным падежом (*голубой с лиловым*, *зеленый с желтизной*, *серый с просинью*), конструкция с наречиями типа *изжелта* (первоначально — сочетаниями предлога *из* с родительным падежом прилагательного): *изжелта-бурый*, *исчерна-лиловый*, *иссиня-черный*.

Из преобладающих в современном словоупотреблении сочетаний, обозначающих переходы цвета, наиболее близки к конструкции типа *коричневый в черноту* словосочетания с предлогом *до* и существительным в родительном падеже: «Это одна бесконечная шпалера зелени — на бананах нежной, *яркой до желтизны*, на пальмах темной и жесткой» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Был он по пояс мокрый, *бледен до синевы*, но улыбался» (Горький. Детство); «Руки, обнаженные до локтя, *смуглые до черноты*, были крупные, красивые» (Фадеев. Молодая гвардия);

Там конь, не вскинув головы,
Стоял, как на мели.
И был он бел до синевы
И слеп, хоть глаз коли.

Твардовский. Страна Муравия

Какие же были основания для появления в русском литературном языке нашего времени конкурирующей конструкции с предлогом *в* и винительным падежом существительного? Каковы ее структурные внутриязыковые корни и ближайшие связи?

В какой-то степени *коричневый в черноту* можно сопоставить с *красное в клеточку* (платье), *синий в полоску* (костюм), *желтый в крапинку*. В словосочетаниях типа *красный в клеточку* форма винительного падежа с предлогом *в* тоже служит для обозначения дополнительного внешнего признака; однако они не передают оттенка перехода одного признака в другой. Кроме того, такой винительный падеж с предлогом *в* может употребляться не только в адъективных, но и в субстантивных словосочетаниях, в которых

главное слово — существительное со значением конкретного предмета: *тетрадь в линейку, ткань в полоску, бумага в клетку, платье в горошек*, что нехарактерно для форм типа *в черноту, в синеву*.

Непосредственным источником формирования конструкции типа *коричневый в черноту* стали глагольные словосочетания, где винительный «двуетового» существительного с предлогом *в* подчинен глаголу со значением изменения (перехода) признака, и производные от них словосочетания с отглагольным существительным на месте глагола: «У Валентины Михайловны матовый цвет лица, рук и плечей составлял одну из ее прелестей...; у ее брата он *переходил в черноту*, которую вежливые люди величают бронзой (Тургенев. *Новь*); «А когда закат погаснет, подернется слабой желтизной, *переходящей в зелень, в лиловость*, — черными тогда кажутся на его фоне деревья» (Ю. Казаков. *Оленьи рога*); «На левой части триптиха лиловатыми отсветами, *отдающими то в голубизну, то в синеву*, мягко очерчены холмистые дали оюема» (Дурылин. *Нестеров*); «[Перчатки], пожалуй, были белые, но белизной какой-то подозрительной, с *переливом в желтизну* разных оттенков» (Вересаев. *В юные годы*);

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с *отливом в синь*,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Е с е н и н. Сукин сын

Переходной же конструкцией (промежуточной между глагольной и адъективной интересующего нас типа) можно считать ту, в которой главным словом является причастие (такое причастие обозначает признак предмета как результат действия, названного соответствующим глаголом). Эта конструкция иногда встречается тоже у Ю. Нагибина: «Я заставлял на лугу... Галю с *выгоревшими в седину* волосами и мальчишескими ключицами» (Лето моего детства); «Самого Дедка видно не было, торчал лишь седой, *в желтизну обкуранный* клинышек бороды» (Молодожен).

Но есть у нашей конструкции и еще один совершенно конкретный источник — наречия типа *впробелль, впрозелень, впробсинь, впробчернь*; они достаточно древни и хорошо известны народным говорам. Кроме названных четырех слов, зафиксированных в 17-томном академическом Словаре, В. И. Даль приводит в Толковом словаре наречия *впробель, впросизь* и *впроседь*; известно и сходное наречное образование *впразелень*. Значение таких наречий — «с оттенком, с примесью того цвета, который назван соответствующим

прилагательным». Употребляются они главным образом в глагольных и субстантивных словосочетаниях. 17-томный Словарь приводит глагольное словосочетание *выкрасить что впрожельть*, а Даль — «Мельник *впробель ходит*». Приведем примеры субстантивных сочетаний: «На крыльце домика сидел тучный, крупный человек, с густыми *волосами впросесть*» (Лесков. Смех и горе); «У дьячковской дочери я посмотрел: что ж это за *платице* такое... антик! Эдакое в *празелень*» (Эртель. Гарденины).

Однако примечательно, что уже у Ломоносова мы находим употребление такого наречия в составе адъективного словосочетания с главенствующим цветовым прилагательным, и именно со значением перехода цветового признака: «Магнезия цветом *черна впросинь* и имеет железа в себе весьма малое число» (Первые основания металлургии или рудных дел).

Такие слова, как *впросинь*, входят в ряд наречий с двойной приставкой *впро-*, образуемых от разных частей речи (не только от прилагательных) и имеющих смягчительное значение (неполное проявление признака, названного производящим словом). В Толковом словаре В. И. Даля немало подобных наречий, большинство из них — диалектные: *впроредь* (редковато), *впроголодь* (не наедаюсь досыта), *впрохолодь* (прохладновато), *впромесь* (с примесью чего), *впрохмель* (вполпьяна) и даже *впроцветь* (с отливом или оттенком в другой цвет), особенно близкое к нашей теме. Среди них есть такие, рядом с которыми имеются в языке существительные с приставкой *про-*. Эти наречия могут восприниматься как состоящие из предлога *в* и формы винительного падежа существительного. К ним относятся и слова *впросесть*, *впрожельть*, *впрозелень*, *впросинь*: в русском языке издавна выступают как самостоятельные слова существительные *просесть*, *прожельть*, *прозелень*, *просинь*, *прозелень* и *празелень*, обозначающие слабую степень проявления признака. Все же формы типа *впросесть*, *впросинь* до сих пор рассматривались в словарях как наречия, и с этим согласуется их слитное написание.

Активизация в языке наших дней словосочетаний типа *коричневый в черноту* создает благоприятный фон для превращения наречий типа *впросесть*, *впросинь* в составе этой конструкции в предложно-падежные сочетания. У Ю. Нагибина существительные *просесть*, *просинь*, окказиональное того же типа *проголубь* (от *голубой*) включаются в рассматриваемую конструкцию на равных правах с существительными *чернота*, *лиловость*, *розоватость*. При этом встречаются слитные написания сочетаний «*в*+существительное с приставкой *про-*», свидетельствующие об их наречном «прошлом», и чаще — написания раздельные:

Там плотно, крепко круглились *сероватые в просинь и розоватость* лобастые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков (Лето моего детства); Тут на черное крыльцо вышла жена Владислава, Олеся, худая, как рыба кость..., *с желтым, в просинь*, лицом (На тихом озере); Рядом с чучелом красноголового нырка сидел другой обладатель ярко-алой головы и такой же шеи, черного зоба, *серых, впроголубь*, крыльев (Когда утки в поре); Солдат отпустил девочку. Лицо его, *белое в проголубь*, как часто бывает у медно-рыжих, пошло клюквенным румянцем (Бабье царство); За ними широко шагал деревенский староста Большов, крижистый мужик с *рыжей в проседь* бородой (там же).

Передача цветовых оттенков во всем их многообразии — одна из самых интересных и сложных задач художественной речи. Поэт конца XIX века С. Надсон в известном стихотворении, содержащем крылатую фразу «Нет на свете мук сильнее муки слова», перечисляя то, что особенно трудно передать словами, недаром упомянул на первом месте «радугу цветов, разлитую в природе».

В распоряжении мастеров русского слова немало языковых средств передачи оттенков, переливов, сочетаний цвета. Не останавливаясь на них специально, сошлемся для примера на две опубликованные в «Русской речи» статьи: И. С. Куликова. Две цветные картины мира (1971, № 3); В. П. Ковалев. Бунинские «рисунки пером» (1972, № 3). И тем не менее, привлечение писателями новых, свежих, нетрадиционных средств «цветописи» вполне закономерно. Среди этих средств — конструкция типа *коричневый в черноту*.

Впрочем, истинные возможности этой конструкции шире: она может выражать различные по своему проявлению, не только цветные, «подвижные» признаки. Не случайно именно у Ю. Нагибина, писателя, впервые широко испытывавшего ее в своей творческой «лаборатории», мы встречаем попытки использовать ее вне сферы цветообозначений: «Старик рассмеялся *долгим-долгим, в слезу, смешком*» (В распутицу).

Рассмотренная конструкция — хороший пример того, как поиски свежих, нешаблонных выразительных средств приводят к обогащению палитры художников слова новыми языковыми (в данном случае грамматическими) образцами, прежде лишь подспудно дремавшими в «запасниках» языка.

В. В. ЛОПАТИН

Отмечая 35-летие Победы в Великой Отечественной войне, мы вспоминаем трудные, огненные дороги, которые вели нас к этому светлому дню. По этим дорогам прошагала и замечательная советская песня, верный спутник мужественных воинов и героических тружеников тыла.

«Уже с первых дней войны, — писал А. Сурков, — нам... было заметно, что солдатское сердце ищет не только лозунга и призыва, но и ласкового, тихого лирического слова, чтобы разрядиться от перегрузки всем тем страшным, что на него обрушилась эта жестокая война... Много замечательных стихов написано о войне, многие из них сделались любимыми народом песнями.

Вспомним, какой необычайной популярностью пользовалось стихотворение К. Симонова «Жди меня» — это письмо с войны, обращенное ко всем женщинам. Обогранные кровью листки с переписанным стихотворением находили в нагрудных карманах раненых и убитых. Или знаменитая «В землянке» А. Суркова. Любопытна ее история. Это были шестнадцать строк в письме автора с фронта своей жене. Но однажды в редакцию фронтовой газеты, где работал Сурков, пришел композитор Листов и попросил «что-нибудь такое, на что можно написать песню». И тут поэт вспомнил о стихах, посланных жене, разыскал их в блокноте, переписал и отдал Листову, который через неделю вновь появился в редакции, взял в руки висевшую на стене гитару и спел песню «В землянке»...

Многие поэты обращались в своих стихах к войне и в послевоенное время, много замечательных песен создано. Они звучат с пластинок, по радио и телевидению, на встречах однополчан. На литературной странице мы печатаем стихи, ставшие любимыми народом песнями.

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня, и я вернусь.
 Только очень жди.
 Жди, когда наводят грусть
 Желтые дожди,
 Жди, когда снега метут,
 Жди, когда жара,
 Жди, когда других не ждут,
 Позабыв вчера.
 Жди, когда из дальних мест
 Писем не придет,
 Жди, когда уж надоест
 Всем, кто вместе ждет...
 Не понять не ждавшим им,
 Как среди огня
 Ожиданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой,—
 Просто ты умела ждать,
 Как никто другой.

К. Симонов

В ЗЕМЛЯНКЕ

Бьется в тесной печурке огонь,
 На поленьях смола, как слеза,
 И поет мне в землянке гармонь
 Про улыбку твою и глаза.
 Про тебя мне шептали кусты
 В белоснежных полях под Москвой.
 Я хочу, чтобы слышала ты,
 Как тоскует мой голос живой.
 Ты сейчас далеко-далеко,
 Между нами снега и снега.
 До тебя мне дойти нелегко,
 А до смерти — четыре шага.
 Пой, гармоника, вьюге назло,
 Заплутавшее счастье зови.
 Мне в холодной землянке тепло
 От моей негасимой любви.

А. Сурков

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Из кинофильма «Два бойца»

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды
мерцают...

В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу
утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас.
И тревожная черная степь пролегла между
нами.

Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила,
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной
ни случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы
встречались в степи,

Вот и теперь надо мною она кружится...

Ты меня ждешь и у детской кроватки
не спишь,

И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!

В. Агатов

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Из кинофильма «Тишина»

Горела роща под горою,
И вместе с ней пылал закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.

Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно словно днем.
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся все ребята —
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

М. Матусовский

ЗА ТОГО ПАРНЯ

Из кинофильма «Минута молчания»

Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду полю,—
Что-то с памятью моей стало,
Все, что было не со мной, помню.

Бьют дождинки по щекам впалым;
Для вселенной двадцать пять — мало,
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мама...»

Припев:

А степная трава пахнет горечью.
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы — и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Обещает быть весна долгой,
Ждет отборного зерна пашня...
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня.

Я от тяжести такой горблюсь,
Но иначе жить нельзя, если
Все зовет меня его голос,
Все звучит во мне его песня.

Привес:

А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы — и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Р. Рождественский

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

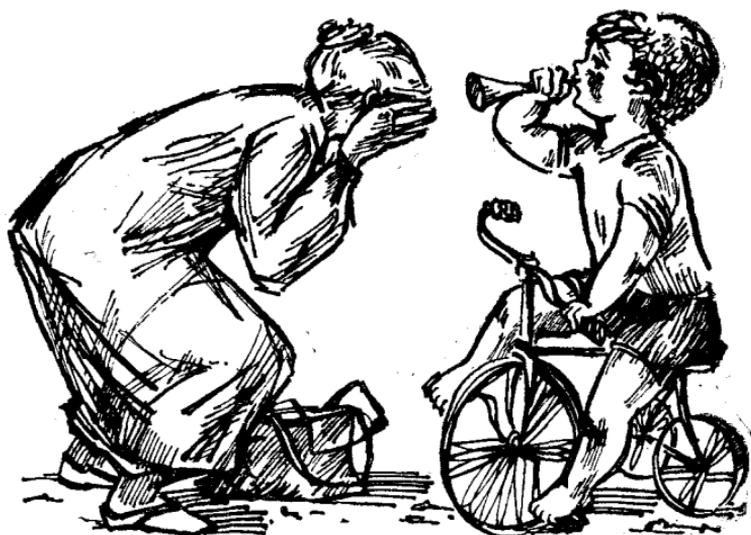
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаая
Всех вас, кого оставил на земле.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Р. Гамзатов

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Обращение к незнакомому

Прежде чем начать разговор с кем-либо, мы должны обратиться к собеседнику, привлечь его внимание, независимо от того, знаком он нам или незнаком, продолжительна будет беседа или нам необходимо лишь узнать, где, например, находится ближайшая станция метро.

Русский язык предоставляет множество способов привлечь внимание человека, с которым мы вступаем в контакт. И выбор одного, наиболее уместного обращения зависит от того, кто же именно говорящее лицо и кто его собеседник, в официальной или неофициальной обстановке происходит общение, хорошо ли знакомы собеседники, или они вовсе не знакомы.

Во всяком обращении совмещаются как бы два речевых действия: 1) призыв, привлечение внимания и 2) называние собеседника. Но для того чтобы назвать, нам каждый раз приходится оценивать существенные для общения признаки собеседника. Мы учитываем его пол — *Гражданин, Гражданка*, возраст — *Молодой человек, Девушка*, профессию — *Товарищ милиционер, Товарищ продавец* и др. Следовательно, мы выбираем такие обращения, которые наиболее подходят для нашего собеседника. Важное значение имеет

и то, кто же сам говорящий: молодой или принадлежит к старшему поколению. Так, если мы слышим обращение *Юноша!*, то можно утверждать, что говорящий — представитель старшего поколения, а *Парень!* — характеризует либо человека недостаточно воспитанного, либо фамильярную, нарочито грубоватую тональность общения.

Прежде всего расскажем о тех обращениях, которые являются самыми употребительными: *Товарищ, Гражданин, Гражданка*.

Слово *товарищ* имеет несколько значений. Для нас существенны три: 1) человек, близкий кому-либо по общности взглядов, деятельности, условиям жизни и т. п., связанный с кем-либо дружбой; 2) член какого-либо (обычно революционного) партийного коллектива, общественной среды; 3) гражданин, человек в советском обществе.

Второе значение слова *товарищ* активизировалось как обращение в революционную эпоху. В этом смысле показателен эпизод из телевизионного фильма «Надежда», посвященного 100-летию Н. К. Крупской. Ученики Крупской — рабочие — говорят о том, что своих хозяев они называют *Господа*, а хозяева при обращении к ним употребляют разные уничижительные клички. Хорошо бы, говорят рабочие, если бы было такое обращение, которое обозначало наше братство, равное уважение ко всем. Надежда Константиновна отвечает, что такое обращение есть: *Товарищ!* Однако, напоминает она, за такое слово их школу могут закрыть. Обращение *Товарищ* стало действительно знаком рабочего содружества. Заметим попутно, что в эту пору оно употреблялось к незнакомому и знакомому, самостоятельно и в сочетании с фамилией, и даже с именем. *Товарищ Андрей, Товарищ Анна* — это были обычные обращения в партийной среде. М. И. Ульянова начала свое письмо М. С. Шагинян, которую хорошо знала, так: *Дорогой товарищ!*

Вот как описывает В. Липатов общение стариков — комсомольцев 20-х годов:

— Я слушаю вас, Иннокентий Петрович! — ясным голосом произносит Софья Борисовна. — Что нужно делать, чтобы, как вы выражаетесь, спуститься на землю? — Она тоже улыбается. Спокойно, сдержанно, уверенно. — На земле хорошо, Иннокентий?

— Еще бы! — восклицает он. — Еще бы, дорогой товарищ Софья!

Она чувствует, как перехлестывает горло: так обращались к ней во времена молодости... „Дорогой товарищ Софья!“ (Черный Яр).

С течением времени, по мере ослабления остроты социальной обстановки, партийный смысл обращения *Товарищ* отошел на второй план, первое же значение слова активизировалось. Но все же обращение *Товарищ* удобно для нас не во всех случаях, так как

поддержит некоторый оттенок официальности. Этот оттенок поддерживается тем, что *товарищ* — существительное мужского рода, поэтому его не всегда удобно применять по отношению к женщинам (особенно незнакомым) без сочетания с фамилией. В самом деле, мы редко встречаем на улице, в транспорте и т. п. обращение к женщине: «Товарищ, вы выходите на следующей остановке?»; «Товарищ, вы уронили газету». В этом смысле удобнее обращение, которое имеет соотносительные формы мужского и женского рода: *Гражданин, Гражданка*.

Слово *гражданин* также имеет несколько значений. Мы назовем три: 1) лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности; 2) взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему; 3) «высокое» — человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий Родине, народу. Например: «Будь гражданин! служба искусству, Для блага ближнего живи...» (Некрасов. Поэт и гражданин). Слово *гражданка* имеет соответствующие значения. Второе названное значение имеет обращение обиходно-бытовое, которым мы пользуемся широко: «Гражданин, передайте, пожалуйста, деньги на билет» (в транспорте); «Гражданка, вы последняя?» (в очереди) и т. п. Первое же значение слова *гражданин* активизируется тогда, когда его применяют, например, работники милиции — ведь речь идет о правах и обязанностях, о соблюдении законов! Поэтому обращение *Гражданка* со стороны милиционера звучит официально.

Иногда приходится слышать, что в русском языке не хватает употребительного во всех без исключения случаях обращения типа польских *Пан* и *Пани*. Однако мы широко используем выражения речевого этикета: *Простите; Извините; Скажите, пожалуйста; Будьте добры (любезны)...* Мы употребляем их именно тогда, когда по тем или иным причинам не называем собеседника по его социальной роли. В то же время они обеспечивают нам достаточную степень вежливости. Другое дело, когда мы слышим вопросы без предшествующего обращения, например: «Где здесь ближайшая станция метро?». Конечно, такой способ общения с незнакомым человеком никак нельзя одобрить.

Надо помнить, что, во-первых, наши обращения *Товарищ, Гражданин, Гражданка* обладают не только признаком официальности, но и большим смыслом. Во-вторых, в русском языке все же есть множество возможностей вежливо обратиться к незнакомому. Кроме тех, которые уже перечислены, назовем такие обращения: к детям — *Мальчик, Девочка* (и к маленькому — *Малыш*); к близким по профессии — *Коллега*; в медицинском учреждении — *Доктор*,

Сестра и т. д. Есть и множество обращений, которые употребляются не всеми и не во всех случаях. Их просто невозможно перечислить! Старик в деревне называет молодую женщину: *Касагушка*; излюбленное обращение С. Я. Маршака к знакомым и незнакомым было: *Голубчик*... Однако всегда следует помнить, что среди обращений, которыми пользуются разные люди в разных обстоятельствах, есть и не рекомендуемые к употреблению в строгой литературной речи. Напомним, что под литературным языком понимают общепонятный язык, в течение столетий обрабатываемый мастерами слова и потому получивший определенные правила, закрепленные в грамматиках и словарях. Литературный язык — это язык школы, радио, газеты и т. п. А то, что остается за границами литературного языка, — диалектизмы, просторечные, жаргонные употребления, конечно, используется писателями в художественных произведениях для речевой характеристики персонажей. Вспомним, например, рассказ М. Шолохова «Судьба человека»:

«Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

— Здорово, браток!

— Здравствуй.— Я пожал протянутую мне большую, черствую руку».

«Здорово, браток!» — говорит Андрей Соколов, прекрасный русский человек, истинный герой. При этом он вполне вежливо вступает в контакт с незнакомым собеседником, проявляя высокую степень доброжелательности. Однако обращение *Браток* не относится к числу тех, которые разрешаются к употреблению нормой литературного языка. Что же отмечает М. Шолохов, вложив в уста своего героя такое обращение? В данном случае только то, что перед нами человек из гущи народной, образовательный уровень которого определяет выбор просторечных оборотов. Хуже ли от этого персонаж? Ни в коей мере! Только лучше.

Таких обращений к незнакомому человеку в народной русской речи множество. В частности, к ним относятся слова из наименований родства: *Мать, Отец, Мамаша, Папаша, Сынок, Дочка* и др. Представим себе человека, который говорит: *Мамаша!* Можно предположить, что он намеревался вежливо, с его точки зрения, обратиться к женщине, подметив в ней такой признак, который позволяет считать ее почтенной матерью. Но значит ли это, что к незнакомому нужно (и можно) обращаться подобным образом? Нет, не значит. Иначе говоря, строгая норма литературного языка не рекомендует такое употребление.

Однако такие обращения из наименований родства, как *Бабушка, Дедушка*, вполне возможны и в грамотной, литературной речи. Например: «Бабушка, давайте я помогу вам перейти через ули-

ду», — говорит студентка. Приведем пример из газетного очерка: «А в это время по трапу из самолета рейса Донецк — Москва сходила старушка в косынке горошком и в летних тапочках. У нее не было багажа, а только ручная кладь — небольшой узелок. Старушка не пошла к автобусу в город. Она спросила в справочном, где служебный ход, и скоро сидела в будочке на проходной. — Чего тебе, бабушка? — спросили ее вахтеры...» («Комсомольская правда», 3 октября 1976).

Неоднородны и обращения *Дядя, Тетя, Дяденька, Тетенька*. Со стороны взрослых они звучат грубо, а вот в речи детей становятся обычными. Интересен в этом смысле отрывок из повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо». Житель деревни Хрисан Андрейч учит своего сына Алешу, как искать Черноуха: «Спрашивай про Черноуха культурно: „Вопрос можно, товарищ?“ А уж потом докладывай: так, мол, и так — из деревни мы, пастухи, и без собаки нам невозможно, а пропала. Убег, мол, в город». И далее: «По городу шел степенный мальчик-крепыш и изредка обращался к встречным, к тем, кто, по его мнению, заслуживал доверия:

— Вопрос можно, *товарищ*? Мы, стало быть, пастухи...».

А вот как ищет Бима городской мальчик Толик: «Шел по городу чистенький мальчик из культурной семьи, шел, вглядываясь в лица, как бы изучая прохожих, и спрашивал по выбору:

— *Дяденька*, скажите, пожалуйста, пе видели ли вы собаку с черным ухом?.. Белая, в желтом крапе?.. — Нет, не видели. — Жаль. Извините».

Не правда ли, *Дяденька* в устах ребенка звучит естественнее, чем *Товарищ*?

То, что язык живет сложной жизнью, по сложным законам своего развития, можно показать и на примере обращений *Друг, Приятель*. Сами по себе эти слова нейтральны. Однако, переходя в обращения к незнакомому, они получают просторечные характеристики, поэтому и возможны в фамильярном, преимущественно мужском общении: «Друг, закурить не найдется?»; «Приятель, у тебя снычки есть?» и т. п. Заметим, что по отношению к незнакомому человеку здесь употребляется форма общения на *ты*.

Мы стремились показать, что в русском языке немало обращений к незнакомому человеку. При этом они социально значимы и с позиций того, кто говорит, и с позиций того, к кому обращается речь.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ
Рисунок С. Гавриловой

Отвечает

Некоторые вопросы, задаваемые «Службе языка», касаются правильного синтаксического оформления высказываний. В частности, нередко спрашивают, какой падеж — дательный или родительный — соответствует литературной норме в таких построениях: «60 лет советскому кино», «60 лет советского кино», «Выход к памятнику Пушкину» — «Выход к памятнику Пушкина»?

60 ЛЕТ СОВЕТСКОМУ КИНО — 60 ЛЕТ СОВЕТСКОМУ КИНО

В подобных конструкциях возможно использование и дательного и родительного падежа. Однако эти варианты не являются полностью взаимозаменяемыми, так как имеют разное значение. Дательный падеж правомерен в том случае, когда речь идет о «возра-

сте» того или иного явления (государства, вида общественной деятельности, социального процесса и т. д.), то есть указывается отрезок времени, в течение которого оно существует с момента своего появления или образования. Фраза «60 лет советскому кино» буквально означает, что советскому кинематографу и исполнилось 60 лет. Кстати, в данном значении часто применяется безличная конструкция (с опущенным глаголом — сказуемым), в которой числительное с зависимым словом находится в постпозиции (на втором месте): «Советскому цирку — шестьдесят лет» («Правда», 15 октября 1979); «Рисункам — десять тысяч лет» («Правда», 15 октября 1979). Родительный падеж при таком расположении частей, как видно из приведенных примеров, невозможен. Иной порядок слов особенно часто встречается в различного рода заголовках: «60 лет Советской Украине» («Неделя», 1977, № 51).

Когда имеется в виду не просто «возраст», а весь период существования чего-либо, то употребляется родительный падеж. «60 лет советскому изобретательству» — это значит, что советскому изобретательству исполнилось 60 лет. «60 лет советского изобретательства» — весь путь, пройденный за 60-летие. «25 лет освоению целины» — с начала

освоения целины прошло 25 лет. Если же мы обращаемся ко всем 25 годам целинной эпопеи (когда отмечается юбилейная дата), более уместно использование родительного падежа: «25 лет целинной эпопеи». Выставка, посвященная 60-летию советского кино, правомерно была названа «60 лет советского кино»: на ней демонстрировались достижения советского кинематографа за 60 лет его существования.

В названиях юбилейных выставок, рубрик и тематических передач, приуроченных к годовщине чего-либо, будет более оправдан родительный падеж, так как в этом случае мы обычно обращаемся к истории явления.

Таким образом, конструкции «60 лет советскому кино» — «60 лет советского кино» имеют определенные смысловые различия и поэтому должны употребляться избирательно, в соответствии с особенностями передаваемой информации.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ — ПАМЯТНИК ПУШКИНА

Норма управления существительного *памятник* (в значении «архитектурное и скульптурное сооружение, выполненное в память какого-либо лица или события») зависит от того, с какими именами оно сочетается — собственными или нарицательными, одушевленными или неодушевленными. При сочетании с нарица-

тельными — обычно названиями исторических событий — возможны и нормативны три варианта управления: *памятник (чему)* — «памятник победе Довского»; *памятник (чего)* — «памятник побед русского оружия в Персии и Турции»; *памятник (в честь чего)* — «памятник в честь запуска Советским Союзом первого спутника Земли». Одушевленные существительные, а также имена и фамилии людей, память о которых увековечивается, употребляются обычно в форме дательного падежа: «Вернемся на Советскую площадь, раскинувшуюся перед Московским Советом. В сквере — *памятник Владимиру Ильичу Ленину*» («Московская правда», 21 октября 1979); «У Анастасьевских ворот, где дорога сворачивает влево от монастыря в сторону Михайловского, стоит бронзовый *памятник Пушкину...*» (Бозырев. Музей-заповедник А. С. Пушкина).

В русском языке XIX века было распространено и другое употребление — *памятник (кого, чей)*: «Стоит из меди кованый... *Чей памятник?* — *Сусанина*» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «В Казани я пробыл день... зашел на университетский двор, к *памятнику Державина*» (Гончаров. Воспоминания). В толковых словарях современного русского языка этот вариант квалифицируется или как устаревший

(Словарь в 17-ти томах), или вообще ненормативный (словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». Л., 1973); рекомендуется — *памятник (кому)*, и с этой рекомендацией в целом следует согласиться. Использование в данной конструкции дательного падежа полностью исключает двусмысленность, вполне возможную при родительном падеже имени. Ведь оборот *памятник (кого)* употребляется при указании на имя скульптора или архитектора: *памятник Маргоса Минину и Пожарскому; памятник Пушкину Опекушина* и т. д.

Вместе с тем, учитывая традицию употребления варианта с родительным падежом — *памятник Пушкина*, а также достаточно широкую его распространенность (это подтверждается материалами словарей) в современной речи, возможно было бы более целесообразным

считать такое употребление не абсолютно неправильным, а имеющим разговорно-просторечную окраску. Некоторые справочники допускают его использование в особых синтаксических позициях, например, когда само существительное употреблено в дательном падеже (см.: «Словарь трудностей русского языка». М., 1976). Следует отметить, что такая рекомендация представляется справедливой только по отношению к разговорной речи, в книжно-письменной же речи обязательна строгая норма управления — дательный падеж: «Выход к *памятнику Пушкину*».

Более подробно узнать об истории сочетаний со словом *памятник* в русском языке читатели смогут, ознакомившись со статьей В. Н. Сергеева «Памятник Минину и Пожарскому — памятник архитектуры» («Русская речь», 1968, № 6).

С. И. ВИНОГРАДОВ

СРЕДИ КНИГ

Л. И. Житенева
ЯЗЫК И СТИЛЬ
«ПРАВДЫ» 1917 ГОДА
(Изд-во Ленинградского университета)

В. Н. Вакуров,
Н. Н. Кохтев,
Г. Я. Солганик
СТИЛИСТИКА
ГАЗЕТНЫХ ЖАНРОВ
(М., «Высшая школа», 1978)

Две книги о языке газеты

В обеих книгах затрагивается одна тема — язык и стиль газетных жанров, но решается она по-разному. Книга «Язык и стиль „Правды“ 1917 года» освещает истоки развития советской газеты. В ней рассказано о периоде становления большевистской печати на примере ленинской «Правды» 1917 года. Хронологические рамки книги «Стилистика газетных жанров» — иные: она

написана на материале газет последних десятилетий. Сравнение этих двух книг дает возможность познакомиться с характером начального и современного периодов развития советской газеты.

Ведущим руководителем и редактором «Правды» 1917 года был В. И. Ленин. Только с апреля по октябрь этого года в газете опубликовано более 200 статей, заметок и речей Владимира Ильича. «Правда» была первой газетой, в которой с наибольшей силой воплотились ленинские партийные принципы советской печати. Это сыграло значительную роль в формировании и развитии основных общественных, языковых и стилистических черт советской газеты. Автор книги пишет: «И несмотря на то, что отдельные специфические особенности языка и стиля материалов „Правды“, вышедшей в 1917 году, оказались неповторимыми, как неповторима сама эпоха, родившая их, в целом можно сказать, что язык и стиль „Правды“ 1917 года во многом определил развитие всей советской газетной публицистики на последующие годы...» (с. 8).

Анализируя язык и стиль «Правды», Л. И. Житенева пользовалась приемами комплексного анализа. В первую очередь охарактеризованы наиболее существенные черты газеты — ее директивность и полемичность. Как форма пропаганды, агитации и организации особенно широко использовались лозунги, призывы и обращения. Так, в конце манифеста РСДРП «Ко всем гражданам России» (№ 1, 5 марта) обращение, рассчитанное на ответную реакцию читателя, звучало следующим образом:

«Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепили нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия! Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!» (с. 11).

Автор уделяет внимание средствам выражения полемического стиля, в частности введению пролических подтекстов. Например, статья В. И. Ленина «Эпидемия доверчивости» начинается с выделенной цитаты: «Товарищи, сопротивление капиталистов, по-видимому, сломлено». И дальше разъясняется: «Сие приятное известие заимствуем мы из речи министра Пешехонова. Сногшибательное известие!». Ирония здесь создается с помощью лексических и синтаксических средств.

В книге охарактеризованы жанрово-стилевые разновидности газетных публикаций. Язык революционной эпохи нашел в «Правде» самые яркие формы воплощения. Первый номер «Правды» 1917 года был подготовлен в основном силами пяти сотрудников редакции, а в выпуске последующих номеров принимали участие рабочие, солдаты, крестьяне — обширный корреспондентский актив. В газете широко публиковались письма рядовых тружеников из всех уголков страны. При этом сохранялась тональность повествования, стилистические особенности разговорного языка, индивидуальный синтаксический строй речи. «Я мужик, крестьянин, — начинаю письмо один из корреспондентов. — Я хочу немного изложить свой взгляд на разные партии и хочу приложить партии к деревне, к сходу» (с. 75).

Представляя единое целое,

газета была жанрово и стилистически многообразной: в ней печатались и публицистические статьи, и письма, и материалы, шедшие под рубрикой «Дневник», «Впечатления», и стихи — произведения поэтов-правдивистов. Ленинская «Правда» являлась своеобразным дневником революции. Это богатейший источник для изучения особенностей литературного языка того времени.

Иной подход к раскрытию и освещению стилистических свойств языка газеты находим в книге «Стилистика газетных жанров». По своему назначению — это учебное пособие. Книга представляет собой первый опыт лингвистического анализа жанров советской газеты. Авторы сконцентрировали внимание на выявлении общих и отличительных признаков газетных жанров, контрастах их речевой и стилистической структуры.

Каждая глава характеризует один из жанров современной газеты: хроникальную информацию, интервью, репортаж, передовую статью, статью, очерк и фельетон. Жанру свойственны определенные структурно-композиционные черты, из которых наиболее важными авторы считают способ изображения, характер отношения к действительности, роль автора-журналиста. В частности, показано, как изменяется авторское «я» в каждом из газетных жанров.

В передовой статье, например, «журналист выступает как представитель коллектива, организации, союза и т. д. Здесь создается своеобразный коллективный образ автора» (с. 12). Это связано с особой ролью передовой статьи, ее идеологическим, политическим

и публицистическим значением. В противоположность этому в репортаже высказывается личное отношение автора к изображаемым событиям. Здесь эффект авторского присутствия создается за счет использования специальных стилистических средств. В жанре хроникальной информации лаконичное сообщение о событии предполагает устранение авторского «я», личности пишущего.

Очерк представлен в книге как самый «субъективный» публицистический жанр: автор делится с читателем своими мыслями и чувствами относительно излагаемой темы. Личность публициста раскрывается наиболее открыто и полно.

Еще более сложна роль автора в фельетоне. Непременным условием является использование в нем сильных эмоционально-экспрессивных языковых элементов оценочного характера. Стилистические эффекты нередко создаются за счет разрушения общепринятых языковых норм. Каламбур, ирония, сравнение, метафора — все использующиеся приемы сопровождаются стилистическими контрастами, которые должны запомниться, оставить у читателя наиболее глубокие впечатления.

В книге приводятся интересные сведения о стилистике газетной речи, о тех приемах и средствах, которыми пользуются журналисты в своем творчестве. Обе книги о языке газеты представляют интерес и для специалистов, и для самого широкого круга читателей, чье внимание привлекают проблемы стилистики и культуры речи.

Л. К. ГРАУДИНА

В русском языке за 150 лет, которые отделяют нас от А. С. Пушкина, произошли определенные изменения в словарном составе. Появилось много новообразований. Некоторые наименования развили переносно-метафорические значения. Лексика русского языка обогащалась, с одной стороны, заимствованными а с другой — народно-разговорными словами. «Простонародная, даже областная стихия речи все решительнее выступала как ценный и значительный материал для создания национального русского литературного языка» (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938).

НАРОДНАЯ ЛЕКСИКА У ПУШКИНА

Часть лексических единиц, областных в пушкинское время, впоследствии утратила свою территориальную ограниченность и стала общеупотребительной. Другая же группа слов, вполне нормативных, литературных в первой трети XIX века, постепенно перешла в разряд устаревших, просторечных или областных, а отдельные лексико-фразеологические единицы были окончательно утрачены языком. Примером может быть слово *вёдро*, которое в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1806), а также в «Словаре церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) приводится без всяких ограничительных помет. Первоначально оно означало, как говорит Ф. И. Буслаев, «засуха, страшный жар» (Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941). Судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», в этом значении *вёдро* изредка использовалось вплоть до XVI века, а затем возобладало употребление в другом его значении, также известном с давних пор — «ясная, солнечная, сухая погода». Вот некоторые примеры из литературы XVIII века: «Не случилось того во всю мою бытность, чтоб неделю сряду простояло *вёдро*» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки); «Долину может он унылу В луга и воды превратить, Ненастье в *вёдро*» (Г. Р. Державин. Желание в Горняя).

В произведениях Пушкина это слово можно встретить и в речи персонажей, например, капитана Миронова: «— Бог дал *вёдро*,

пора бы сено убрать» (Капитанская дочка), и в собственно авторском повествовании как в прозе, так и в стихах:

Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в *вёдро* ясное дремал.

Цыганы

«На пем был черный фрак, побелевший уже по швам; ...шершавая шляпа, казалось, видала и *вёдро* и ненастье» (Египетские ночи).

Вёдро свободно употреблялось также современниками Пушкина. Например:

Где пужно *вёдро* — шлет им бурю:
Знать не для бедных создан свет.

В. Г. Бенедиктов.

Ужин у кардинала Ришелье

Об употребительности этого слова говорят и факты его применения как средства образной выразительности — для обозначения хорошего, счастливого времени жизни в противоположность плохому. Так, П. И. Долгоруков, кишиневский знакомый А. С. Пушкина, вводит *вёдро* в название своего дневника — «35-ый год моей жизни, или Два дни вёдра на 363 ненастья» (Звенья). Сравните у В. Г. Бенедиктова: «Здесь горечь вмешана и в сладость; Здесь рядом — *вёдро* и гроза» (Ангел и младенец).

Достоянием общего употребления в первой трети XIX века были и такие слова, как *пороша* — «только что выцавший рыхлый снег», *острог* — «тюрьма», *жило* — «жилое место» и некоторые другие. Они используются и в художественных произведениях, и в переписке А. С. Пушкина: «Я встречаю Слугу, несущего мне утром чашку чаю. Вопросами: тепло ль? утихла ли метель? *Пороша* есть иль нет» (Зима. Что делать нам в деревне?); «Я езжу по *пороше*, ...играю в вист» (Письмо А. А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г.); «Нас друг ко другу приковали, И стража отвела в *острог*» (Братья Разбойники); «Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской *острог*» (Дубровский); «Жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг *острога*» (Письмо Н. С. Алексееву, 1 декабря 1826 г.); «Я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак *жила* или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели» (Капитанская дочка).

Не было отклонением от нормы литературной речи использование слова *Ванька* в нарицательном употреблении «легковой извозчик на плохой лошади с бедной упряжью», которое отмечено

в художественной прозе А. С. Пушкина: «Улицы были пусты. Изредка тянулся *Ванька* на тощей кляче своей, высматривая запоздалого седока» (Пиковая дама).

Приведенные примеры говорят о том, что в пушкинский период названные слова воспринимались писателями как вполне допустимые в разговорной речи образованных людей, а также в художественных произведениях. Эти слова мы встречаем и в литературе последующего времени, однако обычно уже в речи персонажей: «Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.— Погода разгуляется, будет *вёдро*...— говорили казаки между собой» (В. К. Арсеньев. По Уссурийской тайге); «Счастливцев. Он убьет кого-нибудь, с ним в *острог* попадешь» (А. Н. Островский. Лес); «Идет Пахомовна путем-дороженькой, призастигла ее почка темная. Не видит Федосьюшка *жила* человеческого, не слышит человеческого голосу» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); «Кроме двух-трех *ванек*, лениво развалившихся на своих дрожках, да десятка самых обыденных пешеходов, никто не парушал обычного летнего затишья» (Воспоминания старого студента).

Сужение сферы применения таких обозначений обусловило их постепенный выход из разряда нормативных средств языка. В соответствии с этим изменяются и оценки рассмотренных слов в современных словарях литературного языка. Например, в «Словаре русского языка» в четырех томах пометой «устарелое» сопровождаются слова *ванька* и *острог*, как «устарелое просторечное» дается *вёдро*, а слово *жило* приводится с пометой «устарелое областное». Все это может свидетельствовать об исторической изменчивости границ литературного, общеупотребительного и пслитературного в языке.

Как отмечал В. В. Виноградов, «Пушкинский язык избегает всего того, что непонятно и неизвестно в общем литературно-бытовом обиходе той эпохи. Он не стремится к экзотике областных выражений» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935). В то же время все хорошо знают, что творчество поэта значительно способствовало утверждению народной лексики в составе русского литературного языка. О своем отношении к народной речевой стихии писатель неоднократно говорил в теоретических статьях. Верный принципу исторической достоверности изображаемого, он вводил характерные для народной речи слова в свои письма, в художественные и исторические сочинения. Одни из них представляют собой наименование предмета или явления, называемого в литературном языке иным словом, другие — обозначение таких предметов и явлений местного быта, которые пе

имеют в литературном языке синонимичного средства выражения.

Примером слов первого типа может быть *хата* «крестьянский дом в белорусской, украинской и южновеликорусской деревне». Пушкин и другие писатели первой трети XIX века используют это слово в разнообразных контекстах, включая и собственно авторское повествование. Но существенно, что включение его в литературное употребление обычно вызвано тем, что авторы изображают местность, где крестьянский дом называется именно *хата*, а не *изба*: «Калмыки располагаются около станционных *хат*» (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум); «Дым с низких *хат* розовыми клубами стлался по ветру» (А. А. Бестужев-Марлинский. Поездка в Ревель).

Когда требовалось сюжетом или «реалистическим представлением о правдоподобии» (В. В. Виноградов), Пушкин привлекал также слова *погост* «сельское кладбище», *задувать* «гасить, тушить», *умет*, которым в литературном языке соответствуют другие наименования. Например: «Постоялый двор, или, по тамошнему, *умет*, находился в стороне» (Капитанская дочка); «Тайные совещания происходили по степным *уметам* и отдаленным хуторам» (История Пугачева); «Тело Татищева предано земле в *погосте*, состоящем в одной версте от его деревни» (О Татищеве); «И ветер дунул *задувая* [Светильник свечек восковых]» (Евгений Онегин, черновой вариант).

Часть слов, имевших литературный эквивалент, не допускалась в авторское повествование и в художественных произведениях вводилась лишь в речь лиц из «простонародья». Таковы, например, у А. С. Пушкина: *тын* «забор», *бать* «говорить, рассказывать», *ан* [союз], *ась* [вопросительная частица], *али* «или» и другие: «[Хор] Пива бочку пролили, Всю капусту полили, *Тыну* поклонился, Верее молился» (Русалка); «Я думал, она его забыла; *ан* видно нет» (Арап Петра Великого); «Пугачев заметил мое смущение. „*Ась*, ваше благородие?“ — сказал он мне подмигивая» (Капитанская дочка).

В другую группу используемых Пушкиным слов, характерных для народной, крестьянской среды, входят наименования предметов и явлений местного быта, не имеющих в литературном языке соответствующего названия. Это, например, распространенные лишь в некоторых областях слова *кичка* и *повойник* «головной убор у крестьянки», *жупан* «род полукафтана у поляков и украинцев», *верезя* «столб, на который навешивается створка ворот», и известные целым группам народных говоров слова *гумно* «крестьянская усадьба», *копна* «сложенное в кучу в виде конуса сено, снопы

хлеба», *полба* «один из видов пшеницы», *шушун* «женская верхняя одежда, род телогреи, душегрейки», *лыки*, *скирд*. Часть их отмечена в собственно авторском повествовании: «Барская барыня, в старинном *шушуне* и *кичке*» (Арап Петра Великого), а часть — только в речи персонажей: «Так про женское тряпье толковать, конечно, нечего: а право, жаль сарафана, девичьей ленты и *новой-ника*» (Арап Петра Великого); «Чтоб у меня к Ильину дню все сено было в *копнах*» (Капитанская дочка);

Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелчка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».

Сказка о попе и работнике его Балде

[Хор] Веря ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехать.

Русалка

Наличие приведенных слов в сочинениях А. С. Пушкина обусловлено темой произведения, оно определяется авторской задачей воссоздать историческую эпоху, или изобразить местный быт и обиход.

С середины 20-х годов XIX века, когда руководящим для А. С. Пушкина становится принцип простого и прямого наименования предметов и явлений, часть таких слов вводится в поэтический язык. Иллюстрацией могут быть многочисленные лирические отступления в «Евгении Онегине». Приведем одно из них:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых.

В ряде случаев включение подобной лексики в стихотворный текст не только не приводит к снижению общей (лирически приподнятой) тональности стихотворения, но, напротив, способствует ее усилению, создавая особую атмосферу поэтичности. Так, например, употребляет А. С. Пушкин слова *пажить* «пастбище, место, где пасется скот», *вешний* «весенний», *скирд*:

«Меж нив золотых и *пажитей* зеленых Оно [озеро] синее стелется широко» (Вновь я посетил):

«Она свежа, как *вешний* цвет, Взлеянный в тени дубравной»
(Полтава);

«Гонимы *вешними* лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали
мутными ручьями На потопленные дуга» (Евгений Онегин);

«Я твой — люблю сей темный сад С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми *скирдами*, Где светлые ручьи
в кустарниках шумят» (Деревня).

Такое словоупотребление А. С. Пушкина обратило на себя внимание современников. Так, С. П. Шевырев замечает: «Все, до него пользовавшиеся этим [простонародным] языком, употребляли оный не столько в своем собственном слоге, сколько в разговоре простонародных лиц, выводимых ими. Один только Пушкин со смелостью, свойственною его гению, дерзал вставлять слова и речения простонародные в свою поэтическую речь» («Москвитянин», 1842, № 3). Следует подчеркнуть, что самый выбор тем, объяснявший появление таких слов в литературе, причем у гениального писателя, имел большое значение для дальнейшего развития художественной речи и литературного языка. С 40-х годов XIX века тематически обусловленное употребление лексики, характерной для крестьянской среды, получает широкий размах в русской литературе как в художественной прозе (И. С. Тургенев, Д. В. Григорович и др.), так и в поэзии (Н. А. Некрасов и др.). Результатом подобного употребления слов, восходящих к народному источнику, явилось то, что часть их (пусть и незначительная) позднее вошла в круг поэтических средств языка. Так, слова *нажить* и *вешний* приводятся в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова с пометой «областное поэтическое».

Итак, в пушкинский период, когда наиболее отчетливо выделяются принципы единой общелитературной нормы, народная лексика находит применение у выдающегося писателя, стиль и слог которого принят за образец. Пушкин очень осторожен в ее использовании и отбирает в литературный язык только то, что «не носило резкого отпечатка областного провинциализма»; он не считает «говоры подходящим материалом для создания национально-языковой нормы. Последующие великие мастера русского художественного слова внесли необходимые поправки и дополнения в эту глубокую, истинно гениальную работу Пушкина над созданием нового русского литературного языка» (В. В. Виноградов. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. М., 1949).

Е. П. ХОДАКОВА

ПРАВДОЛЮБ И ПРАВДОЛЮБЕЦ

В современном русском литературном языке есть несколько сложных имен существительных, образованных при помощи элементов *-люб* и *-любец*. Обычно это наименования лиц, имеющих склонность к чему-то. Как показывают толковые словари современного русского языка, количество таких образований невелико. Многие из них представляют собой пары, имеющие одинаковое значение. Например: *жизнелюб* — тот, кто любит жизнь и *жизнелюбец* — то же, что *жизнелюб*: «Так горячо говорить мог только большой *жизнелюбец*» (Гладков. Д. Н. Мамин-Сибиряк); *однолюб* — тот, кто любит или любил в жизни только одну женщину: «Бывают же на свете такие *однолюбы*» (Новиков-Прибой. Капитан 1-го ранга) и *однолюбец* — то же, что *однолюб*; *правдолюб* — тот, кто любит правду: «Ишь, говорит, какой *правдолюб!*» (М. Горький. Трое) и *правдолюбец* — то же, что *правдолюб*: «Ты был *правдолюбец*, глашатаем дня Средь каторжной тьмы николаевской ночи» (Безыменский. Речь... в день столетней годовщины смерти А. С. Пушкина); *самолюб* — то же, что *самолюбец*: «Этакий-то *самолюб* да стеснялся бы? Он же первое лицо на свете» (М. Горький. Чудаки) и *самолюбец* — себялюбивый человек: «А заметили вы, что все эти правдонскатели больших дорог — великие *самолюбцы?*» (М. Горький. Из воспоминаний о В. Г. Короленко); *себялюб* (разг.) — то же, что *себялюбец*: «Я не такой *себялюб*, как ты, — сказал я очень тихо» (Беляев. Старая крепость) и *себялюбец* — эгоист, себялюбивый человек: «Он умел рассказывать очень недурно и не без юмора, но, как все большие *себялюбцы*, оживлялся только тогда, когда говорил о самом себе» (Куприн. Негласная ре-визия); *честолюб* (устар.) — то же, что *честолюбец*: «...вишь ты,

какой честолюб!» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина) и *честолюбец* — тот, кому свойственно честолюбие: «По обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург...» (Гоголь. Мертвые души).

Как равнозначные и стилистически равноценные отмечены в 17-томном Словаре такие слова: *славянолюб* — сторонник, приверженец всего славянского и *славянолюбец* — то же, что *славянолюб* (ср.: более официальное и книжное *славянофил*, вторая часть которого *-фил* представляет собой заимствование из древнегреческого языка и совмещает в себе значения русских *-люб* и *-любец*); *трудолюб* — то же, что *трудолюбец*: «Не опоздать бы! — шумит трудолюб. — Еще подождем! — ворчит лежебок» (С. Васильев. Грачи прилетели) и *трудолюбец* — трудолюбивый человек: «Поясненья, заметки, запросы Составлял трудолюбец-старик» (Некрасов. Недавнее время).

Иллюстративные примеры из произведений художественной литературы, приведенные в современных толковых словарях, показывают, что образования с *-люб* и *-любец* различаются стилистической окрашенностью: первые носят преимущественно разговорный оттенок, вторые являются нейтральными словами.

Характерной особенностью этих слов является то, что, по нормам литературного словообразования, при них невозможны соответствующие обозначения лиц женского пола. В современном русском языке нет таких форм, как отмеченные в Толковом словаре В. И. Даля: *властолюбица, корыстолюбица, миролюбица, отчизнолюбица, правдолюбица, празднолюбица, самолюбица, себялюбица, серебролюбица, страннолюбица, трудолюбица, цветолюбица, честолюбица*; а также: *правдолюбка, празднолюбка, самолюбка, себялюбка, трудолюбка, честолюбка* и др. Все эти слова женского рода в настоящее время признаются устаревшими и вместо них обычно используются описательные выражения, например: «любительница властвовать (начальствовать)», «женщина, любящая правду», «женщина, любящая цветы», «трудолюбивая дочь» и т. п.

Устаревшими являются теперь и такие слова (см. 17-томный Словарь): *отечестволюбец* — тот, кто любит свое отечество; патриот [у В. И. Даля: *Отчизнолюбивый народ. Славяне отчизнолюбцы. Отче(отчизно)любец, -ица* и *отчизник* — патриот, а *отечестволюбец* в его словаре отсутствует]; *праволюб* — тот, кто признает, любит законность; *серебролюбец* — человек, отличающийся серебрюлюбием; *корыстолюбец* и другие.

Следует отметить, что *-люб* может сочетаться с большим числом существительных и образовывать обозначения любителей чего-

нибудь. Так, в разговорной речи употребляется не только *книголюб*, *природолюб*, *цветолюб* (эти слова зафиксированы в толковых словарях), но и *добролюб*, *славолюб*, *неболюб* (ср. образованные от них фамилии: Добролюбов, Славолюбов, Неболюбов); *балетолоб* (в значении «балетоман»), *театролюб*, *пиволюб*, *винолюб*, *салолоб*, *рыболоб*, *чаелюб* и т. д. В рассказе одной матери о своих детях как-то удалось услышать такую фразу: «Они у меня такие *пироголюбы*, хоть каждый день пеки».

Среди рассматриваемых существительных обособленно стоят несколько ботанических терминов, образованных с помощью элемента *-люб*: *водолюб*, *песколюб*, *светолюб*, *сухолюб*, *тенелюб* и *теплолюб*. Они употребляются для наименования-характеристики представителей растительного мира по особенностям их произрастания: *сосны-светолюбы*, *пустынные сухолюбы*, *растения-водолюбы* и т. п. При этом *водолюб* в народно-разговорной речи обозначает не только растение, но и птицу водокряку, и водяного жука (см.: В. И. Даль. Толковый словарь).

В заключение отметим, что словарный состав русского литературного языка советской эпохи пополнился рядом новообразований для обозначения лиц, увлекающихся каким-либо делом помимо своей основной профессии или имеющих особое пристрастие к определенному роду занятий. В качестве второй части таких сложных образований выступает полнозначное слово *любитель*, связанное с элементами *-люб* и *-любец*: *автолюбитель*, *кинолюбитель*, *радиолюбитель*, *телелюбитель*, *фотолюбитель* и некоторые другие.

Н. И. СЕРГЕЕВА

СРЕДИ КНИГ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК»

Создание энциклопедий в определенной сфере знаний — велеие нашего времени, так как позволяет представить накопленную научную информацию в компактной форме и облегчает доступ к ней не толь-

ко специалистов, но и широкого круга читателей.

Русский язык, выполняющий многообразные общественные функции, является сегодня объектом изучения разных наук — лингвистики, социологии, теории информации, методики преподавания, психолингвистики и некоторых других. В связи с этим стала настоятельной потребность в работе обобщающего характе-

ра, в которой основные научные данные о русском языке были бы сведены воедино.

Вышла в свет энциклопедия «Русский язык» (М., «Сов. энциклопедия», 1979), первая работа такого жанра в области русистики. В одном небольшом томе, включающем свыше шестисот статей, раскрывается богатство русского языка, дается характеристика основных направлений его научного исследования, показано значение русского языка в обществе. Энциклопедия содержит все наиболее важные сведения, касающиеся происхождения, истории и современного состояния русского языка.

В целом ряде статей всесторонне описано внутреннее строение языка: его основные уровни и относящиеся к ним языковые единицы. Показано своеобразие фонологической, грамматической и лексико-семантической систем русского языка. С учетом новейших достижений лингвистики охарактеризованы ударение и интонация, выделены все грамматические формы и грамматические категории, описаны лексико-семантические группы слов и основные закономерности словообразования. Статьи по этим вопросам послужат ценным справочным материалом для многих специалистов-преподавателей русского языка, редакторов, научных работников.

В энциклопедии нашли отражение и проблемы, связанные с коммуникативным назначением языка. Они рассматриваются в статьях «Речь», «Функции языка», «Речевой этикет» и в некоторых других. Определяются взаимоотношения языка и речи, структура речевого

акта, правила речевого поведения в ситуациях «вежливого» контакта с собеседником.

Большое значение для полной характеристики современного русского литературного языка имеет описание его функционально-стилевой системы. Обусловленная социальными задачами речевого общения, эта система многомерна. Читатель найдет в энциклопедии подробную характеристику каждого из стилей общелитературного языка — научного, официально-делового, публицистического и эпистолярного, имеющих свою сферу применения и закономерности выбора речевых средств. Отдельные статьи посвящены книжной, разговорной, публичной речи, языку художественной литературы.

Авторы статей не всегда излагают общепринятые лингвистические концепции, иногда отмечаются спорные и перешенные вопросы, например в статье, посвященной фонологии. Лингвистическая теория представлена не только в связи с трактовкой фактов русского языка, ей отведено специальное место.

Современное языкознание развивается в русле многочисленных дисциплин, изучающих разные стороны существования языка — организацию отдельных языковых уровней (фонетика, фонология, морфология, синтаксис, лексикология, семантика, стилистика), территориальное распространение языковых подсистем и явлений (диалектология, лингвистическая география), функционирование языка в обществе (социолингвистика) и др. Вследствие углубления того или иного направления иссле-

дования или применения нового метода появляются новые разделы и отрасли лингвистики. Так, интерес к количественным характеристикам языка и речи привел к появлению лингвистической статистики. Обо всех этих дисциплинах читатель может составить представление, обратившись к соответствующим статьям энциклопедии.

В статье «Прикладная лингвистика» и в ряде других дан обзор разнообразных практических задач, которые решаются сегодня с использованием лингвистического аппарата, в их числе разработка систем стенографии, транслитерации, автоматического перевода, информационно-поисковых систем.

Большую пользу широкому кругу читателей принесет описание существующих типов лингвистических словарей — они весьма многочисленны и ставят перед собой разные задачи. Кроме широко известных типов — орфографического, двуязычного, иностранных слов, представлены словари — частотный, терминологический, толковый, обратный, словообразовательный, исторический, этимологический, фразеологический, омонимов, синонимов, языка писателя, тезаурус.

Сведения о русистике и ее развитии дополняются рассказами о видных ученых-лингвистах, об их жизни и творчестве. Здесь мы встретим имена крупнейших русистов прошлого и наших современников, ученых, чья деятельность способствует развитию науки о русском языке.

Современная эпоха характеризуется расширением общественных функций, выполняе-

мых русским языком, одновременно увеличивается забота общества о языке — его совершенствовании, изучении и распространении. Этот важный аспект также нашел свое место в энциклопедии. Как один из наиболее распространенных мировых языков русский язык используется в сферах науки, дипломатии, международной торговли, туризма и т. д. Приводятся данные об изучении русского языка в разных странах, рассказывается о Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. С изучением и распространением русского языка связана деятельность многих научно-исследовательских институтов, журналов, специализированного издательства «Русский язык», — посвященные им статьи дают интересный, содержательный материал.

В небольшой рецензии невозможно охватить всего содержания шестисот статей. Читатель, кем бы он ни был — филологом или просто любителем русского языка, несомненно, найдет здесь для себя много ценного. Пользоваться энциклопедией несложно: статьи расположены в алфавитном порядке, в конце книги дается их полный перечень. Информация изложена в доступной форме. В конце статьи обычно дается краткая библиография. Открыв энциклопедию, читатель получит и эстетическое удовольствие: книга хорошо иллюстрирована — в ней большое количество рисунков, таблиц, схем, портреты ученых, прекрасные цветные фотографии.

О. П. РАССУДОВА

С Л О В О

И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Мздавна между лингвистами ведется спор, является ли слово самостоятельной единицей языка, сохраняющей свое значение и вне речи, или же оно существует только в тексте. Такой спор можно считать метафизическим, так как на заданный вопрос нельзя ответить «да» или «нет». Слово — самостоятельная единица. Когда мы произвольно произносим (читаем) какое-либо одно слово, оно не является для нас пустым звуком, а что-то значит, например: *вода, стол, дом* и т. п. Это свойство проявляется в собственных именах: *Алексей, Ленинград, Нева, Узбекистан*, наименованиях учебных заведений, учреждений, газет и журналов и т. п.: *вуз, столовая, «Известия»* — газета, *«Молодость»* — название ресторана, в номенклатурных обозначениях: «Рекорд» — марка телевизора, «Волга» — автомашина, а также во многих других случаях, когда слова не пугаются в контексте (и без него они понятны, хотя в сознании единичные слова так или иначе связываются с другими). Наличие словарей, в которых отдельно взятые слова располагаются в алфавитном или каком-либо ином порядке, также свидетельствует о самостоятельности слова как особой языковой единицы.

Язык представляет собой сложную систему, в которой слова объединяются грамматическими и лексико-семантическими отношениями. Без этого немислима связная речь, общение между людьми, познание и перестройка мира — неперенное условие существования человеческого общества. Только в связном тексте раскрываются все формы, значения, оттенки значений и употребления слова. Язык в соединениях слов неистощим, как безгранична сама человеческая мысль. В тексте соединяются между собой самые разные по значению слова. Это свойство речи, пожалуй, и не пугается в особом терминологическом обозначении (по крайней мере, с точки зрения лингвиста). Впрочем, такую универсальную связь

слов можно назвать контекстуальной. Например, блоговское «Ночь, улица, фонарь, аптека...», — если взять каждое из этих слов в отдельности, то каких-либо лексических и смысловых связей между ними мы не обнаружим, а в целом они передают образ ночной петербургской улицы.

Имеются также частные и специфические связи между словами по их значениям. Само отдельно взятое слово иногда выражает не одно, а два и более значений, а в пределах одного значения существуют оттенки. Это явление называется полисемией, или многозначностью. Многозначность слова имеет сложную структуру. В одних случаях в основе значений слова имеется общий семантический (смысловой) элемент: *стена* — 1) вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части; 2) высокая ограда; 3) вертикальная боковая поверхность чего-либо; 4) тесный ряд или сплошная масса чего-либо, образующая завесу, преграду. Эти значения имеют один общий признак — вертикальная преграда, отделяющая что-то. В других случаях значения разделяются на исходные и переносные: *ножка* — маленькая нога и *ножка стула* — опора, стойка стула. В третьих выступают иные ассоциативные связи, что позволяет слову сохранять смысловое единство, то есть оставаться единым словом.

Многие значения имеют собственные подразделения — оттенки, благодаря которым можно выражать всякого рода нюансы обозначаемого: *напряжение* — «состояние подъема, повышенных усилий в осуществлении чего-либо», а к этому значению оттенок — «крайний предел, высшая степень протекания чего-либо». Например: «Завод лихорадило из-за новой турбины, это напряжение передалось и Ане» (Кетлинская. Дни нашей жизни). Достаточно открыть любой толковый словарь, чтобы пайти в значениях слов их оттенки, как нечто объективно существующее, а не падуманное. Однако некоторые лингвисты ошибочно полагают, что одно слово всегда имеет одно значение. Многозначность отличает естественный язык, богатый и бесконечно разнообразный, от искусственных кодовых систем. Даже специальные термины стремятся к полисемии, что нередко вызывает неудобство в их использовании.

Значения слов могут настолько разойтись между собой, что слово утрачивает свое единство и распадается на два и более самостоятельных слова. Одинаково звучащие слова, имеющие разные значения, называются омонимами: *свет* — лучистая энергия и *свет* — мир, вселенная одного происхождения. Это различные слова. Существуют и такие омонимы, когда одинаково звучащие слова имеют разное происхождение. Когда-то *лук* — «растение» и *лук* — «оружие для метания стрел» фонетически отличались друг от дру

га: *лукъ* и *лркъ* (р — носовой гласный). После того, как в древнерусском языке носовые гласные *р* и *ѣ* изменились в *у* и *е* (что произошло примерно к середине X в.), *лукъ* и *лркъ* в звуковом отношении стали тождественными, то есть превратились в омонимы.

Для историка языка важно отличать омонимы — слова одного происхождения и слова разного происхождения. Но в современной языковой системе омонимы того и другого рода одинаковы по своей функции — их различие по происхождению для говорящих на русском (или каком-либо ином) языке безразлично. Их различие возможно только в контексте речи: *лук едят* и *из лука стреляют*.

Совпадение звучания однокоренных основ при различии некоторых элементов создает паронимы (возлесловы), которые имеют особые лексические значения, соотносятся друг с другом, образуют частный семантический ряд: *надеть* — *одеть*, *экономный* — *экономический* и т. п. Сходство паронимов иногда вызывает речевые ошибки: часто смешивают слова *представить* и *предоставить*, *эффектный* и *эффективный*. Такое сходство может служить для усиления выразительности речи, когда паронимы сознательно сталкивают между собой: «Я буду вести не *придуманную*, а *продуманную* речь» у Плевако, «Памятник *Первопечатнику*» у И. Ильфа. В стилистике паронимы являются особой фигурой — паронимазией, а с точки зрения структурно-лингвистической представляют собой частный случай словообразования.

Словообразование — форма создания новых слов посредством аффиксов, словосложения и других смысловых изменений. Благодаря словообразованию один и тот же корень выступает в разных частях речи: *бег* — *бежать* — *беглый* — *бегло* и т. п. Слова одного и того же корня, сохраняющие связь между их значениями, по смыслу объединяются в особые группы — словообразовательные гнезда.

Со словообразованием связана также «внутренняя форма слова», то есть семантическая мотивировка слова. Всем ясно, что *подснежник* — цветок, как бы вырастающий под снегом, когда в лесу еще не сошел снег. Надо полагать, что все слова имели свою «внутреннюю форму», но многие из них ее утратили, или она в них оказалась затемненной. Почему, например, *снег* назван *снегом*? Этимологи находят соответствия этому слову в различных индоевропейских языках, но до «внутренней формы» его так и не сумели добраться — она была забыта еще в глубокой древности.

Все заимствованные слова в их исходных формах для носителей языка не имеют мотивировки своего образования. Отсутствие «внутренней формы» не мешает слову выполнять свои функции. Если от заимствованного слова создаются производные, эта форма у них появляется, как и у исконных слов: от *чай* (из северноки-

тайского *chā* — через тюркско-монгольское посредничество) образуются *чайник, чайная, чаепитие, чаёвничать*. Освоенные заимствованные слова сливаются с исконными и ничем от них не отличаются. Впрочем, некоторые из них ошибочно сближаются с исконными по принципу народной этимологии. Так, слово *изъян* связывают с глаголом *изъять*, на самом же деле оно персидского происхождения. Народная этимология — одно из проявлений словообразовательных ассоциаций, их жизненности. В то же время происходит и обратный процесс: распад словообразовательных гнезд на независимые друг от друга гнезда. Гнездо *мешок, мешочный, мешочник, мешочничать* отделилось от *мех, меховой, меховщик*, так как мешки давно стали изготавливать не из меха.

Мы рассказали о смысловой структуре многозначных слов и общности значений однокоренных образований. Однако системность в лексике этим не ограничивается. Кроме омонимов, которые так или иначе объединяют однокоренные и разнокоренные по происхождению самостоятельные слова, в лексике широко представлены разные по звучанию и оформлению слова — антонимы и синонимы.

Антонимы означают противоположные свойства одного и того же явления, имеют противопоставленные значения: *начало — конец* (общность корня этих слов давно утрачена), *хороший — плохой, свет — тьма, легкий — тяжелый, до — после, в* (внутри чего-либо) — *из*. В «Словаре антонимов» Н. П. Колесникова (Тбилиси, 1972) помещено свыше 1300 пар, на самом деле в современном русском литературном языке их значительно больше. Особенно нужно учесть, что многозначное слово может иметь несколько антонимов: *легкий — тяжелый* (мешок), *легкий — трудный* (о работе), *легкий — сильный* (мороз) и др. В тематическом плане антонимы отражают различные явления природы и общества; не имеют антонимов, например, слова предметного значения: *стол, градусник* и др.

Гораздо многочисленнее в языке синонимы — слова с близкими значениями, различающие одно и то же понятие. В академическом «Словаре синонимов» под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1975) приведены 7323 синонимические группы, охватывающие десятки тысяч слов. Это составляет значительную часть всего словарного состава общеупотребительного русского литературного языка.

Вопрос о том, что нужно называть синонимами, вызывал и вызывает среди лингвистов споры. Некоторые из них считают, что синонимами можно называть только те слова, значения которых полностью совпадают. Однако таких слов в языке не очень много

и все они однозначны. Сосуществование слов, абсолютно одинаковых во всех отношениях, очень кратковременно. При такой идентичности одно слово или исчезает [ср. *antwort* (*ответ*) в письмах Петра I] или же между ними возникает различие. Так, *космонавт* и *астронавт* как будто имеют тождественные значения, однако первое слово употребляется только для обозначения советских покорителей космоса и их товарищей из социалистических стран, а второе — для обозначения американских. Стало быть, у этих слов появились оттенки значений и во всяком случае разные сферы употребления. *Гостиница* обозначается как слово русское, а *отель* — иностранное. Слово *самолет* теперь обычно, а *аэроплан* явно устарело. Кроме того (и это главное), узкое понимание синонимов вовсе исключает соотносительность близких значений в многозначных словах. Следовательно, такое понимание синонимов можно считать неприемлемым.

А что такое «одно и то же понятие»? Нужно всегда иметь в виду, что наше мышление не отражает пассивно, как фотоаппарат, окружающую действительность. Оно является активным, творческим, преобразует независимый от нашего сознания мир, находя в нем подлинно существующее и наделяя его мнимыми, превратно понятыми или еще не познанными свойствами. Между понятием и предметом, обозначаемым словом, нет тождества, так как один и тот же предмет может иметь много объективных или приписываемых ему особенностей. Вот примеры. Когда Чичиков увидел Плюшкина, он не мог понять, мужик это или баба, и только приблизившись к нему и заговорив, догадался, что Плюшкин — мужик. У Юрия Олеши в «Трех толстяках» изображена забавная сцена: продавец шаров влетел в кондитерскую и попал в торт. «Его залило сплошь... белым кремом, имевшим прелестный розоватый оттенок... Поэт, мог принять теперь его за лебедя в белоснежном оперении, садовник — за мраморную статую, прачка — за гору мыльной пены, а шалун — за снежную бабу». Хлестаков для одних казался ревизором, важным гостем, автором «другого Милославского», для Анны Андреевны — образованным, светским человеком, милашкой, для Осипа — барином, а для трактирщика — плутом. Некоторые лингвисты считают слова *баба* — *мужик*, *лебедь* — *мраморная статуя* — *гора мыльной пены* — *снежная баба*, *ревизор* — *плут* синонимами, хотя и окказиональными, индивидуальными, на том основании, что они означают одни и те же предметы. Но ведь при этом забываются собственные значения слов и обозначаемых ими понятий, которые очень различны. К синонимам, пусть даже окказиональным, подобные слова не имеют никакого отношения.

Нередко близость значения толкуется слишком расширительно и в разряд синонимов ошибочно зачисляются слова, обозначающие разные понятия: *жилище, дом, квартира, жилплощадь, пристанище, приют, угол, гнездо, крыша* (над головой) и подобные. Как правильно замечает А. П. Евгеньева в «Словаре синонимов», «слова-синонимы служат выражению тонких смысловых оттенков данного понятия, выражению той или иной экспрессии, эмоциональной или стилистической окраски», а не сопоставлению близких, но разных понятий. Между тем в языке очевидная смысловая связь слов, обозначающих близкие, но отдельные понятия, существует. Это отношение родовых и видовых понятий (*человек, люди* — родовое, *мужчина, женщина, подросток, дитя, ребенок* — видовое), понятий взаимосвязанных (*жена и муж, жених и невеста*), смежных (*дом, изба и хата, город, поселок, село и деревня*) и т. д. Совокупности слов, имеющих близкие (в том числе противопоставленные — антонимы) и одинаковые значения с разными оттенками (синонимы), составляют лексико-семантические группы или единства. Каждое слово, входящее в эту группу, обозначает самостоятельное понятие или его оттенки и в то же время зависит от другого члена группы. Если не было бы слова *жених*, не было бы нужды и в слове *невеста*.

Лексико-семантические группы подвижны. Изменение в составе влечет за собой их перестройку, сдвиги в значениях отдельных слов, а то и выпадения слов из состава языка. Возьмем для примера группу слов, обозначающих отношения родства и свойства. В древнерусском языке, пережиточно сохранявшем некоторые особенности родового строя, она была очень богата. Употреблялись особые термины для обозначения дяди по отцу — *стрый* (>*строй*) и дяди по матери — *уй* (>*вуй, вой*), племянника и племянницы: *нетий* — сын брата или сестры, *нестера* — дочь брата или сестры. С установлением новых семейных отношений *стрый* и *уй* вытесняются словом *дядя*; *нетий* и *нестера* — однокоренными словами *племянник* и *племянница*. Уже на наших глазах из этой группы уходят в пассивный словарный запас *деверь, золовка, шурич*, которые заменяются описательными выражениями *брат мужа, сестра мужа, брат жены* и т. п.

Весь словарный состав языка так или иначе (в пределах грамматических разрядов) делится на лексико-семантические группы, причем многозначные слова могут входить в разные группы. Получается весьма сложная и во многом пересекающаяся сеть отношений, которую во всем ее объеме изучить никогда не удастся. Если мы имеем более или менее полные словари синонимов, омонимов, антонимов и паронимов, то словарей лексико-семантических групп не предвидится.

В словаре представлены также тематические группы слов. Темы могут быть широкими (например, названия животного мира) и узкими (названия плодовых деревьев или частей человеческого тела). В тематических группах все зависит от того, что из объективной действительности включается в классификацию, а классифицировать, как известно, можно все, что угодно. Слова, попадающие в ту или иную тематическую группу, вне текстов не имеют каких-либо видимых смысловых соприкосновений между собою, и изменение классификации не отражается на их значениях: *сосна, секвойя, одуванчик* и т. д. Конечно, в тематические группы могут входить и лексико-семантические, как их составные части, по это не отменяет реальность и своеобразие последних.

Существует также и иной план связей значений слова — семантические сращения в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах, когда одно слово предопределяет наличие другого: «трамвайная (автобусная) остановка», «хреп редьки не слаще», «посадить на хлеб и воду» и т. д. Фразеологизмов, их индивидуальных изменений, а также вариантов в каждом языке имеется очень много (по крайней мере десятки тысяч).

Наконец, говоря о значениях слова и смысловых связях между словами, нужно всегда иметь в виду многочисленные разновидности тропов и фигур, имеющих в любой речи и особенно широко представленных в языке художественной литературы и фольклоре.

Из сказанного должно быть ясно, что слово всегда представляет собой неповторимую единицу языка (за каждым словом и его историей стоит целый мир), в то же время в языке и речи оно стоит не одиноко. Между словами и их значениями существуют весьма различные связи, в своей совокупности составляющие лексико-семантическую систему языка. Неправы те языковеды, которые утверждают, что понятие системы не приложимо к лексике, а приложимо только к фонетике (фонологии) и грамматике. Однако элементы фонетической и грамматической систем относительно немногочисленны и связи между ними нагляднее. А лексика содержит целый океан слов и связи между их значениями очень сложны, поэтому изучить закономерности лексической системы гораздо труднее.

Ф. П. ФИЛИН

ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык — явление общественное: он возникает вместе с обществом и существует до тех пор, пока существует общество. Являясь средством обмена мыслями между людьми, язык не может не находиться в зависимости от условий жизни и уровня развития людей. Он изменяется вместе с изменением самого человеческого общества, переходящего от одной ступени своего развития к другой, более высокой.

Как и другие языки мира, русский язык прошел длительный и сложный путь развития. Можно с достаточной долей достоверности восстановить, или, как говорят лингвисты, реконструировать этапы истории развития русского языка, определить свойственные ему в прошлом характерные особенности. Такая реконструкция осуществляется, во-первых, на базе изучения памятников письменности, которые сохранились с XI века. Во-вторых, путем изучения современных русских диалектов, народных говоров, обнаруживающих нередко в своей языковой структуре такие явления, которые уже утрачены в литературном русском языке, но по своему происхождению являются наследием прошлых эпох.

Наконец, реконструкция прошлых состояний русского языка осуществляется путем сравнительно-исторического изучения его с родственными — прежде всего с другими славянскими — языками.

Напомню, что русский язык входит в семью славянских языков, которая делится на три группы: восточнославянскую (русский, украинский, белорусский), западнославянскую (чешский, словацкий, польский, лужицкий), южнославянскую (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский языки). Сравнительно-историческое изучение всех этих языков показало их поразительную близость в звуковом и грамматическом строе и в словарном составе. Сходст-

во обнаруживается тем больше, чем глубже в прошлое мы уходим. Это обстоятельство позволило лингвистам выдвинуть положение о том, что все эти языки произошли из праславянского, или общеславянского языка, распад которого (и образование языков южных, западных и восточных славян) произошел относительно недавно, в V—VI веках н. э. С этого времени начал существовать общий язык восточных славян, предок современных трех восточнославянских языков. Язык, на котором говорили в древнерусском, первоначально — Киевском, государстве, называют древнерусским языком. Его распад и образование трех отдельных восточнославянских языков, а следовательно, и образование собственно русского в современном понимании языка, отличного от украинского и белорусского, относится к еще более позднему времени — к XIV—XV векам.

Унаследованные из прошлого праславянские и древнерусские элементы звуковой и грамматической систем имеют теперь иной характер и находятся в иных отношениях и связях, но происхождение их, вне сомнения, праславянское или древнерусское.

Каждый новый этап в развитии структуры языка не отменяет старого, а возникает на основе прошлого состояния, сохраняя его в новом виде, на новой ступени развития. Так, например, система гласных звуков современного русского языка насчитывает всего пять основных звуковых единиц — *a, o, e, y, и*. Все они существовали уже в праславянском языке, который в то же время имел еще пять основных гласных: два носовых, два глухих или сверхкратких и «ять». В древнерусскую эпоху (XI—XII вв.) уже не было носовых, а позже исчезли сверхкраткие гласные и гласный «ять». Таким образом, количество гласных сократилось, изменились и их отношения в системе языка, но праславянская основа ее сохраняется и теперь.

Приведем пример из области морфологии. В современном языке, например, есть три типа склонения существительных. При этом отнесенность слова к тому или иному типу склонения определяется его родом. В праславянском языке было шесть типов склонения, причем существительные объединялись в них не по признаку рода, а по своему значению. Например, слова, обозначающие детенышей живых существ, такие, как *дѣтя, осьля, козьля, щеня, ягня*, образовывали особое склонение. Следы подобного распределения слов сохранялись и в древнерусском языке, однако уже в преобразованном виде: существительные могли еще объединяться по значению, но главным образом объединялись уже по родам, хотя по системе склонений, по характеру окончаний, свойственных надежным формам, все еще выделялось шесть типов склонения, а в некоторых из них по-прежнему входили существительные разного рода. Со-

временные типы склонения, хотя и изменившиеся по составу входящих в них существительных, восходят к соответствующим типам склонения, сложившимся уже в праславянском языке.

Все сказанное позволяет утверждать, что в звуковой и грамматической системах современного русского языка сосуществуют очень разные по своему происхождению явления и факты, по-разному определяющие отношение русского языка к другим славянским языкам. Одни из них являются праславянскими и оказываются общими для всех славянских языков; другие — древнерусскими, то есть общими для русского, украинского и белорусского языков; третьи — собственно русскими. Само собой разумеется, что, будучи восходящими к разным периодам возникновения, различные по происхождению языковые явления могут быть реконструированы по данным разных источников. С этой точки зрения вся история русского языка делится на два периода: дописьменную эпоху и эпоху, засвидетельствованную памятниками письменности. Дописьменный период охватывает историю праславянского языка последнего времени его существования и начала общевосточнославянского языка — с VI—VII до X—XI века. Поскольку памятников не сохранилось (и мы не знаем, были ли они вообще), язык этой эпохи восстанавливается методом сравнительно-исторического изучения славянских языков. Начало второй эпохи можно отнести к середине XI века, когда был создан первый дошедший до нас памятник древнерусского языка «Остромирово евангелие» 1056—1057 гг. В этот период языковые явления получают отражение в письменности и поэтому их можно реконструировать как по данным памятников, так и по данным современных народных говоров.

Трудами русских и советских историков языка воссоздана достаточно полная и подробная картина развития его звукового и грамматического строя от праславянской эпохи и до сегодняшнего дня. Основные этапы этого развития в общих чертах могут быть представлены следующим образом.

После распада общеславянского единства восточные славяне расселились на великом водном пути «из варяг в греки» — от озера Ильмень и верховьев Днепра до его низовьев с севера на юг, на запад до реки Припять и на восток до верхнего течения Оки и Волги. Летопись сохранила названия отдельных групп восточных славян: поляне, древляне, словене, кривичи, вятичи и т. д.

В IX—X веках возникает древнерусское государство — Киевская Русь, складывается древнерусская народность, имевшая общий язык, который сохранял во многом еще праславянскую структуру. Этот язык дробился на диалекты, но был единым языком всех восточных славян. К концу XI века он уже заметно отошел

от праславянского состояния, а еще через 150—200 лет коренным образом изменил свою звуковую сторону и во многом морфологическую систему.

К концу XI века Киевское государство стало распадаться на отдельные феодальные княжества. На этот процесс сильно повлияло и татаро-монгольское нашествие (XIII в.), приведшее к серьезным нарушениям связей между разными территориями восточных славян. Это отразилось и на языке древнерусской народности: увеличивались различия между диалектами, что вело по существу к распаду единого древнерусского языка.

Вместе с тем шел и обратный процесс — процесс нового объединения восточнославянских земель вокруг других русских городов. К XIV—XV векам на северо-востоке древней Руси складывается великорусская народность, а на юго-западе и на западе (не совсем одновременно) две другие народности — украинская и белорусская, каждая со своим языком. По происхождению эти языки были диалектами древнерусского языка, но уже имевшими характерные для каждого из них особенности.

Так возник старорусский язык, язык великорусской народности. Он сложился в Ростово-Суздальской земле, центром которой постепенно становилась Москва. Дальнейшее развитие великорусской народности в XV—XVI веках было связано с укреплением Московского государства, с расширением его границ, с присоединением к нему северных и южных территорий. Старорусский язык по своей структуре уже был тем самым языком, на котором мы говорим теперь.

В XVII веке складывается русская нация, а вместе с нею и русский национальный язык, который по отношению к языку великорусской народности не является новым языком: его фонетика и грамматика унаследованы от старорусского языка. Развитие русского национального языка сопровождалось сглаживанием и постепенной утратой местных диалектных черт. Это объяснялось распространением норм литературного русского языка. Не затрагивая сейчас вопроса об образовании письменной формы общенародного литературного языка, процесс которого был связан со многими сложными явлениями в истории русской письменности и с взаимодействием русского языка с древнейшим языком — старославянским, скажем об образовании его устной формы.

В основу устной формы литературного языка лег язык центра русского национального государства — язык Москвы. Сама Москва характеризовалась смешанным населением (выходцами с юга и с

севера древней Руси) и потому первоначально не имела единого разговорного языка. Постепенно в Москве выработывался такой единый разговорный язык, в котором совмещались черты северных и южных русских диалектов и в котором были сглажены наиболее резкие их диалектные особенности. Так складывалось единое просторечие Москвы, средневеликорусское по своему характеру: в области фонетики, например, для него стало характерно южное по происхождению акафье, то есть ослабление безударных *о* и *а* и произношение на их месте звука *а*: *дамá, вадá, далá, травá*. Другой особенностью московского просторечия стало произношение северного по происхождению *з* взрывного, оглушающегося в *к* в отличие от южного фрикативного согласного, оглушающегося в *х*: *гарá, гброд, нагá, нок, крук*. Московское просторечие сложилось в своих основных чертах в XVII веке и, будучи языком общественного и культурного центра государства, было принято за образцовое: нормы этого произношения стали распространяться в других центрах и на других территориях, постепенно превращаясь в нормы устного литературного языка, хотя сама нормализация этого языка и узаконение московских норм как образцовых произошли позднее.

Так шло развитие русского языка на протяжении длительных периодов его истории; оно продолжалось и после XVII века; оно продолжается и теперь, потому что язык — это живой организм, находящийся в постоянном движении. И в наши дни меняются нормы литературного языка, идет процесс утраты диалектных черт, но русский язык остается в своей основе тем же языком, каким он сложился в далеком прошлом, и это позволяет нам читать и понимать произведения, отдаленные от нас многими веками.

Мы всегда говорим, что история языка связана с историей народа. Это верно, но только не надо понимать эту связь таким образом, что каждое изменение в фонетике или грамматике обязательно своим появлением отвечает каким-то событиям в исторической жизни народа. Язык развивается по своим внутренним законам, которые определяют пути и позволяют понять причины направлений развития звуковой системы и морфологического строя языка. Более того, зная эти законы, лингвисты могут прогнозировать развитие языка в будущем. В то же время нельзя забывать, что язык — это не только определенная структура, средство общения, организованное по определенным законам, но и общественно-историческое явление, объединяющее людей в единое целое, в человеческое общество. Именно поэтому историю русского языка мы рассматриваем в тесном единстве с историей русского народа.

В. В. ИВАНОВ

На стр. 95 инициал И. Билибина

СЛОВО В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Язык произведений В. И. Ленина — важнейшее явление в истории современного русского литературного языка. В. И. Ленин великолепно владел живой русской речью, научной терминологией, отлично понимал значение каждого слова, его тончайшие нюансы. Глаз внимательного исследователя языка при каждом новом соприкосновении с наследием В. И. Ленина проникает в новые глубины его творчества.

Еще в двадцатых годах выдвигалась идея создания словаря языка В. И. Ленина. И вот теперь в Институте русского языка АН СССР такой словарь создается. По замыслам его составителей словарь должен отразить все лексико-семантическое богатство языка В. И. Ленина.

О масштабах этой работы, проблемах, возникающих в процессе создания словаря, рассказывает сборник статей «Слово в языке произведений В. И. Ленина», подготовленный Институтом русского языка АН СССР и выпущенный издательством «Наука».

В открывающей сборник статье Ф. П. Филина читатель найдет исчерпывающую информацию о будущем словаре, например, каким он будет: «Словарь языка В. И. Ленина

будет полным, — говорится в статье, — в него войдут все без исключения нарицательные слова во всех их значениях, как они представлены в полном собрании сочинений В. И. Ленина»; для кого предназначается словарь: «Он будет важным пособием для специалистов гуманитарных и естественных наук, для работников идеологического фронта, лекторов и пропагандистов, для всех, кто интересуется ленинским пониманием значений слов».

Сейчас создается картотека словаря. Она будет вмещать около трех миллионов карточек-цитат из произведений В. И. Ленина.

Статьи Н. Б. Бахилиной, В. П. Данilenко, Е. Л. Лидевой, А. И. Горшкова и других авторов, помещенные в сборнике, посвящены отдельным вопросам, связанным с составлением словаря языка В. И. Ленина.

Так, в статье Н. Б. Бахилиной рассказывается об использовании В. И. Лениным архаической лексики — слов и выражений, принадлежащих старославянскому и древнерусскому языкам. Анализируя особенности архаической лексики, используемой В. И. Лениным, автор подчеркивает, что В. И. Ленин употребляет старинные слова в особых специфических значениях, образных или переносных, которые не фиксируются словарями, что свидетельствует о глубоком знании им русского языка, его истории, его древней письменности.

Интересна статья А. И. Горшкова о реализации значений глагола *идти* в языке произведений В. И. Ленина. Неудивительно, когда языковедов при-

влекают специфические в том или ином отношении слова, особенности их употребления. Но вот оказывается, что такое вроде бы ничем не примечательное слово, как *идти* в языке произведений В. И. Ленина приобретает особую нагрузку. Автор сообщает, что при обследовании 1000 употреблений глагола *идти* в ленинских текстах зафиксировано 16 его значений и 14 оттенков значений.

В сочинениях В. И. Ленина часто встречаются слова, образованные от основ имен собственных (фамилий политических, государственных, военных деятелей, ученых; названий партий, фракций, кружков, газет, журналов и т. п.): *марксизм, махизм, берклианство, впередовство* и многие другие. Принципы образования таких слов рассматриваются в статье В. П. Даниленко.

Для того, чтобы точнее определить сущность того или иного предмета, явления, В. И. Ленин объединял в одном слове иногда до трех и более характерных для описываемого явления черт, признаков, например: *крепостнически - бюрократически - буржуазно - социалистический*. Сложные прилагательные, встречающиеся в произведениях В. И. Ленина, их конструирование и употребление описаны в статье Е. Л. Дилевой, где отмечается, что «для беспощадного разоблачения противников, классовых врагов, для оценки их взглядов, программ, практических действий В. И. Ленин находил точные определения, а также создавал новые, комбинируя различные сочетания слов в одном слове».

Ряд статей сборника раскры-

вает стилистическое богатство языка сочинений В. И. Ленина, который умело сочетал речевые средства самого различного происхождения. В статьях М. Г. Булахова, Г. П. Князьковой, А. Н. Кожина, Л. А. Морозовой и др. затрагиваются проблемы использования В. И. Лениным разговорных и просторечных элементов языка, отдельных экспрессивных средств, принципов отбора лексики в целях создания полемической остроты текста.

Сборник статей «Слово в языке произведений В. И. Ленина» — содержательное, богатое по материалу исследование. Нет сомнения, что он с большим вниманием будет изучен всеми, кто интересуется вечно живыми проблемами ленинского наследия в области языка.

И. А. РЕВЕНСКАЯ

А. Н. Тихонов

ШКОЛЬНЫЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В издательстве «Просвещение» вышло пособие для учащихся — «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1978). Это по существу первый словообразовательный словарь русского языка для школы. Словарь того же названия З. А. Потихи (М., «Просвещение», 1964) фактически явля-

ется словарем морфемным, сведений о словообразовательной структуре слова он не дает. Введение в школьную программу раздела «Словообразование» вызвало потребность в надежном справочнике по этим вопросам. Словарь А. Н. Тихонова является таким пособием. Он показывает, как связаны морфемное строение и словообразовательная структура слова, помогает понять, что морфем (частей слова) может быть несколько, но только один суффикс или одна приставка образуют данное слово, например: *о-дерев-ене-л-ость*, *за-зелен-е-ть* и т. д. В этом словаре ученик найдет ответы на все вопросы, возникающие при словообразовательном анализе.

В практике школы часто встречаются ошибки в разграничении корня и производящей основы. Так, нередко считают, например, что слова типа *престарелый*, *по-старинному* образованы от прилагательного *старый*. Обратившись к словарю, можно узнать, что от слова *старый* (от основы *стар-*) образовано много слов: *старенький*, *староватый*, *старейший*, *нестарый*, *престарый*, *старб*, *старость*, *старье*, *старина*, *старец*, *старик*, *старуха*, *встарь*, *исстари*, *по-старому*, *стареть*, *старить*, но среди них нет *устарелый* и *по-старинному*. Каждое из них имеет свою производящую основу — *устарелый* образовано от *устареть*, *по-старинному* — от *старинный*: *старый* — *стареть* — *устареть* — *устарелый*; *старый* — *старина* — *старинный* — *по-старинному*.

Словарь разграничивает морфемный (по частям слова) и словообразовательный анализ слова, а также дает правильное направление морфемному ана-

лизу, который, как справедливо отмечают исследователи, чаще всего опирается на словообразовательный. Например: морфемный анализ слов типа *развитие*, *укрытие* вызывает затруднение, если не знать, что эти слова образованы от глаголов, а отглагольные образования, как правило, производятся от основы инфинитива. Только совокупность этих сведений позволяет найти в словах такого типа суффикс *-ти-*.

А. Н. Тихонов очень разумно, на наш взгляд, выбирает подход к спорным вопросам теории словообразования, находящим отражение в словаре. Думается, что совершенно правильно слова типа *почтамт* рассматриваются как производные, несмотря на то, что в науке существует и иная точка зрения. Поскольку в школе не изучается теория морфемы, а слово *почтамт* по смыслу и структуре обычно соотносят с *почтой*, иного решения здесь принять было нельзя.

В словаре впервые представлена система русского словообразования на материале гнезд слов. Определенные группы слов образуют так называемые словообразовательные цепи, которые продолжаютя до определенного предела: *рыба* → *рыбак* → *рыбачий* → *по-рыбачьи*; *вода* → *водный* → *приводнить* → *приводнение*; *горячий* → *горячить* → *разгорячить* → *разгоряченный* → *разгоряченность*.

Словарь наглядно показывает словообразовательные возможности разных частей речи и разрядов слов. Читатель увидит, какие разряды слов являются последним звеном в словообразовательной цепи, а какие, наоборот, никогда не за-

вершают цепь. Последним звеном обычно бывают существительные на *-ость* или *-ниѣ*, наречия на *-и* или *-ому*. И, как правило, не бывают глаголы и прилагательные, потому что от глаголов образуются существительные со значением действия, а от прилагательных — наречия разных типов или отвлеченные существительные на *-ость* и др. Слова и разряды слов, таким образом, обладают разными словообразовательными возможностями: большая часть русских слов имеет многочисленных «родственников».

В словаре А. Н. Тихонова четко разграничены омонимы, они помещены в разных гнездах, родственные связи у них различны. Интересно, в частности, обратить внимание на то, что, например, *коса I* и *коса II* (орудие) являются исходными словами очень похожих словообразовательных гнезд (*коса I* имеет четырех, а *коса II* — многочисленных родственников): *коса I* → *косица* → *косичка*, *косица*, *косонька*; *коса II* (орудие) → *косовище*,

косовина, *косить* → *косьба*, *кошение*, *косовица* → *косовичный*, *косец*, *косарь* → *косарский*, *косилка* и мн. др.

Словообразовательный словарь облегчает работу по подбору родственных слов. А это не только расширяет кругозор учащихся, но и помогает изучать орфографию, в частности, безударные гласные, а также способствует развитию речи учащихся. Словарь, безусловно, хорошее пособие и во внеклассной работе по русскому языку. По алфавитному указателю слов, который приведен в конце словаря, можно быстро найти любое слово.

«Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова — словарь нового типа. Это чрезвычайно ценное пособие для учащихся и очень полезная книга для учителей и преподавателей вузов. Словарь составлен с учетом современного уровня развития науки и потребностей школы.

О. П. ЕРМАКОВА
Калуга

В издательстве «Русский язык» вышел лингвострановедческий словарь В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (М., 1979). Этот словарь содержит около 450 пословиц, поговорок и крылатых выражений, наиболее употребительных в современном языке. Толкование их значений и комментарии даны с точки зрения отражения ими отечественной истории, литературы и культуры.

Словарь помогает читателю лучше изучить русский язык, а также познакомиться с прошлым и настоящим нашей Родины. Он предназначен прежде всего для преподавателей русского языка, для лиц, изучающих русский язык как иностранный, и всех, кто интересуется русской фразеологией.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Литература Древней Руси богата произведениями, повествующими о событиях военной истории. Особенно много описаний битв и походов содержится в летописных сводах. Батальную сторону летописи, как правило, составляют воинские повести. В них запечатлевались конкретные исторические события и лица, ратные подвиги воинов. Мы находим здесь образцы удивляющей нас воинской доблести, высокий патриотический пафос, свойственный всем древнерусским произведениям батального содержания.

«ПОВЕСТЬ временных лет» — первый общерусский летописный свод XII века, где столь широко представлена воинская тема. Этот труд положил начало работе последующих поколений летописцев. Его создание было вызвано развитием исторического самосознания, потребностью в героизации начальных этапов истории Руси. Поэтому роль батальных описаний в «Повести временных лет» была, пожалуй, ведущей; главная их функция заключалась в письменном закреплении, прославлении подвигов предков, они должны были вдохновлять князей на героические дела, внушать им стремление сохранить все то, что создано ратным трудом их предшественников. Дидактическое начало не чуждо воинским повестям, оно усиливается, когда речь идет о трагедиях междоусобиц, выражая стремление покончить с этим злом. Летописец не поэтизирует войну. Он воспеваеет мужество воинов и находит выразительные краски для прославления подвига во славу Русской земли.

«Повесть временных лет» — памятник, обладающий разносторонним содержанием и высокой художественностью. Элементы традиционной средневековой поэ-

Воинские описания

В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

тики, ставшие затем свойством всей древнерусской литературы, ярко выразились в «Повести временных лет» и ее батальных описаниях. Примечательная особенность этой поэтики — характерная повторяемость, трафаретность отдельных частей повествования. При изображении разных военных событий с той или иной многократностью встречаются одни и те же словесные обороты, группы слов. Исследователи называют их по-разному: *традиционные формулы, воинские формулы, стилистические трафареты, устойчивые словосочетания.*

Возьмем для примера описание битвы между Ярославом и Святополком, которая происходила в 1019 году: «Приде Святополк с печенеги в силе тяжьце, и Ярослав собра множество вой, и изыде противу ему... И... поидоша противу себе, и покрыша поле Летское обои от множества вой. Бе же пяток тогда, въсходящю солнцю, и ступишася обои, бысть сеча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и ступишася трижды, яко по удолием крови тещи. К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа». В этом отрывке содержится несколько характерных устойчивых словосочетаний, часто употребляемых летописцами. Каждое из них обозначает определенную стадию боя. Выражения *собрал множество воинов, покрылось поле множеством воинов, сходились трижды; рубились, хватая друг друга за руки* служили для передачи жесточести и кровопролитности битвы. Традиционная формула *бысть сеча зла* встречается в «Повести временных лет» несколько раз, как и в других памятниках. В этой эпически сдержанной фразе древнерусский читатель видел многое. Перед его глазами вставала страшная картина рукопашного боя. Выражение *и бысть сеча зла* как бы становилось кульминацией повествования. Часто встречается смысловой эквивалент *и бысть брань люта*, а также его варианты: *и бысть сеча велика, и бысть сеча силна, и бысть брань крепка*. Как видим, традиционная воинская формула допускает известную вариантность в пределах общего смысла.

Разные жанры древней литературы обладали своим набором словосочетаний. Однако, как стало известно, существуют и такие формулы, которые проникают из одного жанра в другой. Д. С. Ля-

хачёв указал, что военные события не только в воинских повестях, но и в житиях и других жанрах могли изображаться при помощи одних и тех же выражений. То есть, сосредоточение определенной группы их в тексте обусловлено преобладанием в нем какого-то одного предмета изображения и типа героя. Словосочетания «Повести временных лет», перейдя в другие памятники, стали основой для создания новых выражений.

Некоторые устойчивые словосочетания уходят своими корнями в военную терминологию. Известно, что в Древней Руси существовала развитая система терминов: военных, юридических и других. Словосочетания *собрать вои* или *совокупить вои*, то есть «сформировать войско», *исполчить вои* или *исполчить дружину* «приготовиться к битве», *стать противу* — в значении «вступить в бой», *взломить полк* «нарушить боевой порядок противника», *оступить град* «осадить город», *взять град копьем* «взять город приступом» — могли употребляться как термины. Этими примерами не исчерпываются многочисленные емкие и очень лаконичные определения военных реалий. Частая повторяемость терминов в разговорной речи, возможно, становилась причиной их перенесения в литературу того времени. Здесь они обретали эмоциональную окраску, дополняясь живыми подробностями: «И *оступиша печенези град* в силе велице, *бещислено множество около града*, и не бе льзе из града вылести, ни вести подати; *и взяста копьем град* и *зажигоста огнем*, и бегоша людье огня».

Естественно предположить, что такие терминологические обороты, усваиваемые литературой, были понятны и необходимы прежде всего воинам, постоянно находившимся на княжеской службе. Лаконичные обозначения употреблялись в донесениях, совместных обсуждениях князем и дружиной военных походов. Однако, бытуя в узком профессиональном кругу, они все же не могли стать единственным источником устойчивых словосочетаний. Образность и меткость некоторых выражений указывает на их явно народное происхождение.

А. Н. Робинсон, исследуя стиль воинских повестей и народно-эпических сказаний, обнаружил сходство в области применения словесных формул. В том и другом ряду встречаются традиционные сравнения рати с лесом, стука оружия с небесным громом, летящих стрел с дождем и т. п. Примеры подобных словосочетаний есть и в «Повести временных лет». Так, описывая одну из трудных осад под 1097 годом, летописец замечает: «идяху стрелы акы дождь». Под 1103 годом в рассказе о битве русских князей с половцами мы читаем: «И *пойдоша полки, акы борове*, и не бе презрети их: и Русь *пойдоша противу им*», то есть: и двинулись полки (половецкие), как лес, конца им не было видно; и Русь пошла навстре-

«*яку им. Сравнение повторено в описании битвы под 1111 годом: «иноплеменницы собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции: и тмами тмы», то есть: иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. Когда же половецкие и русские полки сошлись, точно гром, раздался треск столкнувшихся рядов,— «и гресну аки гром сразившима челома».*

Таким образом, писатели Древней Руси опирались на возникшие задолго до зарождения письменности фольклорные традиции. Устное поэтическое творчество могло служить одним из главных источников устойчивых словосочетаний при описании событий военной истории Руси. Это особенно ощутимо в тех частях летописи, которые создавались вслед за героическими преданиями. Победа русского юноши-кожемяки в единоборстве с печенежским богатырем и победа князя Мстислава в поединке с касожским князем Редедей в двух летописных рассказах, 992 и 1022 годов, обозначена одними и теми же словами: «и удари им о землю». Происхождение этого выражения, без сомнения, фольклорное.

Сказывались здесь и традиции переводной, византийской литературы, повлиявшей на развитие русской письменности, в частности исторической повести. Там тоже существовали словесные формулы. Жизненность и разнообразие устойчивых словосочетаний в древнерусской литературе обусловлены двумя главными истоками — письменным и устным.

В русских летописях часто употреблялась прямая речь. «Повесть временных лет» донесла до нас превосходные ее образцы. Интереснейшая область ее использования — воссоздание книжником торжественных речей. Конечно, не все речи летописец мог воспроизвести дословно. Но основное их содержание, формулировки, пафос высказывания, его стиль передавались достоверно. Блестящие по своей отточенности и лаконизму обращения князей к дружине — неотъемлемая часть летописных рассказов о битвах. Речи Святослава, пожалуй, самые сильные, убедительные, им нет равных в «Повести временных лет». В записи 971 года приведены его слова, сказанные в критических обстоятельствах, когда дружине предстояло сразиться с многократно превосходящими силами греков: «Уже нам некамо ся дети, волею или неволею стать противу; да не посраим земле Русские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же перед вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Ободренные князем войны побеждают врага. Слова же о том, что уже некуда деться и волей или неволей надо вступать в бой, стали одной из формул воинских речей.

В летописной повести 1068 года о битве трех тысяч русских

с двенадцатью тысячами половцев в уста другого князя — Свято́слава Ярославича — вложены слова, сходные с высказыванием его доблестного предка: «Потягнем, уже нам не льзе камо ся дети». Под 971 годом приведено еще одно обращение Святослава к воинам перед битвой с греками: «Уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино» — Здесь нам умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!

Почти текстуально совпадает с ним обращение князей к войску в битве с половцами в летописной статье 1111 года: «Убо смерть нам зде, да станем крепко» — Здесь смерть нам, станем твердо. Таким образом, устойчивые словосочетания использовались летописцами при передаче высказываний князей-воинов, как и в описаниях сражений.

По особым правилам запечатлевал древнерусский книжник увиденную жизнь, излагал предания и рассказы очевидцев исторических событий. Среди многих отличительных особенностей древнерусской письменности и литературного творчества той поры отчетливо выступает непререкаемость для русского писателя традиционных основ книжного труда, закладываемых его предшественниками и учителями. Из поколения в поколение передавались приемы воплощения в слове того или иного события, идеи. У создателей же летописных сводов процесс преемственности был основой их работы. Каноничность текстов, четкое следование закрепившейся традиции, своеобразное понимание самой литературы, отсутствие представлений о личностном начале творчества, «соборное» (коллективное) авторство — эти и некоторые другие причины обуславливали общие для многих жанров средневековой письменности тенденции и закономерности в подборе и использовании изобразительных средств, в организации повествования.

Бытование формул, их переход из одного произведения в другое были связаны и с заимствованием писцами у предшествующих авторов. Слово воспринималось как символ. Во многих произведениях присутствовали элементы чужого текста, ведь при создании, например, исторического труда один летописец продолжал работу другого. В сознании древнерусского книжника понятия сочинительства, редактирования и переписывания тесно переплетались. Этим объясняется большое внимание создателя древней рукописи к трудам своих предшественников, к их приемам, и тем более приемам традиционным, устоявшимся. Однако, несмотря на строгую регламентацию, писатели старались находить возможности для индивидуального творческого решения, используя существовавшие каноны в соответствии со своими литературными замыслами, подчиняя их своим целям.

А. А. ПАУТКИН

Лексика ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ XVII в.

В Русском государстве XVII века сведения о событиях в зарубежных странах добывались различными путями: через лиц, которые посылались за границу с определенными дипломатическими целями (им вменялось в обязанность составлять по окончании поездки отчеты — «статейные списки» и сдавать их в Посольский приказ, ведавший международными связями). «Иноземцы» — торговые люди, жившие в Русском государстве и состоявшие в постоянной переписке со своими земляками, также передавали сведения о происходящем в своих странах, а переводчики Посольского приказа нередко из грамот, адресованных к ним, делали специализированные выборки — «перечневые письма». Привозили новости из-за границы и русские торговцы. Не последнее место по важности занимала информация, почерпнутая из зарубежных газет — «вестей», так как она охватывала сразу несколько стран. Предшественники печатных петровских «Ведомостей» — вести-куранты являлись в XVII веке по существу первыми русскими газетами, сближаясь с современной прессой по своей основной цели (информация), но отличаясь от нее ориентацией на узкий круг лиц (царь и приближенные бояре), непериодичностью составления и более длительным временным промежутком, отделявшим само событие

от времени передачи информации о нем. Это объяснялось нерегулярностью поступления на Русь самих печатных зарубежных изданий и огромной дистанцией в технических средствах передачи информации в XVII веке и сейчас.

Русские рукописные газеты XVII века — вести-куранты представляют в большинстве своем переводы зарубежных газет, в основном немецких. Вести-куранты с самого начала XVII столетия до 1644 год с указанием ряда немецких газет, с которых непосредственно был выполнен перевод, опубликованы Институтом русского языка АН СССР (см.: «Вести-Куранты». 1600—1639 гг.; «Вести-Куранты». 1642—1644 гг.). Венгерский языковед Л. Гальди в докладе к IV Международному конгрессу славистов в Москве в 1958 году (Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958) писал о том, что для изучения иноязычных контактов и заимствований в русском языке нужно охватить также и произведения XVII века, и в особенности многочисленные переводы той эпохи, надо «распространить исследование на ряд новых текстов, которые, как кажется, привлекались редко или не упоминались вовсе. Среди источников Смирнова [Л. Гальди имеет в виду известную работу Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». СПб., 1910] преобладают официальные тексты, но среди них нет ни Курантов XVII в., ни первых газет XVIII в.»

Проследим некоторые явления в лексике и фразеологии этих текстов. Обратим внимание на словосочетания с главным словом *поле*. Всем известно значение данного слова, не связанное с военными действиями, а именно «ровное, обширное пространство», «засеянный или возделанный под посев участок земли» (Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 3, М., 1939). В таком значении слово встречается и в вестях-курантах.

Поле — «ровное место, равнина»: «Войско свое земнымъ путем и пространными полями... учнетъ вестъ». «Город Гросглогов выгорел... а посадские и жилетские люди съ [!] женами и з детьми выбежали на поле». «Они отшетши на поле подумав пошли недалече от города в деревню... Микендорфъ».

Поле могло быть и местом охоты, «потехи»: «Думано было имъ птти на Прагу город на цесаря и ево убить в городе или на поле на потехе». Могло употребляться в значении «пашня»: «не дают [посадским людям и мужикам] хлеба пахати на поле семена отнимают и от того поле пустеет». *Поле* — «возделанный участок земли»: «[Граф Гёц] хочет около того места хлеб на поле вытолотить», «Хлебу что в поле шкоты никакие не чинить».

Поле было местом дислокации войск, расположения «таборов», «становищ» — военных лагерей с необходимыми укреплениями — «шанцами» на случай нападения противника: «Трупские (т. е. из

города Тропнау) хотят таборы учинить в поле под Гретсбургом», «И в таборах загорелось и много беды учинило и ныне ратные люди не в покрытье на поле стоят», «Готовятца на поле [к смотру] з двумя великими таборы»; «Цесареви межъ Тубинга и Роттенбурга шанцами в поле укрепляютца»; «Хочет король самъ в поле ехать да розспрашевать последнего солдата сполна ли ему платеж идет». На поле войско готовили, «устраивали» к бою: «[Шведский полководец Банер] тут на поле роты вместе свел и урядил и с полмили сквозь лес шел и дошел до поля где ему мочно полки свои на бой устроить».

В текстах вестей-курантов *поле* встречается в таких сочетаниях, в которых оно употребляется и в немецком языке. Так, словосочетание zu (ins) Feld rücken (ziehen) буквально значит «двигаться (медленно) к полю (в поле)», то есть (в переносном значении) «выступать (выступить) в поход». В вестях-курантах: *в поле выехать (идти, выйти, пойти, ехать, поехать), в поля подниматься, в поле подняться*.

«А не дивился бы ниhto на то что арццарцукъ может па И [восьми тысячах.— ВД] коней выехать в поле». «А датские ратные люди в поля поднимаютца и с цесаревыми билися» (в вестях из Гамбурга) «В Полше и в Литве рядовые ратные люди говорят для чеве король свейской в поле не идет». Существительное *поле* в данных сочетаниях выступает в необычном значении — «поход».

Немецкие словосочетания, означающие «быть в действующей армии (на фронте, на войне, в полевых условиях)» дословно передаются в вестях-курантах: *в (на) поле стоять, в поля быть*. «Да Бетлегем Габор с турскими людьми еще в поле стоит против цесаревых людей» (перевод с вестовых листов). «А короля шпанского воевода граф Берхской с своими людьми стоит в поле против князя Оранского а бою меж ими еще не бывало». «Французских людей конныхъ болши пяти тысяч человекъ стоят на поле и остерегают чтоб... запасу никакова не пропустить».

Немецкое сочетание, означающее «одержать верх над кем-либо» переведено дословно: *с поля сбить*. «Дук [герцог.— В. Д.] не Лонгвиле сошолся съ монсер де Туринно и... арцдуха Лотринского с поля збили и Лотринской покиня весь свой запас... побежал».

В сочетании *поле одолеть* можно видеть передачу одного из немецких выражений, обозначающих победу над неприятелем. Немецкие глаголы, дословным переводом которого является данное, имеют следующие значения: «владеть, господствовать»; «удерживать (за собой), отстаивать»; «выиграть, получить».

В сообщении о победе шведского войска над императорским в битве при Витштоке 24 сентября 1636 года говорится о том, что шведские ратные люди «поле одолели».

«Цесарев воевода короля датцкого ододел и король датцкой с поля прочь пошел». Сочетание *с поля пойти* однозначно с немецким выражением, означающим «отступить».

В разнообразных сочетаниях поле *выступает* в значении «сражение, битва»: *поле (по)ставить (учинить, устроить)*, *быть полю*, *просить поля*, *быть сильным в поле*. Это значение сближает его с немецким *Feld* — «поле сражения». От значения «поле сражения» недалеко до метонимического перехода к значению «сражение». «А поля не бывало опроче стравокъ», т. е. мелких стычек; «[Банер] послалъ к недругу *просить* с нимъ поля... недруг ему в томъ отказал и поля с нимъ не учинилъ а седи в осаде» и «недруг устроенного поля не дал»; «Яган Бапир противъ недругов *поле поставил*». «Добре он [князь Оранский] *силен в поле*» (вести из Гамбурга).

Значение «битва, сражение» нашло себе точку опоры в семантике самого слова в древнерусском языке. По данным словаря Срезневского, *поле* имело значение «судебный поединок, решение тяжбы битвою» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, СПб., 1895), а в картотеке Словаря русского языка XI—XVII вв. уже в одном из древнейших памятников — «Слове Ипполита об антихристе» (XII в.) находим *поле* в значении «поле боя». Исторический словарь немецкого языка братьев Гримм фиксирует уже в ранних письменных памятниках немецкого языка слово *Feld* в значении «поле сражения или битвы», указывая при этом на семантические параллели слову *поле* в славянских языках. Несомненно, что *поле* и *Feld* существовали и развивались в указанных значениях независимо одно от другого, параллельно. Но также несомненно и то, что большее богатство словосочетаний с *поле*, представленное в вестях-курантах сравнительно с картотекой Словаря русского языка XI—XVII вв., можно объяснить только одним фактором: перед нами перевод, и по всей видимости, с немецкого.

О выражениях с глаголами *пасть*, *впасть*, *упасть*. Помимо привычных для современного русского языка выражений «недругов немало пало», «шестьсот лошадей пало», «он с ратуши упал», «с неба упало огненное ядро с огненным хвостом», встречаем в вестях-курантах необычные для современного читателя сочетания с этими глаголами.

Впасть в землю: «Агличаном парядити великий карабелной караван и со французскими вместе с недруговы земли *впасти*» (перевод вестовых листов о событиях в Англии). Немецкий глагол *einfallen* означает «вторгаться, нападать, совершать нападение (о неприятеле)».

Пасть в значении «возникнуть, зародиться, появиться» находит

отклик в одном из значений немецкого глагола *fallen* «родиться (о животных)». «Межь католиков *паль* страх великой».

Пасть в значении «впадать (о реке)» имеет соответствие в немецком языке. «Городокъ Вербершанцъ где река Гавель вв [!] Елву реку падет» (в переводе с немецкого вестового письма именитого ратного человека из Витштока — города в Бранденбурге). Заметим, что глагол *пасть* продолжал употребляться в значении глагола несовершенного вида в эпоху А. С. Пушкина (Словарь языка А. С. Пушкина, т. 3, М., 1959). Опять-таки в данном случае можно говорить о параллельном развитии значений в русском и немецком языках. Значение «вторгнуться, проникнуть куда-либо», у глагола *впасть* свойственно древнерусскому языку старшей поры. Известен пример из Никоновской летописи по списку XVI века в описании событий 970 года. То, что вести-куранты — переводной текст, способствовало лишь оживлению этого параллелизма.

Засесть что-либо в значении «занять, овладеть». В вестях-курантах часто при описании военных ситуаций встречаемся с глаголом *засесть* в значении, которое отличает его от современного «усесться за какое-либо занятие, прилежно приняться за какую-либо работу; остаться где-либо, не выезжая, не выходя; спрятаться в засаде, скрытно расположиться в укрепленном месте» (см.: Словарь современного русского литературного языка, т. 4, М.-Л., 1955, стлб. 892—893). Это значение, реализуемое в сочетаниях *засесть (дороги, пути, город, землю)*, имеет параллели в немецком. «А из Польши [из Вроцлава] вести про Михаила воеводу что Михаилу воевода Молдавскую землю засел а супротивных своих наголову побил» (перевод немецкой тетради). Глагол *zasetzen* в значении «захватить кого-, что-л., завладеть чем-л.» знает и древнерусский язык.

В колодец упасть. Немецкое идиоматическое выражение означает «провалиться (о деле), рухнуть (о надеждах и т. п.)». Во фрагменте перевода новостей из Милана в вестях-курантах это выражение переводчиком передано слово в слово: «Мир весь в колодез упал а быть войне». С подобным случаем сохранения в дословном переводе немецкой поговорки мы сталкиваемся, встречая современное выражение: «Так вот где собака зарыта» (см.: Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, с. 442).

Выписать сойму. Необычное с точки зрения современного русского языка выражение *выписать сойму* (мы бы ожидали в данном случае: назначить, созвать сейм) станет понятным, если обратиться к немецкому словосочетанию, относящемуся к той же сфере государственного управления *Wahlen ausschreiben* — «назначать выборы». В вестях из Гессена читаем: «чтоб все дела строинее были и он [князь Гессенский] велел *земскую сойму выписати* и на ту сойму все х которым письмо и приехали».

Соемный день. Данное выражение — пословный перевод немецкого Bundestag «парламент союзного государства» (Bund — «союз», Tag — «съезд, день», ср. tagen — «заседать», Tagung — «съезд; заседание; сессия»). В переводе вестового печатного письма из Гамбурга читаем: «а цесарь де пришел в Ведну и оттоле писал в Прагу быть соемному дни».

Приведенные слова и выражения показывают, что то, что на первый взгляд кажется заимствованием (кроме дословного перевода) на самом деле является результатом параллельного развития явлений в разных языках.

В. Г. ДЕМЬЯНОВ

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ВЫДАТЬ (С) ГОЛОВОЙ

А. И. Карасев (Московская обл., пос. Фряново) спрашивает: «Как правильно говорить и писать: *выдать себя с головой* или *выдать головой?*»

Сама постановка вопроса неверна по существу, так как речь идет о двух разных по значению выражениях. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1967) *выдать себя с головой* толкуется так: «Обнаруживать свою причастность, касательство к чему-либо своими поступками, словами и т. п.»; *выдать головой* приводится с пометой *устар.* и объясняется: «Отдавать на расправу кому-либо; предавать».

Эд. Вартамян в книге «Из жизни слов» (1963), на которую ссылается автор письма, возражает против употребления фразеологизма *выдать с головой*. Он пишет: «Выраже-

ние „отдавать, выдавать головой“ (неправильно: „выдать с головой“) употребляется сейчас в смысле: проговориться, выдать чужую тайну и тем навлечь на человека беду, неприятность». Это категорическое «неправильно» и смутило А. И. Карасева. Затрудняет нашего читателя и то обстоятельство, что фразеологизмы похожи по звучанию и по составу компонентов: у них общие глагол *выдать* и существительное в творительном падеже *головой*. Однако смысл фразеологизма, как известно, не вытекает из буквального значения его компонентов. *Съесть собаку*, например, имеет значение «приобрести большой опыт», *подливать масло в огонь* — «обострять отношения».

Большой знаток русских пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений С. Максимов связывал фразеологизм

выдать головой «отдать на расправу кому-нибудь, предать» с известным еще в XII веке обычаем, «когда с князя за вину бралась волость, а прочих людей отдавали головой, причем последняя выражала понятие о личности. Отданный головой за долг поступал к землевладельцу с женою и детьми в полное рабство...» (С. Максимов. Крылатые слова). С таким значением фразеологизм употреблялся в письменных памятниках и литературе Древней Руси: «И призвавъ царь Ногой Темира князя и татарь, и рече ему: иди съ татары сими на князя Олга, и княжение его пусто сътвори, а бояр его выдай головою Ахмату баскаку, да что хочеть надъ ними сътворитъ» (Никоновская летопись, X в.); «И выдал Лещу с товарищами Ерша щетину головою» (Повесть о Ерше Ершовиче).

В дальнейшем фразеологизм *выдать головой* стал реже встречаться в речи. В процессе функционирования он переосмыслился и стал выступать в значении «предавать». Примеры такого употребления встречаются в художественной литературе, например, у Мамина-Сибиряка в «Разбойниках»: «Нет, брат, шалишь! Заморю постоем, пока не выдадут Савку головой».

В. И. Ленин использует его в социально заостренном публицистическом тексте: «Другими словами: кадеты головой

выдавали мужика помещику...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 12).

Фразеологизм *выдать себя с головой* широко употребляется в наше время в устной и письменной речи. Образовался он на основе одного из значений глагола *выдать* (обнаружить свою причастность, допустить оплошность) и предложного словосочетания с *головой* (целиком, целиком, без остатка).

Употребление его, как правило, предполагает указание на того, о ком идет речь. Поэтому в составе оборота обычно есть прямое дополнение, выраженное местоимением: *себя, его, ее, их* или собственным именем.

Вот примеры использования этого фразеологизма в художественной литературе и публицистике: «Измена командира была ясной. Сердьяк и багровея, он с головой выдавал себя» (А. Н. Толстой. Хлеб); «Вылазка ваша против „шаблона“ великой французской революции выдает вас с головой» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 240).

Таким образом, *выдать головой* и *выдать (себя) с головой* — два самостоятельных фразеологизма. Первый стал в наше время историзмом, а второй широко употребляется в языке художественной литературы, в публицистике, в разговорной речи.

Л. А. Морозова

ЯЗЫК НАШЕГО ЕДИНСТВА

Есть легенда о том, что в древние времена люди не смогли построить вавилонскую башню лишь потому, что не сумели объединиться, не понимали друг друга, так как говорили они на разных языках. Все у них было: и желание, и физическая сила, и материал для строительства, но не было единого доступного и понятного всем языка межнационального общения.

Стройки нашей эпохи грандиознее вавилонской башни. Мощные гидроэлектростанции в Сибири и Средней Азии, освоение целины, отдельные совхозы и колхозы, которые по территории равны некоторым европейским государствам, таким, как Люксембург или Монако, грандиозные заводы, как КамАЗ, новые города и многое-многое другое доступно сегодня советскому человеку.

Все по плечу советскому народу не только и даже не столько потому, что он обладает необходимой материально-технической базой, а главным образом потому, что он спаян и един своей идеологией, своими помыслами, стремлениями, языком межнационального общения — русским языком, понятным и близким узбеку и чукче, украинцу и калмыку.

«Язык нашего единства и сотрудничества» — так назвал свое новое произведение последовательный поборник и неустанный пропагандист русского языка, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Во вводной части своей работы Ш. Р. Рашидов дает убедительный обзор основных этапов, пройденных совет-

ским народом за шесть десятилетий постоянного подвига и дерзаний под руководством славной Коммунистической партии Советского Союза — признанного авангарда мирового коммунистического движения.

Подчеркивая мысль о том, что интернационализм является краеугольным камнем нашего общества, Ш. Р. Рашидов совершенно правильно приводит выдержку из книги Л. И. Брежнева «Целина»: «Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации». Яркий пример тому и целина Казахстана, и героическое освоение Голодной степи, и строительство БАМа и нынешнее Нечерноземье, где плечом к плечу трудятся представители разных республик.

Что сплачивает этих людей, что помогает им быть вместе в преодолении трудностей? Многое. И далеко не последнее место занимает здесь язык, понятный всем язык русского народа. Благодаря русскому языку люди дружно работают, вместе отдыхают, обмениваются духовными ценностями, произведения литературы одного народа становятся достоянием другого, а это, безусловно, способствует лучшему взаимопониманию людей нового общества.

В произведении Ш. Р. Рашидова дается четкая формулировка языка как универсального средства человеческого общения, научного и художественного мышления, а в отношении конкретно русского языка проводится обширный исторический экскурс. Автор знакомит нас с высказываниями о русском языке К. Маркса, Ф. Энгельса, таких мастеров художественного слова, как Горький, Хамза, Паустовский и другие. В этом разделе удачно сконцентрировано практически все то основное, что было высказано о русском языке лучшими умами человечества.

Обычно, говоря о прогрессивных деятелях узбекской дореволюционной культуры, мы нередко ограничиваемся именами Мукими и Фурката. Подчеркивая их выдающееся значение в истории развития узбекской литературы, Ш. Р. Рашидов вместе с тем расширяет круг прогрессивно мыслящих в ту эпоху деятелей, называя имена Саттархана и Исхахана — лучших писателей и просветителей XIX века, которые понимали, что обособленность не способствует развитию национальной культуры. Автор приводит сказанные в 1912 году слова Исхахана о том, что «Первейшая необходимость для нас, туркестанцев — это русский язык».

Наиболее подробно автор останавливается на ленинском наследии, раскрывая перед читателем всю глубину ленинской мысли о языке вообще и русском языке в особенности. Справедливо называя русский язык великим и могучим, В. И. Ленин предостерегал от попыток заставить другие народы изучать его из-под палки, насильственно.

Ш. Р. Рашидов убедительно раскрывает ленинскую концепцию о закономерности превращения русского языка в средство межнационального общения народов Советского Союза. Он приводит названные В. И. Лениным четыре решающих фактора, которые обуславливают появление и распространение языка межнационального общения, а именно: потребности экономического оборота, язык большинства, добровольность принятия данного языка в качестве языка межнационального общения, последовательный демократизм.

Ныне сбылись слова Алексея Толстого, утверждавшего, что русский язык должен стать мировым языком. Он признан одним из шести мировых языков Организации Объединенных Наций. В Советском Союзе русский язык давно стал языком межнационального общения. Практически все население Советского Союза, все нации, народы, народности и этнические группы, населяющие необъятную территорию нашей страны, свободно говорят по-русски.

Но это, как показывает Ш. Р. Рашидов, ни в коей мере не умаляет роли и значения национальных языков, наоборот, более сорока народов и народностей, не имевших до революции своей письменности, ныне обрели ее. На национальных языках народов СССР создаются ныне выдающиеся произведения, которые благодаря переводу на русский язык становятся достоянием всей страны, а нередко и всего мира.

Изучение русского языка народами Советского Союза не отодвинуло на второй план их родные языки, напротив, всемерно способствовало решительному обогащению национальных языков, литератур и культур. Благодаря знанию русского языка представители культур национальных республик сумели перевести на родной язык через посредство русского шедевры мировой литературы. Роль русского языка как посредника здесь невозможно переоценить.

Известно, что буржуазные идеологи пытаются представить дело так, что в Советском Союзе все подвергаются русификации, говорят о какой-то «денационализации»

и т. п. Ш. Р. Рашидов дает решительный отпор подобным измышлениям, подчеркивая, что едипство советского народа — это не растворение отдельных наций и народностей, а свободное развитие свободных народов, добровольно объединившихся в единый Союз, сплоченный всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма.

«Коммунизм опирается на все лучшее, что создано человечеством за многие века его истории в материальном и духовном развитии», — пишет Ш. Р. Рашидов. И поэтому вполне закономерно, отмечает автор, неразрывная связь коммунизма, научно-технического прогресса и русского слова. Конкретными примерами автор подтверждает свои мысли, еще раз доказывая, что язык превращается в материальную силу.

Знание русского языка — большое достояние, изучение его — актуальнейшая проблема, стоящая перед советскими людьми вообще и перед Узбекистаном в частности. Учитывая важность и неотложность этой задачи, партийная организация Узбекистана придает большое значение успешному решению вопросов изучения и преподавания русского языка. Не случайно Ташкент был местом проведения четырех из пяти всесоюзных конференций по изучению русского языка. Последняя такая конференция также состоялась в Ташкенте в мае 1979 года.

В заключительном разделе своего произведения Ш. Р. Рашидов говорит о той огромной работе, которая проводится по улучшению преподавания русского языка в республике. Русский язык в Узбекистане изучается наряду с родным языком уже в дошкольных учреждениях, сотни школ ведут занятия с углубленным изучением русского языка, имеется специальный Институт русского языка и литературы, тысячи узбекских юношей и девушек обучаются русскому языку в вузах России и Украины.

Многое делается в республике, но предстоит сделать еще больше, и на это нацеливает читателя новая работа Ш. Р. Рашидова. «Русский язык — один из самых могучих мировых языков — имеет великую историческую перспективу. Он открывает дорогу в будущее науки, техники и культуры, и каждый, кто хочет идти по этой дороге, видит в русском языке свою опору, верного друга и наставника», — так заканчивается новая книга Ш. Р. Рашидова о могучем языке старшего из народов-братьев Советского Союза.

МУРАТ ХАМРАЕВ

К 120-летию
со дня рождения

**Александр
Иванович
ТОМСОН**
1860—1935

Известный русский языковед и педагог Александр Иванович Томсон принадлежит к числу тех ученых, заслуги которых перед наукой незабвенны. Он родился в июне 1860 года в семье лесничего в Псковской губернии.

В 1882 году А. И. Томсон закончил индоиранское отделение Петербургского университета и переехал в Москву, где продолжал образование. Участвуя в кружке, возглавляемом академиками Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем, он совершенствовал знания в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Вернувшись в Петербург (в 1886 г.), А. И. Томсон читает в университете курс сравнительного языкознания, в 1887 г. защищает магистерскую диссертацию «Лингвистические исследования», а в 1892 году при Московском университете — докторскую «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса». Эти исследования ученого имели большое общетеоретическое значение для сравнительно-исторического изучения других индоевропейских языков. Начиная с 1897 года вся деятельность ученого связана с Одесским (бывшим Новороссийским) университетом: А. И. Томсон был профессором кафедры сравнительного языковедения и санскрита. В 1910 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук.

Особенно значительны работы А. И. Томсона в области общего языкознания, фонетики, морфологии и синтаксиса падежей, а также по теории орфографии. На основе лекций, прочитанных им в Одесском университете и на Высших женских курсах, он написал книгу «Общее языковедение» (первое издание — 1906, вто-

рое — 1910). Это была первая в России книга по общему языкознанию, в доступной форме излагавшая содержание, методы и достижения этой науки. Ее появление горячо приветствовали коллеги. И еще долгое время она была единственным учебником (и при этом высоко научным) по общему языкознанию.

Почти половину объема книги занимает фонетика, которая была излюбленным предметом научных занятий и интересов А. И. Томсона. Ученый одним из первых в дореволюционной России организовал при Одесском университете кабинет экспериментальной фонетики. Особое внимание А. И. Томсон уделял акустическим свойствам звуков речи наряду с физиологическими. Сейчас это естественно, тогда было необычно, так как в фонетических работах его современников преобладало изучение физиологической стороны речи. В книге «Фонетические этюды» он писал: «Между тем звуки речи, как и всякие другие звуки, прежде всего, явление акустическое и поэтому должны изучаться не только в условиях их образования, но и действия их на наш слуховой орган».

Несмотря на то, что специальная аппаратура, которой мог в то время пользоваться А. И. Томсон, была крайне несовершенна, успехи ученого в изучении акустики речи значительны. Нельзя не отметить при этом, что большим помощником ему был его собственный необыкновенный слух. А. И. Томсон слышал то, что значительно позднее смогли «услышать» только точные приборы. Так, в частности, на осциллограммах отчетливо видно, что русский звук *ы*, подобно дифтонгу, к концу своего звучания переходит в *и*. Один из разделов в «Фонетических этюдах» А. И. Томсона так и назывался: «Дифтонг *ы* в русском и старославянском языках». Этот раздел в свое время вызвал большой интерес.

А. И. Томсон смог слышать также гласные после конечных согласных и написал об этом статью «Исчезли ли конечные звуки *ь* и *ъ* в русском языке». В древнерусском языке существовали так называемые редуцированные гласные (неполного образования), которые либо исчезли (в «слабом» положении), либо проявились в гласные полного образования (в «сильном» положении). Например, слово *сон* в древнерусском языке звучало как *сьнъ* с двумя редуцированными гласными. Конечный гласный *ъ* был в слабом положении и исчез, а предшествующий — в сильном, проявился в *о*. И хотя конечные редуцированные звуки *ъ* (после твердых согласных) и *ь* (после мягких) действительно исчезли, Томсон все же слышал гласные на их месте. И не был неправ. Современные спектрограммы конечных согласных подтверждают это.

В области грамматики А. И. Томсона интересовали вопросы

возникновения и развития форм родительного и винительного падежей. Рассматривая в основном славянские языки, прежде всего русский, он привлекает для сопоставления балтийские, германские, армянский, иранские языки.

Последние десятилетия нашего века богаты работами, посвященными употреблению родительного и винительного падежей в отрицательных конструкциях, признанию того, что винительный падеж в них при определенных условиях нормативен. Но мы не должны забывать, что здесь первое смелое слово принадлежит А. И. Томсону. Долгое время в русском языке действовало правило М. В. Ломоносова о том, что при отрицании винительный падеж прямого дополнения заменяется родительным: «Когда ж пред ним присовокупляется отрицательная частица *не*, винительный падеж обращается в родительный: *не давай воли языку в пиrowании*» (Российская грамматика. 1755, § 502).

А. И. Томсон писал: «Как бы то ни было..., винительный падеж при отрицаемом глаголе существует в русском языке без всякого сомнения. С этим фактом нужно считаться, и наука не может обходить его молчанием». На богатом сопоставительном материале А. И. Томсон показал типы конструкций, в которых появляется винительный падеж в отрицательных предложениях. Очень важен также вывод ученого о том, что винительный падеж здесь унаследован русским языком исторически.

Не потеряли своего значения и по сей день орфографические работы Томсона. Наиболее значительна из них — «К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания» (Одесса, 1903). Эта работа была написана как отклик на появившиеся проекты упрощения русской орфографии, но она представляет собой значительную веху в истории развития орфографических идей. Последовательно и убедительно критикует А. И. Томсон предложения перейти на фонетическое письмо, показывая, что для русского письма целесообразно писать, соблюдая графическое единство морфем (частей слова). И он был защитником важного принципа: к новому правописанию нужно переходить лишь в том случае, «если старое безусловно негодно, а новое выдерживает всякую критику».

Вопросы изучения русского языка в трудах А. И. Томсона занимают особое место. Ученый считал, что русский язык «является одним из основных предметов среднего образования», и надеялся, что он «завоюет себе должное в научном отношении положение». Эти надежды ученого осуществились: изучение русского языка в нашей стране стало предметом всеобщей заботы и внимания.

В. Ф. ИВАНОВА
Ленинград

К 90-летию
со дня рождения

**Иван
Григорьевич
ГОЛАНОВ**
1890—1967

Известный ученый-языковед и педагог, профессор И. Г. Голанов родился 29 апреля 1890 года. Сын тульского крестьянина, он стал одним из ведущих специалистов в области языкознания и замечательным воспитателем будущих учителей русского языка. Возникший еще в детстве интерес к русскому слову И. Г. Голанов пронес через всю жизнь. Высшее филологическое образование он получил в Московском университете, который окончил в 1912 году с дипломом первой степени. В 1913—1914 учебном году Иван Григорьевич был командирован в Петербургский университет, чтобы специализироваться в области русистики под руководством одного из самых замечательных ученых и педагогов того времени — академика А. А. Шахматова.

Начало педагогической деятельности И. Г. Голанова совпало с Великим Октябрем. В 1917 году он сдает магистерский экзамен при Московском университете и с весны 1918 года начинает работать в качестве приват-доцента, а в 1924 году его утверждают в звании профессора. К этому времени имя ученого уже было известно среди лингвистов.

Научную деятельность он начал как диалектолог; в 1914 году стал одним из членов Московской диалектологической комиссии при Отделении русского языка и словесности Академии наук. В это время И. Г. Голанов публикует результаты диалектологических наблюдений, начатых им еще в девяностых годах, а также две статьи «Заметка о говоре некоторых селений Брянского уезда Орловской губернии» и «О диссимилативном аканье». Вторая статья явилась открытием в области диалектологии и выдвинула молодого ученого в число видных русских языковедов. И. Г. Голанов работает под руководством Дмитрия Николаевича Ушакова,

являясь одним из ближайших его учеников и помощников, выполняет обязанности ученого секретаря и хранителя материалов комиссии, редактирует вместе с Д. Н. Ушаковым выпуски ее трудов.

Иван Григорьевич продолжает изучать говоры Орловской, Курской, Могилевской, Тульской, Тверской, Ярославской и других губерний, выступая с докладами и отчетами на заседаниях комиссии, которая в то время была крупным научным центром, воспитавшим немало замечательных лингвистов. Затем был опубликован еще ряд статей по диалектологии: «Заметка о говоре Чериковского уезда Могилевской губернии», «Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья», «Марбургская школа немецких диалектологов». Занятия диалектологией обогатили И. Г. Голанова знанием разнообразных фактов живой русской речи. Интерес и любовь к изучению народных говоров он сумел передать ученикам, продолжающим дело своего учителя в этой области.

Но интересы И. Г. Голанова не ограничивались диалектологией русского языка. Диапазон его знаний был необычайно широк — от вопросов общего языкознания и истории русского языка до современного состояния в его различных аспектах: фонетика, орфоэпия, словообразование, морфология.

И. Г. Голанов работал во многих вузах нашей страны, но большую часть жизни (1944—1967) отдал одному из крупнейших педагогических институтов — МГПИ имени В. И. Ленина (сначала был профессором кафедры русского языка, а с 1951 по 1967 год — ее бессменным заведующим). Многие годы И. Г. Голанов читал лекции по современному русскому языку, одновременно работая над созданием учебника и учебных пособий для студентов по этому курсу. Его лекции, насыщенные огромным количеством примеров, иногда только что извлеченных из новой книги или газетной статьи, помогали понять языковое явление, учили рассматривать любой вопрос всесторонне, видеть и чувствовать красоту русского языка.

Период работы в МГПИ имени В. И. Ленина был особенно плодотворным и в научной деятельности Ивана Григорьевича. В эти годы ученым подготовлено пособие для студентов-заочников «Современный русский язык. Морфология» (вып. I—II. М., 1956, 1957). А его известная книга «Морфология современного русского языка» (выпущенная тремя изданиями — 1962, 1965, 1967) не потеряла своего значения и до настоящего времени. Она написана на высоком научно-теоретическом уровне, прекрасным литературным языком. Основные факты морфологии современного русского литературного языка освещаются здесь в связи с главными

тенденциями их развития и часто сопровождаются историческими комментариями.

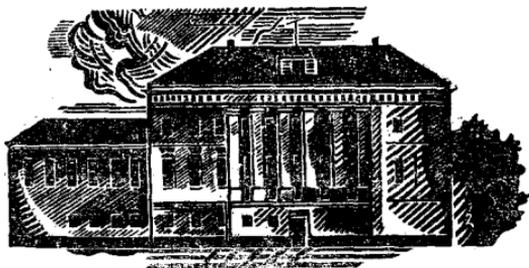
Особое место в научных исследованиях ученого занимали работы о глагольных категориях — наклонении и времени, а также по орфоэпии. Статьи и учебные пособия, общие и специальные курсы, которые читал профессор, отличались глубиной научного анализа. Даже сложные разделы курса он умел преподносить доходчиво и аргументированно. Сама манера чтения лекций И. Г. Голанова являлась для будущего учителя образцом изложения материала.

Еще в 20-е годы у Ивана Григорьевича установились тесные связи с учителями. Он читал тогда лекции для них в различных уголках страны — в Горьком, Курске, Гомеле, Коврове, Новозыбкове и др. В годы работы в МГПИ имени В. И. Ленина эти связи еще больше окрепли. И. Г. Голанов регулярно выступал с лекциями в Московском институте усовершенствования учителей и привлекал к этому своих учеников — начинающих научных работников. Он считал, что контакты с учителями — лучшая школа для каждого ученого, работающего в педагогическом вузе. Под его руководством и при непосредственном участии составлялись программы по русскому языку для школ и педагогических институтов.

Все учившиеся в те годы в МГПИ прошли школу этого замечательного ученого и человека, внимательного и доброжелательного к людям, очень скромного и требовательного к себе. Иван Григорьевич принадлежал к педагогам, которые не любят заниматься нравоучениями и наставлениями, а воспитывают личным примером, своим отношением к делу. И. Г. Голанов подготовил большой отряд ученых, ныне работающих в разных концах страны — в Белоруссии и на Кавказе, в Якутии и Хакасии, во многих городах центральной России и Сибири. Иван Григорьевич никогда не терял из виду своих воспитанников, знал и помнил каждого из них, следил за научным ростом, радовался успехам и огорчался при неудачах. Ученый вел и большую общественную работу: был членом различных комиссий при Министерстве просвещения РСФСР и Министерстве высшего образования СССР.

Иван Григорьевич привлекал к себе людей огромной эрудицией и разносторонней образованностью. Все знавшие И. Г. Голанова хранят о нем память как о талантливом педагоге и руководителе, неутомимом исследователе и активном деятеле народного образования, о замечательном человеке, жизнь которого является примером принципиального и бескорыстного служения науке.

Л. В. НИКОЛЕНКО, И. Д. САМОЙЛОВА, М. А. САМОЙЛОВА

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Около тридцати книг — словари, учебные пособия, научные монографии, сборники статей — были опубликованы учеными Института в 1979 году. Большинство из них вышли в издательстве «Наука».

Ценным справочным пособием, способствующим распространению научных знаний о русском языке, является однотомная энциклопедия «Русский язык» (главный редактор чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин), вышедшая в издательстве «Советская энциклопедия». Книга включает более 600 статей, расположенных в алфавитном порядке. В ее подготовке активно участвовали многие сотрудники Института (подробнее о ней рассказывалось на страницах журнала «Русская речь», 1979, № 3, а также см. в этом номере).

Некоторые результаты исследовательской работы, которую ведет созданный в Институте сектор «Словаря языка В. И. Ленина», отражены в статьях вышедшего в свет сборника «Слово в языке произведений В. И. Ленина» (редакторы В. Н. Хохлачева и А. И. Горшков). В книге анализируются различные пласты лексики и фразеологии произведений В. И. Ленина, особенности их стилистического употребления (см. подробнее в этом номере).

Новыми словарными выпусками пополнился комплекс подготавливаемых в Институте капитальных лексикографических трудов.

Опубликован 6-й выпуск (*e—*golva) «Этимологического словаря славянских языков (Праславянский лексический фонд)» под редакцией чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Научные разыскания в области этимологии отражены также в статьях очередного тома ежегодника «Этимология. 1977» (отв. редактор О. Н. Трубачев). В сборнике разработан ряд конкретных этимологий славянской и

индоевропейской лексики, продолжается публикация словаря славянских названий рыб.

Вышел в свет 6-й выпуск (*зипунь—иянуарий*) «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (главный редактор чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударов, редактор Г. А. Богатова). Словарь является необходимым справочным пособием при чтении древнерусских текстов различных жанров.

Самым полным диалектным словарем будет публикуемый «Словарь русских народных говоров» (главный редактор чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сороколетов). Словарь объединяет материалы, накопленные собирателями диалектной лексики более чем за 150 лет и рассеянные по разным источникам. Издан 15-й выпуск этого словаря (*кортусы — куделюшки*).

Изучению диалектных материалов посвящен также ряд других работ Института. Издан очередной том ежегодника «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977» (отв. редактор чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов), где рассматриваются история и современное состояние диалектов, проблемы славянской лингвистической географии. Очередной том сборника «Диалектная лексика. 1977» (редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов) содержит работы по вопросам русской диалектной лексикологии и словообразования. В монографии Т. С. Коготковой «Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы)» особое внимание уделяется отношениям между словарным составом литературного языка и народных говоров.

Важное место в работе Института отводится задачам повышения речевой культуры. Издательством «Русский язык» выпущено 16-е издание «Орфографического словаря русского языка» (редакторы С. Г. Бархударов, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцов). Издаваемую Институтом серию работ под названием «Вопросы культуры русской речи» пополнил сборник статей «Современная русская пунктуация» (редколлегия: В. А. Ицкович, Л. И. Скворцов, Б. С. Шварцкопф). В нем рассматриваются вопросы теории русской пунктуации, функции знаков препинания, функционирование русской пунктуации в современной печати и в языке художественной литературы.

Ряд работ посвящен вопросам фонетического и грамматического строя русского языка. Семантика производных слов, их членность, приемы их организации (словообразовательные типы, ряды, гнезда) исследуются в книге Е. Л. Гинзбурга «Словообразование и синтаксис». Структура текстов разных типов и функционирование в тексте различных языковых средств описываются в статьях сборника «Синтаксис текста» (отв. редактор Г. А. Золотова). Общие и специальные вопросы фонетики и фонологии рассмотрены в

работах сборника «Звуковой строй языка» (отв. редактор Р. И. Аванесов). Показу основных тенденций в развитии русского ударения и становления его норм посвящена книга В. Л. Воронцовой «Русское литературное ударение XVIII—XX вв. Формы словоизменения». Опыт словарной работы обобщается в статьях сборников «Современная русская лексикография. 1977» (редакторы А. М. Бабкин, В. Н. Сергеев) и «Вопросы практической лексикографии» (редактор Р. П. Рогожникова).

Несколько изданных работ Института посвящены изучению языка художественной литературы, языка наиболее выдающихся мастеров слова, проблемам стилистики: «Язык Л. Н. Толстого» (учебное пособие по курсу русского литературного языка, редактор А. Н. Кожин, издательство «Высшая школа»); Е. А. Иванчикова «Синтаксис художественной прозы Достоевского». Образные средства Ш. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, К. А. Федина, А. Н. Толстого и других выдающихся писателей характеризуются в статьях сборника «Очерки по стилистике художественной речи» (отв. редактор А. Н. Кожин). Особенности поэтического языка в его отношениях с литературным языком и языком художественной литературы анализируются в книге В. П. Григорьева «Поэтика слова (на материале русской советской поэзии)». В сборнике «Лингвистика и поэтика» (отв. редактор В. П. Григорьев) представлены две группы исследований: о структуре современного русского языка и о языке художественной литературы.

Из научных работ историко-лингвистического характера отметим прежде всего книгу «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение» (главный редактор акад. В. И. Борковский, редактор тома В. Ф. Харпалева). Это вторая часть коллективного труда по историческому синтаксису (первая вышла в 1978 году и была посвящена простому предложению). На основе материала памятников письменности XI—XVII веков различных жанров в книге показаны структура и изменения в системе сложного предложения, охарактеризованы типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, бессоюзных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными, прямой и косвенной речи.

В ряду исследований по лингвистическому источниковедению появился новый сборник — «Памятники русского языка. Исследования и публикации» (редакторы В. С. Гольшенико, А. И. Сумкина). В его статьях раскрывается лингвистическое значение памятников восточнославянской письменности XII—XVIII вв. как источников для истории языка, сообщаются сведения по языку, палеографии, графике и орфографии этих памятников, публикуются ранее не издававшиеся тексты.

Для самого широкого читателя предназначены две изданные сотрудниками Института книги научно-популярного характера. Учащимся старших классов средней школы адресована книга В. Н. Сергеева «Новые значения старых слов» (издательство «Просвещение», серия «Мир знаний»). Автор рассказывает о языковых и социальных причинах появления новых значений у старых слов. В серии научно-популярной литературы издательства «Наука» вышла книга Е. Н. Этерлей и О. Д. Кузнецовой «Неизвестное в известном (рассказы о словах)», в которую входит ряд очерков из истории русских слов и выражений.

В специализированном совете Института защищена диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук О. Г. Пороховой на тему «Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и говорах». Автор впервые исследует совершенно не изученную проблему — особенности функционирования старославянской по происхождению лексики (с неполногласием) в русских диалектах по сравнению с литературным языком. При этом выявлены неодинаковые тенденции, характеризующие употребление лексики указанных типов в литературном языке и в народных говорах.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Г. П. Петряков из Рязани спрашивает: «Какое название спортсмена является правильным: *каратист* или *каратэист*? В декабре 1979 года газета «Комсомольская правда» рекомендовала форму *каратэист*».

Следует говорить и писать *каратист*. Подробно об этом будет рассказано в 4-м номере «Русской речи» за 1980 год.

И. С. Смирнова из Куйбышева спрашивает: «Что означает слово *баррель*, встречаемое мной в газетных материалах, посвященных добыче и повышению цен на нефть в западных странах?».

Словом баррель (от англ. barrel, буквально — бочка) называется единица вместимости и объема сыпучих веществ и жидкостей в США, Великобритании и других странах, использующих английскую систему мер. Английский баррель для сыпучих веществ равен 163,65 л., в США — 115,6 л., нефтяной баррель США — 159 л.

ОЛИМПИЙСКИЕ
АРЕНЫ
МОСКВЫ

Так называется один из важных объектов любой современной Олимпиады, где живут спортсмены — участники Олимпийских игр.

Само наименование *Олимпийская деревня* явилось семантической калькой, то есть смысловым переводом английского сочетания Olympic village, которое было названием поселка участников X Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1932 году (поселок состоял из небольших коттеджей, расположенных по кругу). Именно в 1932 году сочетание *Олимпийская деревня* пришло в русский язык. На русской почве английское village было переведено словом *деревня*, а не *поселок*, потому что в 30-е годы слово поселок еще не получило такого распространения, какое имеет сейчас.

Само же слово *деревня* известно в русском языке с давних пор. Сейчас, когда мы слышим его, то представляем себе небольшое поселение, состоящее из нескольких одноэтажных сельских домиков. А в XV веке деревней в русском языке называлась одинокая постройка в лесу на клочке расчищенной под пашню земли или сам участок такой земли.

Такая деревня, как правило, принадлежала одному хозяину: тому, кто раскорчевал лес. От него пошло и все последующее ее

население. Вот почему жители некоторых русских деревень имеют одну фамилию, например: Смирновы, Яковлевы, Зуевы и т. д. Слово *деревня* живет в русском языке и до сих пор, но то, что оно обозначает, сильно изменилось, особенно это проявляется в понятии *олимпийская деревня*, которое не содержит в себе ничего «деревенского».

Олимпийская деревня Олимпиады-80 представляет собой комплекс шестнадцатизэтажных зданий, оборудованных по последнему слову техники. Она находится в живописном районе на юго-западе Москвы — в конце Мичуринского проспекта, на месте бывшего сельца Никольского, рядом с местом, где располагалась старинная деревня Раменки.

Название *Мичуринский проспект* появилось совсем недавно — в 1956 году. Им увековечена память о выдающемся русском ученом-агрономе и садоводе-селекционере И. В. Мичурине, который вывел более 300 новых сортов плодово-ягодных растений. Проспект расположен в районе Московского университета на Ленинских горах — вдоль ботанического сада МГУ. Здесь названия многих улиц связаны с именами выдающихся ученых, создателей русской науки: *Ломоносовский проспект, ул. Лебедева, ул. Менделеевская* и др.

Сельцо *Никольское*, на месте которого находится Олимпийская деревня, называлось так потому, что в нем была часовня, поставленная в честь святого Николы. Надо отметить, что в Центральной России и, в частности, в Подмосковье, села и деревни с наименованием *Никольское* встречаются довольно часто (по названию Никольской церкви или часовни). Аналогичные названия населенных пунктов могли образовываться от светской формы имени Никола — Николай: *Николаевка, Николаевское, Николаев* и т. п.

Наименование деревни *Раменки* происходит от старорусских слов *рамень, раменки*, которые означали «участок или полоса леса, окруженные полями; еловый лес». Эти слова встречаются в памятниках письменности Подмосковья уже в XVI веке. «Да поверстного лѣсу рамени и бору... въ длину на версту...»; «лѣсу пашенного 4 дес. да непашенного раменя 5 дес.» (Писцовые книги Московского государства).

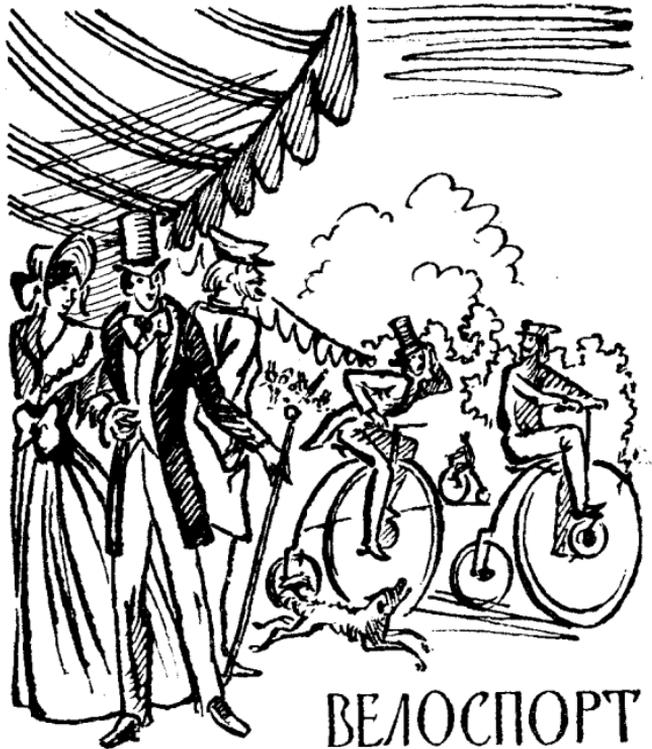
В Подмосковье известны наименования г. *Раменское* (районный центр Московской обл.), с. *Раменье* (Дмитровский р-н), д. *Раменки* (Егорьевский р-н). Название интересующей нас деревни Раменки сохранилось в настоящее время в наименовании улиц, расположенных на ее месте: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я улицы Раменки.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ, М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Рисунок В. Комарова

ОЛИМПИЙСКИЕ
ВИДЫ СПОРТА

ВЕЛОСПОРТ

Первый в истории двухколесный велосипед был сделан талантливым уральским крестьянином Ефимом Артамоновым в 1800—1801 годах. Его железный *самокат* весил 40 кг, переднее колесо, снабженное шатунами и педалями, было значительно больше заднего.

Это изобретение в то время постигла участь многих других творений русских умельцев — о нем забыли.

В 70-х годах прошлого столетия в России начали появляться велосипеды западноевропейского происхождения. Из французского языка были заимствованы слова *velociped*, *velocipedист* (лат. *velox*, *velocis* — быстрый, *pes*, *pedis* — нога), *бицикл*, *циклист* (греч. *kuklos* — колесо, круг). Надо сказать, что двухколесные велосипеды того времени, сделанные из дерева, были далеко небезопасны для езды. Педали прикреплялись к огромному переднему колесу, второе же колесико создавало лишь видимость устойчивости. Народ называл эти машины *пауками*. В 70—80-х годах «паука» вытеснил велосипед с колесами одинакового диаметра и с цепной передачей на заднее колесо.

В это время растет число кружков и обществ любителей велосипедной езды, начинают издаваться журналы «Велосипедист», «Циклист», «Велосипедист и Речной яхт-клуб», «Самокат» и другие.

Первые велосипедные соревнования в России были проведены в 1883 году на Московском ипподроме. В 1891 году на новом цементном велотреке в Москве состоялось соревнование за звание «Первого ездока России», а спустя четыре года была проведена международная гонка Петербург — Москва.

Следует отметить, что до конца прошлого века наименования спортсменов *циклист* и *велосипедист* выступали в качестве равноправных синонимов. Приведем для примера две выдержки из журналов тех лет: «Собрание шахматистов будет проводиться по средам и субботам в новом Обществе Велосипедистов» («Шашечница», № 1, 1891); «Два лучших ездока все время конкурировали между собой и в результате все-таки всеми было признано преимущество за русским циклистом» («Велосипедист и Речной яхт-клуб», № 27, 1892).

Велосипедными гонками увлеклись не только мужчины, но и женщины. Через пять лет после первого мужского состязания на Московском ипподроме состоялся «дамский заезд», после чего женские соревнования стали проводиться регулярно. Участницы их именовались *циклистками* и *велосипедистками*. Например: «Затем многие разъехались, оставшиеся же совершили две загородные поездки, в которых принимали участие многие дамы-циклистки» («Велосипедист и Речной яхт-клуб», № 20, 1892); «В Брюсселе, Вене, Париже, Стокгольме и всей Финляндии велосипедистки составляют чуть ли не 70% всего числа катающихся» («Спорт», № 1, 1897).

В конце XIX века в русском языке прочно утвердилось название *велосипедист (-ка)*. *Циклист (-ка)* вышло из употребления.

Велосипедистов, специализировавшихся на коротких и длинных дистанциях, называли теми же словами, что и легкоатлетов, — *спринтерами* и *стайерами*. Для трековых гонщиков особого наименования не было, а шоссе́йных гонщиков называли *дорожниками*.

В целом достижения русских велосипедистов дореволюционных лет были невысокие. Не хватало пригодных дистанций для гонок, мешали развитию велоспорта разного рода дельцы, наживавшиеся на эксплуатации спортсменов.

Велоспорт, как и другие виды спорта, получил в нашей стране большое развитие только после Октябрьской социалистической революции. Он стал широко доступным, массовым.

Развитие велоспорта способствовало рождению новых слов. В 20-е годы, когда в языке ясно прослеживается полоса увлечения сложными и сложносокращенными словами, образуются названия

типа велокроссмен, велоспортсмен, велоспринтер, велостайер, велолурист и другие.

В это же время появилось слово *шоссейник*. Оно в течение десятилетий конкурировало с наименованием *дорожник*. В дальнейшем последнее устарело, а *шоссейник*, не зарегистрированное ни одним из толковых словарей русского языка и отмеченное лишь в справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971), развило большую активность в языке. Вот примеры его употребления в 20-х годах: «Способный молодой шоссейник Монсеев первым оканчивал велокросс» («Физкультура и спорт», № 22, 1928); «Наша лучшая шоссейница Никанорова и в этом году имеет все шансы выйти снова победительницей» («Физкультура и спорт», № 25, 1928).

В 40-е годы от словосочетания *трековой гонщик* образовалось название *трековик*: «Их темповая работа в спринте и парных гонках довольно часто заставляла трековиков основательно потрудиться» («Советский спорт», 3 октября, 1946). Слово *трековик* зарегистрировано 4-томным академическим Словарем русского языка в 1961 году. Существуют специальные наименования трековиков, участвующих в так называемых гонках преследования, — *преследователи* и — в гонках на тандемах (двухместных велосипедах), — *тандемисты*. Слова эти не получили пока достаточно широкого распространения.

Велоспорт входил в программу всех современных Олимпийских игр, начиная с 1896 года. Советские велосипедисты добились особенно больших успехов на Играх в Риме, Мюнхене и Монреале. В итоге советские гонщики занимают одно из первых мест в мировом велосипедном спорте.

К велосипедному спорту относятся также *велобол* (игра в мяч на велосипедах) и фигурное катание на велосипедах. Спортсмен, играющий в велобол, называется *велоболистом* (прежнее наименование *велофутболист* быстро устарело). Слово *велоболист*, возникшее в 50-х годах (пример: «Велоболист должен быть физически хорошо подготовленным», — «Физкультура и спорт», № 10, 1959), пока не зарегистрировано ни одним из словарей. Что касается слова *велофигурист*, то оно относится к числу малоупотребительных.

А. С. АВАКОВА

Рисунок В. Комарова

«... ВО ЛЖИ
ПРЕЛЕСТ-
НОЙ
ОБЛИЧУ»

ЕЩЕ с детства в памяти надолго остаются прекрасные строки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зеленый...». В 4-й песне поэмы поэт говорит:

Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своеправной
Во лжи прелестной обличу.

Какую ложь здесь имеет в виду Пушкин? Может ли ложь быть *прелестной*, *пленительной*, *очаровательной* с точки зрения современных морально-этических понятий? Чтобы ответить на этот вопрос, отодвинем завесу нескольких веков и посмотрим, как и в каком значении употреблялись прилагательное *прелестный* и слова одного с ним гнезда (*прелесть*, *прельщать*, *прелестник*) в старину.

В древнерусском языке эти слова имели негативную окраску в контекстах церковно-книжного характера. Слово *прелесть* означало — «обман, соблазн, заблуждение, коварство»: «Прелести безбожия до конца уклонился еси (От соблазна неверия в бога окончательно уклонился)» (Четы Минеи, XVI в.); а *прельщать* — «обманывать, соблазнять, обольщать». *Прелестным* назывался вводящий в заблуждение, обольщающий, лживый, коварный: «прелестный враг» (Четы Минеи, XVI в.).

В сборнике «Древние русские стихотворения, собранные Кириеем Даниловым» (М., 1818)

читаем: «И здавался на его [Гришки Отрепьева] слова *прелестные* (И поддавался лстивым словам Гришки Отрепьева)». Сам «злой расстрига Гришка Отрепьев» называется здесь *прелестником*. Любопытно толкование этого слова, данное в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1822): «Кто прельщает, соблажняет, увлекает в заблуждение коварными и вредными своими правилами, примером, обещаниями». И далее следует предостережение: «Прелестников всемерно беречься и остерегаться должно для сохранения чести и пользы своей».

Таким образом, сделав небольшой экскурс в историю рассматриваемой группы слов, можно сказать, о какой *лжи* говорил Пушкин в приведенных строках. Поэт отдал дань старой традиции и употребил слово *прелестный* в значении «обобщающий, прельщающий, манящий». Возможно, в первой трети XIX века такое употребление было понятно читателю.

Особенно часто слова *прелесть*, *прельщать*, *прелестный* встречаются в официальных государственных документах и переписке правительственных чиновников в XVII—XVIII веках. Это время в истории нашего государства было отмечено большими крестьянскими выступлениями под предводительством Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева. В народе ходили «листы», письма, грамоты, указы, манифесты, в которых восставшие выдвигали свои требования. На официальном правительственном языке такие послания назывались *прелестными*, *воровскими*, то есть лживыми, обманными, ведущими к заблуждению, соблазняющими к преступлению закона (*воровством* в то время называлась измена). В 1671 году воевода воронежский Бухвостов доносит в Москву, что велел «привести к вере» воронежцев на том, чтоб «ни на какие *воровские прелести* вора Стеньки Разина с товарищи не *прельщати* и никаким ево *воровским письмам* ни в чем не верить» (Рукописи и Воронежские акты, вып. 2. Воронеж, 1905). В том же году из Тобольска воевода И. Репнин пишет: «И ис-под Синбирска он же, вор Стенька Разин с товарищи, послали в розные места товарищев своих, таких же воров, с *воровскими прелестными письмами* на соблазн незнающим бездомовным людем. И по тем *прелестным письмам воровским* незнающие бездомовные люди... к Стеньке Разину с товарищи, пристали» (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. 3, М., 1962). Аналогичная ситуация складывалась и в начале XVIII века. В «Ведомостях времени Петра Великого» от 20 июля 1708 года есть запись: «Донской казак вор и Б(о)гоотступник Кондрашка Булавин... собрал к себе несколько воров и единомысленников, и посылал *прелестные писма* во многие города и села, призывая

к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж воры, и все донские казаки, иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали».

Прелестные письма являются ценным публицистическим документом, ярко отразившим позицию восставших крестьян: «А нам до черни дела нет, нам дело до бояр, которые неправду делают. А вы голытьба и вся, идите изо всех городов, конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам и кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старую веру и за дом пресвятые богородицы и за вас и за всю чернь», — так обращался в своем письме в 1708 году к народным массам булавинский атаман Никита Голый (Труды Историко-археграфического института АН СССР. Т. 12, М., 1935).

Документы эти писались, как правило, в необычной обстановке. Так, первый манифест Пугачева был написан в поле во время поездки на станичный сход для объявления о начале восстания. Пугачев, решив, что на сход надо явиться с чем-нибудь «письменным», попросил сопровождавшего его казака Почиталина, своего первого секретаря, написать «хорошенечко» нужную бумагу. Вот отрывок из этого документа: «Во именном моем указе изображено яницкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоите за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей ваших. Будете мною, великим государем, жалованы... и жаловаю я вас: рекою с вершин и до устья и землю, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провпантом» (Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2, М., 1952). В 1834 году Пушкин так охарактеризовал этот манифест: «Первое возмутительное [призывающее к восстанию] воззвание Пугачева к янцким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного». Царское правительство оценивало своеобразную литературную деятельность восставших как чрезвычайно опасную для господствующего строя и жестоко расправлялось с лицами, писавшими *прелестные письма*.

Давно прошли времена прелестных писем. Теперь упоминания о них можно встретить разве что на страницах исторических романов, например: «В эту зиму с Дона на Волгу, Оку шли люди с „прелестными письмами“. Говорили, что письма писал сам Степан Тимофеевич — Стенька Разин» (Злобин. Степан Разин).

В XVIII веке в значениях рассмотренных слов происходят большие изменения. *Прелесть*, *прельщать*, *прелестный* начинают

терять свою отрицательную окраску. Они рассматриваются в одном ряду со словами *привлекательность, обаяние, очарование; пленять, очаровывать, увлекать; пленительный, очаровательный* и т. п. по отношению к лицу, предмету или явлению. Особенно часто слова этого круга встречаются теперь в литературно-критических статьях, посвященных разбору новых книг или стихотворений. Например: «Стихи то мрачные и ужасные, то трогательные, живописные и задумчивые переменяются в сем *прелестном* произведении», — читаем мы в XIV номере журнала «Сын отечества» за 1820 год.

Такое переосмысление было связано прежде всего с тем, что слова *прелесть, прельщать, прелестный*, начиная с XVIII века, отрываются от церковно-книжного контекста (хотя и не порывают с ним окончательно) и широко вовлекаются в различные жанры светской литературы. Попадая в иную сферу, не связанную со старыми морально-этическими представлениями, они изменяют свое значение, теряя одновременно и негативный смысл. В поэзии Пушкина, например, названная группа слов вместе с другими лексическими средствами создает «стихов пленительную сладость»:

Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-*прелесть*, и Руслана
И Лелею свитый им венец.

Руслан и Людмила

Татьяна пред окном стояла,
На стекла холодные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О да Е.*

Евгений Онегин

Е. Баратынский в поэме «Бал» предупреждает своего героя: «*Страшись прелестницы опасной, Не подходи: обведена Волшебным очерком она...*», ср. с аналогичным употреблением у Пушкина: «*Вся в локонах, обвитая венком, Прелестницы глава благоухала...*» («Наверсница величавой старины...»). Во времена Пушкина такое употребление слова *прелестница* отвечало сложившейся норме и обозначало: «красавица», которая «прельщает ного красотой своею» и страсть любовную возжигает» (Словарь Академии Российской. СПб., 1822). В наше время это слово является устаревшим.

Небольшой и далеко не полный экскурс в историю слов *прелесть, прельщать, прелестный, прелестница* еще раз показывает нам, что «история лексики тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений. Тут связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне» (В. В. Виноградов. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии).

В. К. ЮНОШЕВА

Рисунок С. Гавриловой

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Т. М. Резцов из Калуги спрашивает: «Говорят *в быте* и *в быту*. Различаются ли эти выражения?».

Данные выражения различаются значением. Первое означает «в общем укладе жизни, присущем какому-л. народу, определенной социальной группе и т. п. (*Перемены в быте деревни*)», второе — «в повседневной жизни (*У нас в быту сложилась традиция*)».

Т. И. Крутова из Запорожья спрашивает: «Как надо говорить: *водный поток* или *водяной*?». Поток *водяной*, т. е. «состоящий из воды». Слово *водный* имеет значение «относящийся к воде»: *водный транспорт, спорт, раствор; водное пространство*.

С. П. Сергеев из Клина пишет: «Часто говорят *временной* и *временный*. В чем разница этих слов?».

Временной и *временный* различаются значением. Первое слово употребляется обычно в грамматике, философии и имеет значение «относящийся к категории времени (*Временная последовательность*)». Второе слово означает «длющийся, действующий в течение некоторого, обычно короткого, времени (*Временные затруднения*)».

Почему
ШАМАН
Занимается
КАМЛАНЦЕМ?

Вопрос, поставленный в заголовке, касается не самого обряда камлания, а его наименования: почему ритуальные действия шамана называются *камланием*? Ведь *певец* занимается *пением*, *плвец* — *плаванием*, *ученик* — *учебой* или *учением* и т. д.

Слово *шаман* «колдун, знахарь, служитель культа у некоторых народностей северной Азии, религия которых основана на вере в духов» заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков. В наиболее ранних русских источниках, повествующих о Сибири, для названия служителей культа употреблялись славянские языческие термины *волхв*, *колдун*, *знахарь* или тюркско-русское слово *шайтанщик*: «Се же видение многаши видѣвъ и самъ Кучюмъ с людми і вопрошаше... волховъ и абызь своихъ: что се видитца» (Сибирские летописи. СПб., 1907); «Для большей уверенности он [хап

Кутугай] приказал вызвать к себе шайтанщиков и допрашивал их» (Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1750).

В XVII—XVIII веках в русские тексты проникают слова *шаман*, *шаманить* «быть шаманом, заниматься шаманством», которые употребляются наряду со словами *волхв*, *колдун*, *волхвовать*. Уже в «Житии протопопа Аввакума», первом русском автобиографическом произведении, читаем: «Отпускал он [Пашков] сына своего Еремея в Мунгальское царство воевать,— казаков с ним семьдесят два человека да иноземцев двадцать человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удастлися им и с победою ли возвратятся?». В одном из своих литературных опытов, комедии «Шаман Сибирский», написанной в 1786 году, императрица Екатерина II высмеивает масонство с его мистицизмом и обрядовостью как «суший вздор», «одно из величайших сумасбродств». Деятельность в Петербурге известного мистика Калиостро уподобляется шарлатанству сибирского шамана Амбан-Лая, который шаманством своим и «литаврою шаманскою», то есть шаманским бубном, завоевал сердца столичных простаков.

Начиная с XVIII века, слово *шаман* и его производные, возникшие на русской почве, стали употребляться в описаниях путешественников — исследователей Сибири, в исторической, этнографической и другой литературе: «В Обской стороне нашел господин Зуев одну шаманку, которая за старостию своею уже больше не шаманила» (П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи); «Шаманист удивлялся солнцу и поклонялся ему» (Ч. Валиханов. Следы шаманства у киргиз). *Шаманы* действуют или просто упоминаются в сочинениях А. Марлинского, В. Г. Короленко, В. Я. Шишкова, Н. П. Задорнова, в произведениях писателей народов Сибири: Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова, Н. Доможакова, А. Пассара.

Среди множества производных от слова *шаман* можно выделить ряд имен существительных: *шаманизм* «форма религии, культ духов у некоторых народов северной и Средней Азии, Индонезии, Океании, Африки»; *шаманство* «1 — то же, что и шаманизм, 2 — занятие шамана, колдовство»; *шаманка* — жен. к *шаман*. А имени существительного, обозначающего действия шамана, как и вообще существительных, образованных от глагола *шаманить*, нет. Образование его со значением действия, процесса, рода занятий по продуктивной схеме «основа глагола+ние» в данном случае неприемлемо, ибо повторение почти одинаковых слогов *-не-* и *-ни-* в предполагаемом слове *шаманение* ведет к неблагозвучию, некоторой фонетической избыточности.

Иногда для обозначения шаманского ритуала, шаманских действий употребляется слово *шаманство*: «Шаманство происходит

только в дни праздников, причем исполняется не шаманами, а обычно хозяевами праздника» (В. Г. Богораз. Чукчи). Но это значение слова стало архаичным. В современной литературе *шаманство* обозначает форму религии и является синонимичным слову *шаманизм* или употребляется как собирательное существительное.

Таким образом, в словообразовательной цепочке «имя существительное — глагол — имя существительное со значением действия» (например, *врач — врачевать — врачевание*) нет последнего звена: *шаман — шаманить*... Его место занимает *камлание*, существительное из словообразовательного ряда *камлать — камлание*.

Слово *кам*, заимствованное из тюркских языков Южной Сибири, менее известно русскому читателю и, как правило, поясняется в тексте: «Словно колдун, словно страшный кам-шаман, окруженный собачьей стаей, сидел Филимон на обрыве» (В. Шишков. Страшный кам). *Кам* и родственные с ним слова встречаются довольно часто в русских научных и художественных текстах и даже — в названиях произведений, например, в названии повести В. Я. Шинцова «Страшный кам», впервые опубликованной в «Московском альманахе» в 1923 году с подзаголовком «Повесть шаманья, алтайская», и повести современного нанайского писателя А. А. Пассара «Последнее камлание».

Интересна судьба глагола *камлать*. Он образован не от существительного *кам* (ср.: *шаман — шаманить*), а от тюркского глагола *камла-*, где *-ла-* является продуктивным словообразующим суффиксом. От основы глагола *камлать* в русском языке образуется существительное *камлание/камлание* «шаманский ритуал, шаманский обряд»: «Культ шаманства и само камлание камов Шишков наблюдал и при вторичном посещении Алтая во время летних работ 1913—1914 годов по исследованию Чуйского тракта» (В. А. Борисова. Примечания к повести «Страшный кам»); «В его роду по женской линии были польки из семейств сыльных поляков, были в роду и шаманы, старые хакасы, с бубнами, обвешанными лентами, совершающие камлание над колдовскими кострами в кедровой чаще у священного родника» (Н. Тихонов. Сибиряк на Неве). Слово *камлание* употребляется при описании шаманизма не только у тюркоязычных народов Сибири, но и у других народов, в языке которых нет слова *кам* для обозначения шамана, например, у тунгусов и манси: «...все виды дневного камлания у забайкальских тунгусов требуют в качестве жертвенного животного барана, а камлание ночное требует оленя» (С. М. Широкогорев. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов); «Камлание у манси Сарни-най в этом году прошло удачно» (Ю. Шестаков. Конец началу меня седла).

Несмотря на то, что слова *камлать*, *камлание* более известны, нежели *кам*, представляется целесообразным включение этого слова в словарь современного русского языка, так как оно является заимствованием тюркского слова *кам*, по отношению к которому зафиксированные в четырехтомном «Словаре русского языка» и 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» *камлать* и *камланье/камлание* — слова производные.

Итак, судьбы слов-синонимов *шаман* и *кам* тесно связаны между собой как общностью значения и сферы употребления, так и словом *камлание*, которое занимает пустующее место в словообразовательном ряду: *шаман* — *шаманить* — ... *камлание*. Поэтому в настоящее время в русском языке есть имена существительные *кам* и *шаман*, глаголы *камлать* и *шаманить* и лишь одно существительное со значением «шаманское действие» — *камлание/камланье*.

В. Е. РАЙКОВА

Рисунок С. Гавриловой

СРЕДИ КНИГ

Э. М. Мурзаев

ГЕОГРАФИЯ В НАЗВАНИЯХ

«Названия — это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта» — эти слова К. Г. Паустовского из повести «Книга скитаний» приведены Э. М. Мурзаевым в качестве эпиграфа к его книге «География в названиях» (М., Наука, 1979).

Книга Э. М. Мурзаева рассказывает о том, как рождаются географические названия (топонимы), как они развиваются и исчезают, как появляется их вторая жизнь — в наименованиях автомашины и телевизоров, кинотеатров и видов искусств, как создавалось учение о географических названиях — топонимика, и как она помогает людям.

Для чего нужны географические названия? «Они нужны для того, — читаем мы в книге, — чтобы отличить один объект от другого, точно указать его местоположение и т. д. Невозможно представить себе современный мир без географических имен. Прекратят свою деятельность почта и телеграф, железные дороги, замрут само-

леты в аэропортах и суда у безымянных причалов. А как станут рассказывать газеты о событиях, происшедших в различных местах земного шара?» (с. 3).

Интерес к изучению географических названий появился давно. Еще античные ученые пытались объяснять происхождение известных им наименований. В России начиная с XVIII века наблюдается постоянный интерес к изучению топонимов. Первым, кто начал заниматься у нас этой проблемой, можно считать известного историка и географа Василия Никитича Татищева. Его «Лексикон» содержит много сведений о географических названиях. Свой вклад в изучение топонимики внесли ученые разных специальностей — филологи, историки, географы.

Глава «Географические названия — народное творчество» содержит сведения о том, как создаются топонимы. Их происхождение тесно связано с жизнью и бытом народов. Вот, например, в Узбекистане вырос город Гулистан (в переводе означает — страна роз, цветник). В Казахстане город Акмолинск переименован в Целиноград. Эти имена свидетельствуют о той созидательной работе, которую ведет здесь наш народ. Топонимы помогают понять и изучить окружающий нас мир. Известны случаи, когда по названиям геологи нашли полезные ископаемые. Исследователи обратили внимание на такие имена в Аджарии: Маднеули (слово *мадачи* означает «руда»), Поладаури (*полади* — «сталь»), Саркилети (*ркина* — «железо»). И действительно, оказалось, что в этих местах есть мест-

рождения металлических руд. Так топонимика помогла геологам (с. 130—131).

Из главы «Вторая жизнь географических названий» читатель узнает о многочисленных географических наименованиях, которые стали обычными нарицательными словами. Например: *персик* — от Персии, *гречиха* — от Греции, *фара* (автомобильная) — от города Фарос в Египте, где был сооружен знаменитый тогда маяк. Эти примеры показывают, что географическое имя может дать дополнительную информацию. Много слов в русском языке произошло от топонимических наименований: конфеты — *каракум* и *балтика*, пирог — *невский*; хлеб — *орловский* и *саратовский*; названия тканей — *кашмир* и *джерси*. Все крупные ГЭС повторяют географические названия: *Красноярская*, *Саяно-Шушенская*; машины — «*Волга*», «*Жигули*», «*Москвич*»; песни и народные танцы: *воронежские*, *саратовские*, *язанские* «страдания»; во всем мире известны *неолиганские* песни; названия метеоритов и драгоценных камней, ветров и химических элементов, исторических событий и научных направлений... Так продолжается жизнь географических наименований.

Книга Э. М. Мурзаева «География в названиях» написана увлекательно и популярно, в ней содержатся также разнообразные сведения культурно-исторического характера. Ее прочтут с большой пользой для себя не только специалисты-топонимисты, но и широкие круги читателей.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

Нет на Ладожском озере среди его пятисот островов более знаменитого, чем Валаам. Вода, гранит и сосны соединились здесь, создав суровый и вместе с тем неповторимый по красоте своей пейзаж. Валаам стал туристской Меккой Севера.

Интерес к таинственному имени *Валаам* возник более ста лет назад, когда регулярное и беспересадочное пароходное сообщение Петербург-Валаамский монастырь сделало остров доступным для посещения. Ныне свыше ста тысяч туристов ежегодно знакомятся с островом.

Валаам — нынешнее русское название острова. Его финское имя *Váala* (карельское — *Валмоа*), а древнее русское — *Валам*. Финское название находим в старинном шведском документе 1477 года: «...oc deell till mijn deell j Valamaö (…и часть моего владения на Валааме)», а русское — в древнерусских текстах, например, в «Беседе валаамских чудотворцев» (XVI век): «на острове Валами, на озере Неве» (Ладожском); в сводной Никоновской летописи (XVI век): «…приплы море и преиде реку Неву… хотя восприяти Ладогу и Великий Новгород и всю область Новгородскую» (запись под 1241 г. с позднейшей припиской: «до Валама»).

Нынешнее название *Валаам* (с удвоенным *а*) и его производное *валаамский* устойчиво употребляются лишь с начала XVIII века, когда в результате Северной войны Приладожье вновь вошло в пределы русского государства и на Валааме возобновилась прер-

ванная монастырская деятельность: «...в прошлом 1715 году... повелено им, архимандриту с братнею, на Ладожском озере на Валаамском острове строить вновь монастырь» (Валаамский монастырь. СПб., 1864); сравни документ 1500 года (Окладная переписная книга Водской пятины Новгорода): «Волочек Сванский. А купил его князь великий у Валаамского монастыря».

Принятое сейчас толкование финского *Válato* — «высота», «высокая земля» (*valli* — вал, *maa* — земля; по-карельски: *вуалу и мо*). Данное впервые в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, оно (хотя и с оговорками типа: *как полагают; считается, что...*) кочует из книги в книгу, его используют экскурсоводы. Специалисты по финскому и карельскому языкам отрицают такое объяснение. Тем не менее, однажды пущенное в оборот, оно держится до сегодняшнего дня, потому что и в самом деле правдоподобно: остров местами возвышается над озером на десятки метров.

Однако такое объяснение ведет к нарушению основного принципа названия единичного (географически единичного) среди подобных: в нем не обозначен его особый, отличительный признак. Среди десятков островов Валаамского архипелага немало таких же высоких. И тем не менее имя *Válato* (якобы «высокая земля») почему-то принадлежит лишь одному. Выделяется остров на Ладоге и другим: официальные названия всех остальных островов архипелага оканчиваются на *саари* (*saari* — остров) и легко этимологизируются. А это говорит о его особом положении в островной группе и об особой древности его названия.

Чтобы указать на отличительный признак острова, в действительности отразившийся, по нашему мнению, в его названии, приведем отрывок из книги русского естествоиспытателя и путешественника академика Н. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя» (1812): «Имеют валаамские пустынники на острове своем множество такого вещества, которым они не пользуются, а именно железной руды, которая лежит на самой поверхности земли сливными камнями темно-красного цвета и составляет целые горы». О том же еще до Озерецковского писал любитель-минералог С. Алопеус в книге «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в российской Карелии» (1787): «Остров Валаам повсюду как в горах, так и в земляных породах содержит руду». Добавим еще, что на самом Валааме есть даже местность под названием *Железняки*.

Известно, что приладожское население с древнейших времен и до XIX века добывало болотную (озерную) и шахтовую руду,

выплавляло железо и обрабатывало его (недаром в карельской топонимике немало названий с первой частью *gauta* — «железо»: *Rautalahti*, *Rautalampi*, *Rautasaari* и т. д.). Это нашло выражение в народном эпосе «Калевала», отразившем общественно-экономический строй карелов IX—XI веков. В руне (песне) 9 рассказывается, как «Скрылось от огня железо... В глубине болотной жижи, На хребте горы высокой». В пей подробно описывается плавка железа.

Представляется достаточно вероятным, что Валаам в древние времена был плавильной и литейной мастерской окрестного населения, которое находило там все для плавки чугуна, железа и для литья слитков и изделий: и богатую руду, лежащую на поверхности, и лес для выжигания древесного угля, и глину (все нынешние каменные постройки на острове возведены из кирпичей, сделанных из местной глины). Во всяком случае, в значительно более позднее время — в XIX веке — на Валааме было развито литейное дело.

Теперь обратимся к финскому языку: *valaa* — лить (металл), отливать (из металла) [по-карельски — *валуа*], *valimo* — литейная, *valama* — литье.

Если слово — это своеобразно закрепленный опыт, то можно думать, что разгадка названия *Välamo*/Валаам — под ногами экскурсантов.

Но есть у наименования острова и вторая загадка, более точная: неясен переход *Välamo* → Валаам.

Попробуем по письменным источникам восстановить древнюю форму наименования острова в финском и русском языках.

Как мы установили, первая часть географического имени *Välamo*, вероятнее всего, соотносится с глаголом *valaa* — «лить, отливать» (в карельском языке — *валуа*); его вторая часть — либо *to* — аффикс, указывающий на место действия (например, *leipoto* — печь, в которой пекут хлеб, то есть хлебопекарня), либо *maa* — земля, страна, край, местность, то есть полнозначное слово с пространственным значением. Значит, предположительные *valamaa*, *valamo* означают место, где производят литье. Отсюда следует, что некогда могли сосуществовать два топонимических варианта: *Välamo* и *Välamaa*. Если первое название (*Välamo*) исторически закрепилось, то второе (*Välamaa*) находим в уже упомянутом шведском документе XV века. Из древнерусских же источников следует, что в русском языке название острова устоялось в форме *Валаам*. Его, например, встречаем в документе XVII века: «А какне, государь, люди с Валама острова... в Корельской Земл приходилн... того мне, хелону твоему, неведомо» (Р. В. Мюллер. Карелия в XVII веке. 1948).

Г. Нерт и Н. Мамонтова, авторы книги «Загадки карельской

топонимики» (1976), рассуждая о появлении в русском названии острова двойного *a*, полагают, что «вероятно, имело место следующее явление: финское *Valamo*, *Valamo(o)* из-за безударных гласных в конце слова могло восприниматься русскими как Валама(а)н, отсюда путем перестановки звуков (метатезы) образовалась современная форма — Валаам».

Если принять это предположение, надо объяснить и другое — почему преобразование *Válamo*→Валаám произошло в столь поздние времена (не ранее начала XVIII века) и столь быстро. Видимо, причина эта кроется не столько в стихийном фонетическом явлении, сколько в сознательных человеческих действиях.

Русскому просторечию свойственно переименовывать иноязычные географические имена на свой лад: *Стокгольм* — *Стекольна*, *Сахалин* — *Соколиный*; примеры из финского и карельского языков: *Siestarjoki* — река Сестра, гора *Sakkolalinne* — *Соколиная*, *salmi* (пролив) — река *Соломяна* и т. п. Как видим, в основе такой переделки лежит желание осмыслить топоним (замена непонятного для русского уха понятным, привычным).

Не исключено, что не избежало этой переделки и название *Válamo*. Уже в древнерусских источниках прилагательные, образованные от него, иногда воспринимались как производные от личного имени: «Старец Сергей пришел на Валамов остров» (А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. 1842), в данном примере притяжательный суффикс *-ов* говорит о «личностном» — по-видимому, от имени *Валаам* — осмыслении топонима; «...да монастырская ж пожня Варламовская» (Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12, 1852), новгородский дьяк назвал Валаамский монастырь *Варламовским*, образовав прилагательное от личного имени *Варлаам*. Можно предполагать, что мена старинного русского *Валам* на *Валаам* произошла в речи постоянных обитателей острова — монахов, которым было привычно имя одного из библейских пророков — Валаáма. Иначе трудно объяснить поздний (судя по документам) переход *Валам*→*Валаáм*. О влиянии личного имени *Валаам* на название острова говорит и перенос ударения: *Válamo*→→Валам (Вáлам?)→Валаáм.

Другими словами, нам представляется следующая картина изменения названия: не прямой переход *Válamo/Válamaa*→Валаáм, а опосредованный: *Válamo/Válamaa*→Валам (русские документы XV—XVII веков)→Валаáм (XVIII век).

...Воистину Валаам — остров загадок. И мы коснулись лишь одной из них.

Е. А. ЛЕВАШОВ

Рисунок В. Толстого

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение: См: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, №№ 1—2

Суворов. Отчество от нецерковного мужского имени Сувор или от прозвища Суворый; русское *сувор* — ‘угрюмый, нелюдимый, суровый’. Личное имя Сувор неоднократно документировано в XVI—XVII веках.

Сударев. Фамилия связана с просторечной формой *сударь* из слова *государь*, которая в прошлом была очень употребительна как обращение. Фамилией могло стать отчество от насмешливого прозвища Сударь или притяжательное прилагательное, означавшее крестьянина, принадлежавшего не помещику, а царю (это отметила В. И. Тагунова на одной из конференций по ономастике Поволжья).

Сульдин. Самая частая (больше 1 тыс. чел.) фамилия в бассейне верхнего течения Суры (5 восточных районов Мордовской АССР, смежные районы Ульяновской области, крайний восток Пензенской обл.). Встречается иногда в форме Сюльдин. Отчество от мордовского мужского имени Сульда. В «Дозорной книге Нижегородского уезда» 1588 года указан мордвин Сулда Олксеев (Центральный архив древних

актов, Москва). По мнению мордовского этимолога Д. В. Цыганкина в основе — армян. *сулей* — ‘тень’. Однако объективность обязывает указать на татарские диалектные *сулда* — ‘слева’, *сулатыш* — ‘левша’.

Сумарок. Отчество от нецерковного мужского имени Суморок. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова указаны подьячий Суморок леопытьев сын — в Белоозере, 1479 г., Офромей Сумарок — 1495 г., холоп Суморок — 1498 г., в писцовой книге Орловского уезда 1594 г. — помещик Суморок кондратьев сын Золотухин. Имя явно было нередким. По А. М. Селищеву, этимологическое значение ‘мрачный’.

Сусанин. Притяжательное от канонического женского имени Сусанна (из древнеевр. ‘лилия’). Фамилии от имени матери редки, они возникали, если ребенок и все хозяйство находились на плечах только матери (смерть мужа или длительная военная служба). Иногда возникновение фамилии от имени матери объясняется полным господством жены

в семье (из-за ее богатства или высокого положения родителей). В некоторых случаях от имени матери получали фамилию внебрачные дети.

Сусарин. Отчество от прозвища Сусара из архаичного русского слова *сусара* — 'говорящий медленно и невнятно'.

Сутормин. Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Суторма из *суторма* — 'суета, беспорядок'. Фамилия записана в селе Дураково-Архангельское Пензенской губернии, 1917 г. (Певз. обл. арх.).

Сутырин. Отчество от прозвища Сутыра из нарицательного *сутыра* — 'вздорный, надоедливый, клеуэзник' (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Сыкчин. (О происхождении фамилии спрашивает наш читатель Н. В. Сыкчин из Кировской обл.). В русских говорах встречались глаголы *сыкать* — 'шкать, цыкнуть на кого-либо, заставить молчать' и *сыкнуть-ся* — 'квнуться, броситься, супутаться'. Из них вполне могло возникнуть прозвище Сыкча, отчество от которого затем закрепилось в качестве фамилии. Возможен иной источник: чувашск. *сыҫе* (очень мягкое *ц*), *сыҫе* — 'хранитель, сторож'.

Сырейщиков. Отчество от именования отца по профессии — *сырейщик*, в прошлом так называли скупщика сырых кож.

Сыромятников. Отчество от именования отца по профессии — *сыромятник*, в прошлом — изготовитель кож (без дубления). Эта специальность еще сохранялась в начале нашего столетия.

Сыропоршнев. Фамилия документирована в Наволоцкой волости Опезского уезда Архангельской губернии в

1897 году Всероссийской переписью (Арханг. обл. арх.). Диалектное северное слово *поршни* — 'лапти из тюленьей кожи' (А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885). На той же территории записаны тогда и Сыропоршневые — явно вариант той же фамилии с характерным местным произношением (*и* вместо *с*). В том же уезде встретились фамилии Сыродубовы, Сыропатовы, Сырорыбовы. Такое скопление на небольшой территории редко употребляющихся в иных местностях фамилий не могло быть случайным. Несомненно, в этом отразилась какая-то историческая общность населения.

Сысоев. Отчество от просторечной формы Сысой из канонического мужского имени Сисой.

Сытин. Фамилия связана с гнездом слов *сыта* — 'паниток из меда', *сытый* — 'упитанный, тучный', *сытеть* — 'толстеть, жиреть'.

Сябрин. Основа фамилии *сябр, сябра* — 'сосед, однообщинник'. Слово общеславянское, в русском языке сохранялось в ряде говоров с разными значениями.

Тагашов. Очевидно, отчество от нецерковного имени Тагаш, которое в письменных памятниках не обнаружено, но его можно предположить по наличию самой фамилии. Кроме того, И. И. Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка» приведено прилагательное *тагашовый* 'синий'.

Тагильцев. Отчество от именования отца — *тагилец*, то есть приехавший из Тагила.

Тапров. Отчество, образующееся по преобладающей модели русских фамилий (суф-

фиксом притяжательных прилагательных *-ов*) от арабского мужского имени Таир (Тахир, Тагр, Тохир), принесенного мусульманством тюркоязычным народам. Этимологическое значение имени — «чистый». К русским эта фамилия пришла от татар.

Талагаев. Первоначально — отчество от прозвища Талагай из нарицательного *талагай* — «исуч, невожда» (Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979), в других диалектах — «лентяй», «тусядец»; «не местный, отличающийся по одежде» (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Талалаев. Отчество от прозвища Талалай. В Словаре В. И. Даля *талалай* — «шартавый», а *талалакать* — «беседовать, болтать». Фамилия записана: в Белевском уезде Тульской губернии — 1910 год, в Жирятинском районе Брянской обл. — 1924 год, в Ростове-на-Дону — 1914 год.

Талалайкин. Отчество от прозвища из диалектного нарицательного *талалайка* — «болтун, пустомеля».

Таланов. Фамилия, распространенная во многих местностях России. В ее основе — еще живое в ряде говоров слово *талан* — «удача, счастье».

Талицкий. Именование по местности, откуда прибыл: в разных областях России и Украины много речек и населенных пунктов носят название Талица. В основе названия — нарицательные *тал* — «пва, ветла» или *талица* — «талай, незамерзающая».

Талочеров. Вероятно, отчество от прозвища, связанного с укр. и белорус. словом *талоура* — мелкая рыба из семейства сельдевых. Фамилия записана в Смоленске (1969).

Талызин. Кажется, просто

можно объяснить: в Словаре В. И. Даля *талызина* — толстая дубинка». Но вызывает сомнение словообразовательная форма фамилии: если первоначально это отчество от прозвища, то основа — не *талызина*, а *талыза*, но при основе *талызина* следовало ожидать суффикса, выражающего отношение между значениями основы и производного слова. Поиск источника в старинных документах принес новое решение: в 1436 году «из Орды отехал на русскую службу мурза Кучук сын Тагай-Илдыза» и получил вотчины; в документах именовался по отцу — Тагадызин, при употреблении фамилии упростилась, превратилась в Талызин (В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2, СПб., 1887).

Тарабрин. [О происхождении фамилии спрашивает семья Тарабриных из Кемеровской области.] Фамилия на из редких: сейчас она представлена в Москве, Куйбышеве, Ростове-на-Дону, Ярославле, Курске, Тамбове, Липецке, Астрахани. Однако объяснить фамилию трудно. Общеизвестно слово *тарабарить* — «беседовать, болтать», *тарыбары* — «разговоры». Но как мог исчезнуть ударный гласный? Может быть, кто из читателей слышал глагол *тарабрить*?

Тарабукин. Фамилия связана с названьем старинного ударного музыкального инструмента *тарабука* (слово сохранилось в болгарском языке). Еще в 1661 году записан Ивашо Тарабукин. Теперь эта фамилия есть в Смоленске, а в Калининне кроме Тарабукина есть еще Тарабуткин и Тарабушкин, но связь их с *тарабука* не доказана.

Тарарыкин. Отчество от

прозвища из нарицательного *тарарыка* — «говорящий быстро и без умолка».

Тарарышкин. Отчество от прозвища в уничижительной форме Тарарышка из нарицательного *тарарыка* (см. Тарарыкин). Фамилия неоднократно в Рязани.

Тараторин. Отчество от прозвища Таратора в значении «болтун, говорящий быстро» (см. Словарь В. И. Даля). Фамилия записана в Костроме — 1978 год.

Тарновский. Фамилия украинского, белорусского или польского происхождения, первоначально — именование человека по месту, откуда прибыл: крупный город Тарнов (на юго-востоке Польши), нередко и селения с названием Тарновка (из польск. *tarn* — «терн»).

Тартаков. **Тартаковский.** Именование по местности, из которой прибыл. Населенных пунктов Тартак, Тартаково немало на северо-западе Украины (особенно в Житомирской, Винницкой, Львовской областях), укр. *тартак* — «лесопилка».

Тархов. Отчество от краткой формы Тарх из канонического мужского имени Аристарх. В «святах» было имя Тарах, но употребляли ли его — неизвестно, как неизвестно и место ударения.

Татауров. В основе фамилии — старинное в русском языке слово *татаур* (возможно монгольского происхождения), обозначавшее широкий нарядный пояс с дорогими украшениями. Фамилия документирована в Шенкурском уезде Архангельской губернии (1897) и в Вятке (1976).

Ташлинцев. Отчество от именования отца по названию местности, из которой прибыл — *ташлинец*. Селения с названи-

ем Ташла нередки (например, большое село Ташла близ Ульяновска в Среднем Поволжье). Фамилия записана в Оренбурге (1973).

Твардовский. Фамилия возникла в Польше или Белоруссии, первоначально обозначала носителя по названию местности, из которой прибыл: топонимы Твардово, Твардовски, Твардовское (из польск. *twardy* — «твердый, крепкий»).

Твердохлебов. Широко распространенная фамилия, зарегистрированная на многих территориях, чаще в городах, чем в сельских местностях, нередко в форме Твердохлеб, пришла, вероятно, с Украины. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тушикова приведена самая ранняя из дошедших документаций фамилии — 1640 год. При ясности обеих составных частей фамилии неясен этимологический смысл ее в целом, так как кажущиеся правдоподобными возможные догадки равно недоказаны. Одно из предположений — прозвище, данное человеку, питающемуся черствым хлебом по бедности или по скупости, или, наоборот, имеющего надежный прочный запас хлеба и т. д.

Тверитин(ов). Первоначально — именование человека по местности, из которой прибыл, — из города Тверь (ныне Калинин). Фамилии с *-итин* возникали от названий городов Московского государства XV—XVI веков: Москва, Боровск, Венев, Вязьма, Кострома, Пермь, Ржев, Чусовой и др. Обозначение не самого тверитина, а его сына и последующих потомков, требовало форму притяжательного прилагательного с суффиксами *-ин* или *-ин*, но наличие в *-итин* окончание *-ин* создавало впечатление, что это уже прилага-

дельное с суффиксом принадлежности, поэтому суффикс *-ов* мог и не возникать, или, возникнув, — исчезнуть. В последующие периоды именованья по местности утратили часть слова *-итин*, предпочтя иные средства образования (соответственно появились фамилии Тверяков, Тверской с производной формой Тверских и др.).

Тебеньков. Отчество от именованья отца из тюркского (например, татарского) слова

тебенек — «низкорослый». Фамилия записана в Перми — 1972 год.

Тейковцев. Отчество от именованья отца — *тейковец* — по месту, из которого прибыл: большое село Тейково во Владимирской губернии — ныне город на юге Ивановской области. Фамилия записана во Владимире — 1974 год.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Цветные телевизоры с переключением программ от прикосновения называют телевизорами с *сенсорным* переключением. Продавцы и покупатели телевизоров произносят слово *сенсорный* по-разному: с ударением на первом или на втором слоге. Как правильно?» — спрашивает Е. М. Куликова из Смоленска.

Слово *сенсорный* «чувствительный, чувствующий» (от лат. *sensus* — восприятие, чувство, ощущение) следует произносить с ударением на втором слоге.

■
«Как сказать: этот человек *геркулесового* сложения, *геркулесова* или *геркулесовского*?» — спрашивает Т. М. Шимкова из Краснодара.

Слово *геркулесовый* означает «приготовленный из крупы геркулес». *Геркулесов* употребляется в устойчивых сочетаниях (*Геркулесовы столбы* или *столпы*. *Геркулесовы шаги*). Слово *геркулесовский* имеет значение «очень сильный, мощный; подобный Геркулесу». Следовательно, человек будет *геркулесовского* сложения.

■
«На каком слоге ставится ударение в слове *грénки*? Как правильно: *бульон с грénками* или с *грэнкáми*? — спрашивает А. Т. Михайлова из г. Одинцово Московской области.

Литературной формой является *грэнкí* (с *грэнкáми*), *грénки* (с *грénками*) — разговорная.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ВОЛНИТЕЛЬНЫЙ, ВОЛНИТЕЛЬНО

Читатель из Перми Э. И. Махтус хотел бы узнать мнение лингвистов о слове *волнительно*. «В последнее время все чаще начали применять это необычно звучащее слово *волнительно*, ведь это искусственный, надуманный оборот, от которого меня всего передергивает», — пишет он в своем письме.

На страницах нашего журнала в 1967 году (№ 1) была помещена статья под названием «Культура речи и лексическая идиосинкразия» Л. И. Скворцова, в которой «случай явно выраженной антипатии к отдельным словам» предлагалось пазывать «лексической идиосинкразией» (медицинский термин *идиосинкразия* означает «повышенная чувствительность к определенным веществам или воздействиям...»). В статье приводился «классический» пример лексической идиосинкразии, в котором слово *волнительно* играет главную роль. В романе К. Федина «Необыкновенное лето» писатель Пастухов прерывает рассказ актера Цветухина: «Ах, черт! Вот оно! — ожесточился Пастухов. — Выскочило! Волнительно! Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, не существующее, противное языку..., какая-то праздная рожа, а не человеческое слово!...». Так что тов. Махтус не одинок в своем отрицательном отношении к слову *волнительно*. Однако в статье приводится целый ряд примеров, когда отдельные слова, против которых выступали языковые авторитеты, впоследствии укоренились в языке и в настоящее время не вызывают никаких отрицательных эмоций у говорящих (Л. Н. Толстой не любил слово *зря*, М. Горький называл глагол *выглядеть* «сделанным плохо и не по-русски»). О слове *волнительный* можно прочесть в заметке «Волнительный», опубликованной в первом номере «Русской речи» за 1968 год.

Какова же причина столь негативного восприятия слова *волнительно*? Автор письма пишет, что это слово не соответствует

обычным нормам словообразования, «ведь нет такого глагола *волнить* в русском языке, словообразовательные связи таковы: *пленить* — *пленительный*, *огорчить* — *огорчительный*, *разрушить* — *разрушительный*. Откуда же взялось *волнительный* (*волнительно*)?».

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории нашего языка.

XVIII век — это период активного пополнения его отглагольными прилагательными на *-тельный*, образованными от глаголов, обозначающих отвлеченное нефизическое действие. Поначалу эти прилагательные были близки по значению к действительным и страдательным причастиям, но затем они начали утрачивать процессуальные значения и приобретать качественные.

Эти изменения приводили к тому, что отглагольные прилагательные теряли связь с производящими глаголами и начинали соотноситься с соответствующими отглагольными существительными. В такие отношения вступали прилагательные на *-ительный*, образованные от глаголов на *-еть*: *презрительный* (*презреть*), *бдительный* (*бдеть*), *зрительный* (*зреть*). Разрушению связи подобных прилагательных с глаголами способствовало исчезновение многих производящих глаголов и замена их однокоренными образованиями с другими суффиксами. *Презрительный* стало соотноситься с *презрение*, *зрительный* — с *зрение*. В такие же соотношения с отвлеченными существительными вступали и многие другие прилагательные на *-тельный*, словообразовательные связи которых были нетипичными или происходили от глаголов, выходящих из употребления. Ср. *обаятельный* — *обаяние*, *предпочтительный* — *предпочтение*, *общительный* — *общение*. Создание таких соотношений приводило к расширению словообразовательных связей суффикса *-тельн-*. Прилагательные на *-тельный* получили возможность производиться от отглагольных имен действия.

В «Лексиконе» Ф. Поликарпова (1704 год) мы находим *действительный* (*действие*), *волнительный* (*волнение*). См. также образования: *впечатлительный* — *впечатление*, *влиятельный* — *влияние*, *сомнительный* — *сомнение*.

Итак, прилагательное *волнительный*, как мы выяснили, структурно и семантически соотносится с отглагольным существительным *волнение*. Ответив на вопрос, откуда же взялось слово *волнительный*, обратимся к словарям русского языка. В старых словарях это слово отсутствует (кроме как в «Лексиконе» Ф. Поликарпова). В толковых словарях современного русского языка: в 3-м томном Академическом словаре, Словаре С. И. Ожегова, в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова его также нет, Только в 4-томном Словаре русского языка АН СССР

находим: «Волнительный — разг. Волнующий, вызывающий тревогу». Словарь-справочник «Правильность русской речи» под редакцией С. И. Ожегова (1965), словари синонимов и «Словари трудностей русского языка», также относят это прилагательное к разговорной речи.

Слово *волнительный* прошло своеобразный путь в истории нашего языка. Создатели словарей его не признавали, писатели употребляли крайне редко. Оно стало популярно лишь в среде работников театра. Мы встречаем его в письмах, записках и мемуарах известных деятелей русского театра: Станиславского, Немировича-Данченко, Вахтангова и др. Например: «Празднично было у нас и волнительно. Громадный театр. Публика из именитых. Был Л. Андреев, Горький и Шаляпин будут завтра» (Вахтангов. Записки, письма, статьи).

Великий русский писатель Л. Н. Толстой употребляет слово *волнительный* в письме к жене: «Получили от Саши и Левы письма очень волнительные» (Письмо от 22 октября 1887). Использует его в своих произведениях известный советский писатель Л. Леонов: «Отсюда, сверху, в особенности занято было наблюдать нехитрую, волнительную механику весны» (Скутаревский); «Таия медленно обернулась к Пугелю, сидевшему на приступочке и не смевшему прервать ее волнительного раздумья» (Вор).

Попробуем заменить в этих примерах прилагательное *волнительный* его синонимом *волнующий*. В первом случае такая замена не влечет за собой никаких ощутимых последствий, но во втором примере, пожалуй, произвести ее нельзя, искажается смысл фразы. Происходит это потому, что слова *волнующий* и *волнительный* не являются полными синонимами: в первом содержится значение активного действия а второе полностью его лишено и выражает только качественные значения.

Е. М. Алексина

■ ЗНАКОМЫЙ КОТ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

«У лукоморья дуб зеленый; Златая цепь на дубе том: И днем и ночью кот ученый Все ходит по цепи кругом...». Знаменитый пролог к знаменитой поэме «Руслан и Людмила». Чистый, как родник, пушкинский язык.

Но что это? Разглядываю иллюстрацию к приведенным стихам художника Е. Александровой (А. С. Пушкин. Поэмы. Л., «Художественная литература», 1976, обложка). Ученый кот привязан к дубу цепью за шею. Ни дать ни взять — цепной пес. Разве так надо понимать пушкинское словосочетание *ходит по цепи*? Да и можно ли так понимать?! Ведь это явное противоречие смыслу.

В другом пушкинском издании (А. С. Пушкин. Стихи и сказки. М., «Детская литература», 1976, с. 36) на рисунке художника В. Ладягина цепь изображена развешанной на ветвях дуба, а кот — шагающий по ней, как по канату. Это уже иное истолкование Пушкина, и, по-моему, верное. Впрочем, данному истолкованию есть авторитетное подтверждение. Известный исследователь творчества Пушкина профессор С. М. Бонди пишет: «В заключительных стихах пролога Пушкин справедливо утверждает, что... он сам был там., сидел под зеленым дубом, и кот ученый, ходящий направо и налево по развешанной на ветвях дуба золотой цепи, ему, Пушкину, рассказывал свои сказки» (Стихотворения Александра Пушкина. Сост. С. Бонди. М., «Детская литература», 1965, с. 123).

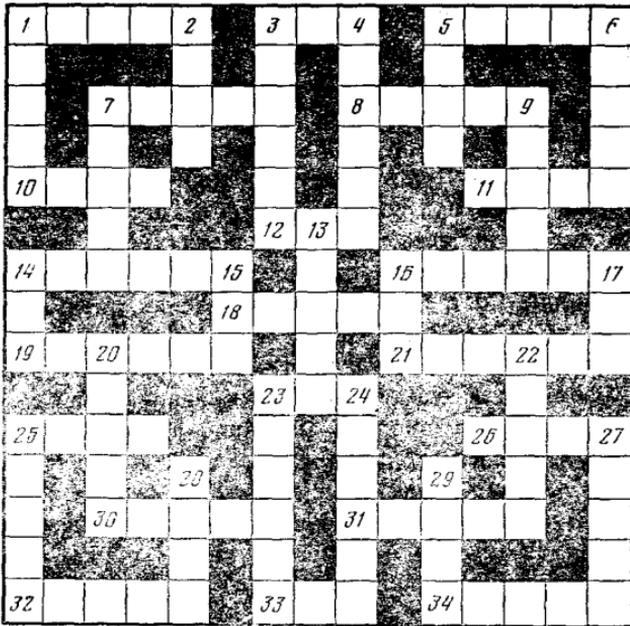
Еще более убедительные доказательства представляет русская лексикография. Ни в одном толковом словаре русского языка у предлога *по* не зафиксировано значение, аналогичное значению предлога *на* в словосочетаниях: *пастись на привязи, прогуливать (собаку) на поводке, бегать (или сидеть) на цепи* и т. п. В «Словаре языка Пушкина» из 13 значений, выделенных у предлога *по* с дательным или предложным падежами, тоже нет ни одного, близкого к указанному значению — «на привязи». Сами же пушкинские строки, о которых идет речь, служат иллюстрацией к первому значению предлога: «Употребляется с сущ., означающим предмет, вдоль поверхности которого, соприкасаясь с ней, совершается движение кого, чего-нибудь...» (Т. 3, М., с. 375).

Итак, ученого кота посадили на цепь по недоразумению? Однако недоразумение-то это оказалось уж слишком живучим. Его можно увидеть во многих изданиях, на рисунках разных художников. Например, в книге «Пушкин в портретах и иллюстрациях» (сост. М. М. Калаушин. Л., Учпедгиз, 1951, с. 70) — художник Н. Рамазанов; в настенном календаре 1979 года (изд-во «Изобразительное искусство») — художник Д. Буторин и в других. Откуда же взялось это распространившееся заблуждение? Возможно, вследствие необычности образа сказочного кота в роли эквилибриста? Но ведь все кошачьи всегда славились своей ловкостью, что не могло не отразиться и в народных сказках. Во всяком случае, более странно, даже жестоко приковывать к дубу тяжелой (золотой!) цепью животное, заставлять бродить его с ней направо и налево, да при этом песни петь и сказки говорить. Извините, но такое не мог сделать всеми любимый поэт.

С. А. Карпухин
г. Стерлитамак

А как думаете вы, уважаемые читатели? Правы ли художники, изображающие кота из поэмы «Руслан и Людмила» на цепи?

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Приток Камы. 3. Один из главных богов в религии Древнего Египта. 5. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 7. Станция Московского метрополитена. 8. Остров в восточной части Тихого океана. 10. Город во Франции, старинный центр производства изделий из фарфора. 11. Древнерусский поэт-певец. 12. Марка первых советских грузовых автомобилей. 14. Район Москвы, выросший на месте старинного села. 16. Мужское имя. 18. Название трех больших озер в Карелии. 19. Фирменный московский магазин по продаже товаров для женщин. 21. Русский город, упоминаемый в летописях с конца IX века. 23. Сокращенное название строящейся в СССР железной дороги. 25. Русское народное название созвездия Млечиды. 26. Одна из девяти муз в древнегреческой мифологии. 30. Распространенная кличка собаки. 31. Прежнее название г. Калинин. 32. Советский детский писатель. 33. Центральный персонаж одной из трагедий В. Шекспира. 34. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.

По вертикали:

1. Славянское языческое божество. 2. Персонаж поэмы «Иллиада», герой, сонскатель руки Елены. 3. Женское имя. 4. Новое название поселка Куоккала под Ленинградом. 5. Стихотворение А. С. Пушкина. 6. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 7. Название системы мелких сливов Лзовского моря у северных и северо-восточных берегов Крыма. 9. Остров, родина Одиссея. 13. Река в Ленинграде. 14. Русский архитектор, автор проектов Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты. 15. Река в средней полосе России. 16. Английский мыслитель. 17. Имя великого русского писателя. 20. Нагорье в Азии. 22. Известный полярный исследователь. 23. Самое глубокое озеро на Земле. 24. Герой одного из романов М. Булгакова. 25. Русский писатель, автор перевода «Песни о Гайавате». 27. Река в Московской области. 28. Город на юге России. 29. Советский академик, географ и биолог.

**НЕ ВЕРЬ
ГЛАЗАМ СВОИМ**

«Как говорится в пародии, *Что написано пером, не вырубить топором*. Ярко иллюстрирует это речение упаковка папирос, выпускаемых Львовской табачной фабрикой, где помещены разные написания названия», — пишет В. А. Филатов из Луцка.

“ БЕЛОМОРКАНАЛ ”

СРСР МІНХАРЧОПРОМ УРСР

УКРТЮТЮНПРОМ

ЦИГАРКИ 1-го СОРТУ А

“ БЕЛОМОРКАНАЛ ”

25 шт. Ціна 22 коп.

ЛЬВІВСЬКА ТЮТЮНОВА ФАБРИКА

ГОСТ 1505-49

Название известных папирос пишется только так: *Беломорканал*. Ведь состоит это сложное слово из усеченной формы прилагательного и существительного. Такие слова пишутся слитно (например, *пионерлагерь*).

Москвич В. М. Цветков пишет: «На днях мы с женой купили ребятам по шоколадке. На обертке, которую высылаю Вам, написано: „Шоколад с крем-брюлевой начинкой“. Прочитали мы, и у нас возник вопрос: правомерно ли такое написание?».

От многих несклоняемых существительных на *-е* прилагательные не образуются (*тире, ателье, кабаре* и др.). Но в тех случаях, когда от подобных слов прилагательные образуются, они оформляются суффиксом *-йн-* (*желейный, филейный, кофейный* и др.). Таким образом, шоколад должен быть с *крем-брюлейной* начинкой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 1. «Памятник». 4. Каламбур. 7. Циклон. 8. Ногата. 10. Атлет. 11. Алтын. 12. «Фаталист». 14. Арал. 15. «Клоп». 17. Ухта. 18. Опал. 19. Арго. 20. Дума. 22. Разговор. 25. Ширма. 27. Пшено. 29. Тильда. 30. Корвет. 31. Парусина. 32. Некрасов.

По вертикали: 1. Поэма. 2. Текст. 3. Куплет. 4. Коньки. 5. Агава. 6. «Рудин». 7. Целина. 9. Аптека. 12. Фольклор. 13. Трубадур. 15. Кода. 16. Пуло. 18. Оборот. 21. Акцент. 23. Забава. 24. Вулкан. 25. Штамп. 26. Ата. 27. Повар. 28. «Обрыв».

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12.02.1980. Подписано к печати 07.04.1980. Т—05260.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Печать высокая Усл. печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 10,3
Бум. л. 2,5 Тираж 60000. Зак. 2793

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волконка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10